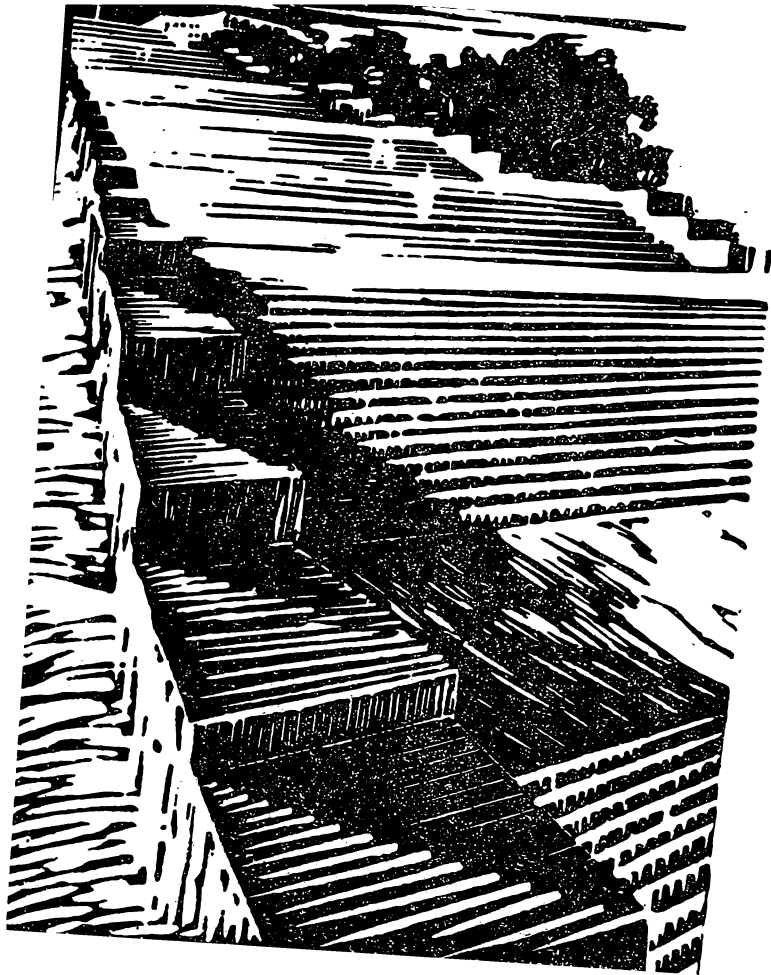

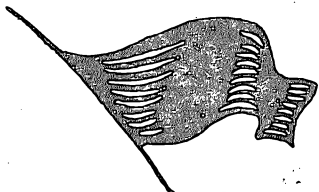
В. Коновалов

ПОДВИГ

«АЛМАЗ»

В. Коновалов

ПОДВИГ

«АЛМАЗ»

Ушли в историю годы гражданской войны. Миновали овеянные романтикой труда первые пятилетки. В Великой Отечественной войне наша Родина выдержала еще одно величайшее испытание. Родились тысячи новых героев. Но в памяти старожилов Одессы поныне живы воспоминания об отважных матросах крейсера «Алмаз», которые вместе с другими моряками-черноморцами залпами корабельной артиллерии возвестили о приходе Октября в Одессу и стойко защищали власть Советов.

О незабываемом революционном подвиге моряков и рассказывается в данном историческом повествовании. Автор—кандидат исторических наук В. Г. Коновалов известен читателям по книгам «Иностранная коллегия» и «Герои Одесского подполья». В своем новом труде он продолжает тему революционного прошлого Одессы.

Книга написана в живой литературной форме и рассчитана на широкий круг читателей. Просим присылать свои отзывы, пожелания и замечания по адресу: Одесса, ул. Жуковского, 14, Одесское книжное издательство.

ОТ АВТОРА

Приближалась десятая годовщина Великого Октября. В Одессе в честь этой знаменательной даты открылся Музей революции. И на самом видном месте, на любовно оформленном постаменте с моделью крейсера «Алмаз» золотом сияли слова: «С моря, с *«Алмаза»*, с *рабочих окраин* пришел Октябрь в Одессу».

Крейсер «Алмаз»! Только старшее поколение помнит о нем. А было время, когда об «Алмазе» писал В. И. Ленин, поэты посвящали крейсеру стихи, сочиняли о нем песни. «Южной Авророй» называли «Алмаз» участники революционных событий в Одессе, желая тем самым подчеркнуть, что крейсер является стойким защитником Советской власти на юге Украины.

Но прошли годы. Время постепенно стерло в памяти человеческой многие имена и события. Да и тогда, в первые годы революции, вокруг «Алмаза» возникало немало легенд, не всегда легко было отделить правду от вымысла. Трубы «Алмаза» спокойно дымили на Одесском рейде, а буржуазные газеты публиковали сообщения под загадочно-сенсационными заголовками: «Тайны крейсера «Алмаз», с эстрадных площадок и ресторанных подмостков бесчисленные куплетисты распевали сочиненную кем-

то песенку: «Ой, яблочко, куда котишься, на «Алмаз» по-
падешь — не воротишься!»

Цель данной книги показать выдающуюся роль, которую сыграли экипаж крейсера «Алмаз» и черноморские моряки в борьбе за установление и упрочение Советской власти в Одессе.

«Подвиг «Алмаза» — документальное историческое повествование об утренних часах Октября, когда каждый день рождал героев и героические подвиги, когда свершались чудесные дела, которые сейчас звучат как предание. В книге нет домысла и выдуманных героев. В ней идет речь о черноморских моряхах, о рабочих одесских заводов, о большевистской организации Одессы, возглавившей борьбу за Советскую власть в своем родном городе.

Книга написана на основании архивных материалов, многие из которых впервые обнаружены автором, а также воспоминаний бывших алмазовцев, активных участников борьбы за власть Советов в Одессе.

Автор считает своим долгом сообщить читателям, что в работе над книгой ему оказали большую помощь бывшие моряки-черноморцы Алексей Алексеевич Клименко, Евгений Николаевич Вильковский, Никита Саввич Боровский, Михаил Семенович Аркушенко и многие другие. Они передали автору свои воспоминания, неустанно трудились над розыском ныне здравствующих алмазовцев, помогали выявлять архивные материалы и фотодокументы. Автор всем им приносит свою искреннюю благодарность.

И последнее. Книга о крейсере «Алмаз» появляется впервые. В ней могут быть отдельные неточности. Автор с благодарностью встретит все критические замечания и предложения читателей.

ПРОРЫВ ВО ВЛАДИВОСТОК

Морской бой. На «Алмазе» вспоминают царский визит. В походе. Случай на экваторе. Князь Чегодаев-Саконский и лейтенант Саблин. Рассуждение об окраске судов. Гибель эскадры. Всегда ли убегающий не выбирает дороги? Смелое решение. Курс NO-23. В бухте Золотой рог. «Нежелательные явления».

Крейсер «Алмаз» горел. Уже были снесены крестовый, рея и гафель, много повреждений получил корпус. Из пробитой задней дымовой трубы на палубу валил густой дым, а неприятельские снаряды продолжали со свистом рваться у самого борта. Еще один крупнокалиберный снаряд угодил в кормовую рубку и разворотил ее, разнес в щепки командирский вельбот, погнул шлюп-балки. В дыму и огне метались люди, борясь за живучесть корабля под непрерывным обстрелом японских крейсеров.

Продолжали стрелять и комендоры «Алмаза». Чудом уцелевшие пушки были раскалены. Повалился навзничь смертельно раненый комендор Семен Шитин, пали в бою старший комендор Георг Кейль, артиллерийский офицер лейтенант Павел Молчалин и лейтенант Павел Саблин. В корабельном лазарете умерли от ранений матрос 1-й статьи Иван Попов, кочегар 2-й статьи Александр Лукин, машинист 1-й статьи Антон Ерв, кок Спиридон Кравченко. Получили тяжелые ранения и истекали кровью матросы Василий Суханов, Степан Власенко, Борис Мило-

сердов, Яков Савицкий, барабанщик Исаак Рудь, машинист Степан Иванов... Раненые Федор Зайков, Сергей Иванов, Федор Герман не уходили со своих постов, перевязки им были сделаны здесь же на палубе.

А море продолжало кипеть от японских снарядов. Неподалеку от «Алмаза» перевернулся вверх килем и затонул эскадренный броненосец «Ослябя». Среди множества обломков, коек и остатков разбитых шлюпок в воде барахталась масса людей. Неприятельские снаряды густо ложились в этом месте. Вот за огромный спасательный круг ухватилось человек тридцать. Яростный взрыв — и на месте круга с матросами поднялся красный фонтан.

В этот трагический момент, когда после многочисленных попаданий неприятельских снарядов один за другим пошли ко дну эскадренные броненосцы «Суворов», «Ослябя», «Бородино» и «Александр III», а разведывательный отряд крейсеров, в который входил «Алмаз», попал под перекрестный огонь японских броненосцев, на крейсере вспомнили об одном, казалось, уже забытом событии.

— Эх, царя бы сюда, посмотрел бы Николашка, как его самотопы идут на дно,— в сердцах произнес комендор Василий Бас.— Увидел бы всю приятность!

Эти слова напомнили алмазовцам августовский день 1903 года.

...Набережную Кронштадта заполнили большие толпы. Взоры всех были устремлены на Малый Кронштадский рейд, где стоял белоснежный двухтрубный корабль, похожий скорее на прогулочную паровую яхту, нежели на военный крейсер 2-го ранга. Это был «Алмаз», всего два месяца назад вступивший в строй кораблей русского военного флота. Всеобщее внимание к «Алмазу» привлекал желтый штандарт на грот-мачте, означавший, что на борту корабля присутствует сам государь-император.

Корпус крейсера отличался большим изяществом, а

носовая часть словно воплощала собой устремленность вперед. Верхняя палуба — из дорогого дерева-тика. Кормовые офицерские каюты обставлены мягкой мебелью, зеркалами, персидскими коврами. Казалось, не было минуты, чтобы матросы не драили, не чистили, не мыли и не красили всего, что можно было драить, чистить, мыть и красить. Недаром корабль назывался «Алмазом», блеск и излучение исходили от него, как от настоящего драгоценного камня. Сегодня же «Алмаз» сверкал сверхидеально. Сегодня на крейсере находилось «его императорское величество». Красавцу крейсеру предстояло совершить свое первое плавание, и Николай II решил осмотреть корабль перед его отплытием в Тихий океан.

Командир крейсера капитан 2-го ранга Иван Иванович Чагин доложил в рапорте царю, что крейсер «Алмаз» спущен на воду 2 июня 1903 года, построил его Санкт-Петербургский Балтийский завод, водоизмещение — 3285 тонн, скорость — 19 узлов, вооружение — 12 орудий, экипаж — 15 офицеров и 280 низших чинов.

Царь остался доволен осмотром корабля. Правда, последние минуты его пребывания на крейсере были несколько омрачены. Благодушно настроенный царь подошел к одному из матросов и спросил:

— Что, голубчик, не боишься утонуть в далеком море?

По моментально изменившимся лицам офицеров не трудно было понять, что такой вопрос был некстати. Тем более, что самодержец обратился к бывалому матросу Ивану Попову, острослову и балагуру, который никогда не лез в карман за словом.

— Не море топит корабли, а люди, ваше величество! — последовал бравый ответ.

Смысл этих слов не сразу дошел до царского сознания. Но Николаю все же показалось, что в ответе матроса есть какой-то намек.

— На таком красавце плавать одна приятность, не правда ли? — вновь обратился к матросу Николай.

— Самотоп что надо!.. Пушчонки только больно тощие, ваше величество, больше для салюту приспособлены, — снова выпалил Попов.

Это было неслыханной дерзостью. Офицеры растерялись.

Возвращаясь на императорскую яхту «Штандарт», царь счел нужным сделать замечание командиру крейсера, что матросы на «Алмазе» не в меру болтливы. На следующий день Попов за «недисциплинарные ответы» его императорскому величеству подвергся усиленному аресту на 10 суток.*

Первое плавание в Тихом океане прошло благополучно. «Алмаз» провел в водах Дальнего Востока учения, посетил некоторые иностранные порты и без особых приключений в конце 1903 года вернулся в Кронштадт.

В начале 1904 года японский флот без объявления войны, по-разбойничьи, напал на русскую Тихоокеанскую эскадру, находившуюся на внешнем рейде Порт-Артура. Так началась война между царской Россией и Японией за господство на Дальнем Востоке.

Царские войска и флот несли огромные потери. После падения Порт-Артура военный крах России стал очевидным. Чтобы как-то спасти положение, царское правительство поставило на карту всё, собрало в Балтийском море все сколько-нибудь годные корабли, с бору да по сосенке укомплектовало их экипажи и 2 октября 1904 года двинуло эскадру на Дальний Восток. В действительности это

* В журнале «Морской сборник» № 5 за 1903 год появилось сообщение, что царь Николай II во время посещения «Алмаза» «пожаловал» матросам по одному рублю на человека. В действительности, как явствует из документов, деньги матросам выданы не были. Своё обещание царь высказал сразу же по прибытии на крейсер, ещё до злополучной беседы с матросом Иваном Поповым.

была не эскадра, а набор разношерстных кораблей, в том числе «старых сундуков», которым повесили военный флаг. «Великая армада,— писал В. И. Ленин,— такая же громадная, такая же громоздкая, нелепая, бессильная, чудовищная, как вся Российская империя,— двинулась в путь, расходуя бешеные деньги на уголь, на содержание, вызывая общие насмешки Европы...»¹

В составе «великой армады» находился и крейсер «Алмаз». Он был головным кораблем первого эшелона, в который входили крейсера «Светлана», «Жемчуг», «Дмитрий Донской», миноносец «Блестящий», транспорты «Меандр» и «Горчаков».

Утром 2 октября 1904 года на эскадренном броненосце «Суворов», на котором держал флаг командующий эскадрой контр-адмирал Рожественский, был поднят сигнал: «Первый эшелон не намерен сниматься с якоря». Тогда на «Алмазе» еще не знали о странностях командующего 2-й Тихоокеанской эскадрой, но все же решили, что этот сигнал означает приказание сниматься с якоря. В 9 часов 30 минут первый эшелон вышел с либавского рейда. Вскоре ушли и остальные три эшелона. Начался семимесячный 18000-мильный поход русского флота на Дальний Восток.

Крейсер «Алмаз», совершенно не приспособленный для участия в войне, был взят в этот поход явно по недоразумению. Злые языки утверждали, что «Алмаз» послан на войну только потому, что командиру крейсерского отряда адмиралу Энkvисту, державшему свой брейд-вымпел на «Алмазе», понравились великолепная, птичьего глаза столовая, обитая шелком мягкая мебель гостиной и отделанный дорогой кожей кабинет адмиральских хором. Вероятно, это так и было, ибо в боевом отношении «Алмаз» с его обыкновенным корпусом и деревянными надпалубными помещениями серьезного значения не имел. Его 47- и

75-миллиметровые пушки не стреляли дальше 35 кабельтовых.*

И никто не мог тогда предвидеть, что «Алмаз» не только многие часы будет находиться в адском огне, но и сумеет выбраться из плотного кольца японских броненосцев, растреливавших остатки 2-й Тихоокеанской эскадры...

Командир «Алмаза» капитан 2-го ранга И. И. Чагин был строгим и усердным офицером царского флота. В отличие от многих флотских чинов, тунеядствовавших и щеголявших своими родословными, он понимал, что на судах, оснащенных сложными техническими устройствами, нельзя обойтись без инициативных и грамотных матросов. Поэтому Чагин требовал от офицеров крейсера, чтобы они не чурались матросов, учили их пользоваться новейшими усовершенствованиями судовой и военной техники. На корабле в установленные часы каждый офицер занимался с подчиненными ему матросами по повышению их грамотности.

— Современная война требует высококачественного человеческого материала. Бездумные автоматы-исполнители не будут способствовать успеху морского боя, — настаивал Чагин командный состав крейсера. — Когда матросу приказано сделать что-либо, то он должен понимать, для чего и почему он получил это приказание.

Некоторые офицеры «Алмаза» считали командира вольнодумцем, чуть ли не революционером, и нерадиво, с пренебрежением выполняли приказ Чагина об обучении команды. Старший судовой механик Томас Нейман однажды заявил в кают-компании:

— Если нижние чины будут все знать, то они попросту перестанут выполнять приказания. Да и нам, господа офицеры, тогда нечего будет делать на корабле...

* Кабельтов — морская мера длины, равняется 185,2 метра.

— Что ж, многим из нас, защищающим темноту, невежество и забитость матросской массы, давно уже не место во флоте, — резко прервал Неймана лейтенант Саблин.

Началась жаркая перепалка между Нейманом и Саблиным, в беседу вступили другие офицеры. Нейман в кают-компании имел больше сторонников, но Саблин упорно не сдавался, и дискуссия закончилась крупной размовкой, которая длилась в течение всего похода эскадры Рождественского.

Саблин был образованным офицером. Близкий родственник русского революционера-народника Н. А. Саблина, принимавшего участие в подготовке убийства царя Александра II, Павел Саблин не чуждался матросов, пользовался их доверием. Выполняя указание командира крейсера о занятиях с нижними чинами, он не упускал случая рассказать им об общественной жизни России, о передовых идеях русских революционеров-демократов. Отдельных матросов Саблин исподволь подводил к пониманию реакционности царского самодержавия. У матросов, с которыми беседовал Саблин, складывалось ясное понимание, что кровопролитная война, невольными участниками которой они являются, может сыграть в жизни России революционную роль.

О беседах Саблина знал лишь узкий круг матросов. Но один случай, происшедший на крейсере во время пересечения экватора, поднял авторитет Саблина в глазах всей команды. Среди офицеров «Алмаза» был прапорщик по морской части князь Алексей Чегодаев-Саконский. Он не скрывал своего презрительного отношения к «низшим чинам» и не упускал случая принизить, оскорбить матроса. «Наш князь, что грязь — как его ни обходи, все равно прилипнет», — не без основания говорили между собой матросы. Уже не один из них подвергся наказанию по вздорным придирам князя.

На корабле находился всеобщий любимец щенок. Матросы звали его Морькой, а офицеры — Филькой. Чтобы никого не обидеть, щенок шел на обе клички. Все было хорошо, покамест кто-то из офицеров не купил на Мадагаскаре лемура. Эту полуобезьянку нарекли Коко. Между щенком и лемуром дружбы не получилось, — первый при удобном случае стремился вонзить свои зубы во второго, а тот в свою очередь не оставался в долгу. Любимым занятием Чегодаева-Саконского и стало натравливание лемура на щенка.

Когда корабль пересекал экватор, команда устроила традиционное празднество в честь бога Нептуна. Матрос Ромашин в роли владыки морей, обращаясь к командиру корабля, произнес сочиненный артиллерийским офицером Молчалиным монолог:

Здравствуй, отец командир!
Я надел свой парадный мундир,
И с супругой, детьми на «Алмаз»
Прибыл к вам сообщить, что обидел ты нас.
Ты с кораблем своим вошел без разрешения
В мои владения.
Коль не хочешь гневить меня дольше,
Дай мне выкуп — вина, да побольше...

В этот торжественный момент на палубу вышел Чегодаев-Саконский, ведя на привязи Коко. Завидев своего злейшего недруга, Морька-Филька стал лаять. Внезапно лемур сделал прыжок, вырвался из рук прапорщика и накинулся на щенка. Матрос Василий Хаймусов ринулся выручать Морьку-Фильку и, поскользнувшись, нечаянно сбил с ног Чегодаева-Саконского. В довершение всего обозлившийся Коко подскочил к распластавшемуся офицеру и вонзил свои острые зубы в его руку.

Чегодаев-Саконский и вахтенный начальник лейтенант Николай Саблин (однофамилец Саблина) обвинили Хаймусова в том, что он преднамеренно сшиб офицера. Они

утверждали, что Хаймусов якобы замахнулся на князя, намереваясь его ударить. Матросу грозило суровое наказание.

Но в защиту Хаймусова встал Павел Саблин. В кают-компании в присутствии многих офицеров он опроверг необоснованные обвинения. Не отрицая, что матросы в целом недоброжелательно относятся к Чегодаеву-Саконскому за его высокомерие, Саблин утверждал, что у Хаймусова не было никакого злого умысла, что все произошло случайно, в общей сутолоке. Скандальное дело пришлось замять. Стали было поговаривать, что адмирал Рожественский готовит приказ об офицере, «битом по морде» (на крутые выражения командующий эскадрой не скупился), но в конце концов все окончилось сравнительно благополучно, — Хаймусов подвергся лишь строгому дисциплинарному аресту без отдачи под суд.

От вестовых, прислуживавших в кают-компании, команда крейсера узнала, что Павел Саблин на стороне матросов и решительно отстаивает невиновность Хаймусова. После этого матросы с еще большим доверием стали относиться к лейтенанту. Его каюта была завалена книгами и журналами, и любители чтения запросто приходили к нему и уносили с собой интересные книги. Однажды побывали у Саблина два неразлучных приятеля — тучный фельдфебель Фефелов и тощий, как щепка, долговязый писарь Пастухов. Они пришли как раз в то время, когда Саблин беседовал с машинным кондуктором Дмитрием Горбенко о прочитанной им книге. Приятелям показалось, что беседа имеет политический характер, и они сообщили об этом старшему офицеру лейтенанту Дьячкову, не преминув добавить, что Горбенко взял у Саблина «подозрительную» книжечку. Третьего дня адмирал Энkvист, читая нравоучения матросам, говорил, что на крейсере распространяются вредоносные слухи, давал совет, как должны вести себя моряки вдали от отечества. Фефе-

лов и Пастухов, на которых слова адмирала произвели должное впечатление, и решили проявить свое рвение.

— Что это вы читаете? — обратился офицер Дьячков к машинным кондукторам Дмитрию Горбенко и Степану Бондаренко, пристроившимся с книгой на полубаке.* Оба они были родом из Одессы, ранее служили в Черноморском флоте и только в августе 1904 года стали членами экипажа «Алмаз».

— А вот, ваше благородие, интересно как получается: галушки Пацюку прямо в рот сами летят. Кабы нам так! — ответил Горбенко, показывая сочинения Н. В. Гоголя.

Старший офицер ничего «зловредного» не обнаружил. А вскоре надвинулись события, заставившие забыть о доносе на Саблина.

22 марта 1905 года «Алмаз» шел во главе эскадры. Вечером подошли к Малаккскому проливу. Огней не зажигали, за исключением бортовых — красного и зеленого. Даже адмиральский огонь был погашен: в проливе можно было ожидать минной атаки. Ночью с флагманского броненосца «Суворов» поступило приказание зажечь на «Алмазе» огни. Приказ выполнили, но никто не знал, с какой целью это было сделано. Ведь все остальные корабли шли без огней. «Очевидно, мы должны служить приманкой в случае нападения на эскадру», — рассуждали на крейсере.

Командир «Алмаза» И. И. Чагин много плавал в водах Дальнего Востока, в течение трех лет состоял морским агентом в Японии и лучше других знал противника, с которым предстояло встретиться в морском бою. Поэтому с первых дней похода он стал знакомить офицеров крейсера с тактическими и боевыми особенностями японского флота и его командным составом. Когда эскадра входила в Малаккский пролив Чагин созвал на юте** сво-

* Полубак — надстройка в носовой части палубы.

** Ют — кормовая часть верхней палубы судна.

бодных от вахты офицеров, кондукторов и матросов и напомнил им, что только при тщательной бдительности и решительных, слаженных действиях можно рассчитывать на успех при встрече с неприятелем. Он говорил:

— Прошу проникнуться важностью нашего дела и помышлять в свободное время о том, чтобы чего не упустить и не прозевать. Днем и ночью, кому следует, хорошенько смотреть за горизонтом, комендорам заботиться об исправности своих пушек, машинистам — о турбинах и динамо-машинах, кочегарам — о том, чтобы в возможно скором времени были бы подняты пары в котлах, когда понадобится ускорить ход. Если все у нас будет исправно, а вы будете действовать сознательно и согласно приказаниям, то с божьей помощью мы свое дело сделаем и лицом в грязь не ударим. Так ли я говорю, ребята?

Экипаж «Алмаза» выразил свое согласие с командиром.

Дальше эскадра продвигалась с соблюдением предосторожностей. Комендоры спали не раздеваясь у орудий, по нсчам корабли шли с притушенными огнями. 13 мая подошли к Корейскому проливу. Мгла заволакивала горизонт. В ночь на 14 мая взошла луна. Ее отблеск на горизонте многие приняли за луч прожектора. На «Алмазе» изготовились к бою, однако неприятельских кораблей не оказалось, хотя беспроволочный телеграф всю ночь передавал непонятные слоги. На крейсере имелся японский словарь, к тому же Чагин неплохо знал японский язык. Попытались разобраться в радиосигналах противника, но выяснилось, что японцы переговариваются между собой по шифру.

С подъемом флага по давнишней флотской традиции вся команда в ожидании боя переделалась в чистое белье, белые голландки и черные брюки. С орудий сняли чехлы.

Действительно, вскоре на горизонте показались корабли противника.

— Ваше благородие, почему мы не стреляем? Ведь

японец совсем близко! — взволнованно обратился к лейтенанту Молчалину комендор Семен Шитин. По левому борту «Алмаза», сливаясь с колоритом воды, неба и мглистого горизонта, шел на сближение с русским разведывательным отрядом японский крейсер, окрашенный в защитный зеленовато-серый цвет.

Артиллерийский офицер и сам не знал, почему не стреляли по неприятельскому крейсеру.

— И почему, ваше благородие, наши корабли окрашены в черный цвет? — не унимался Шитин. — Али серой краски на Руси не нашлось?

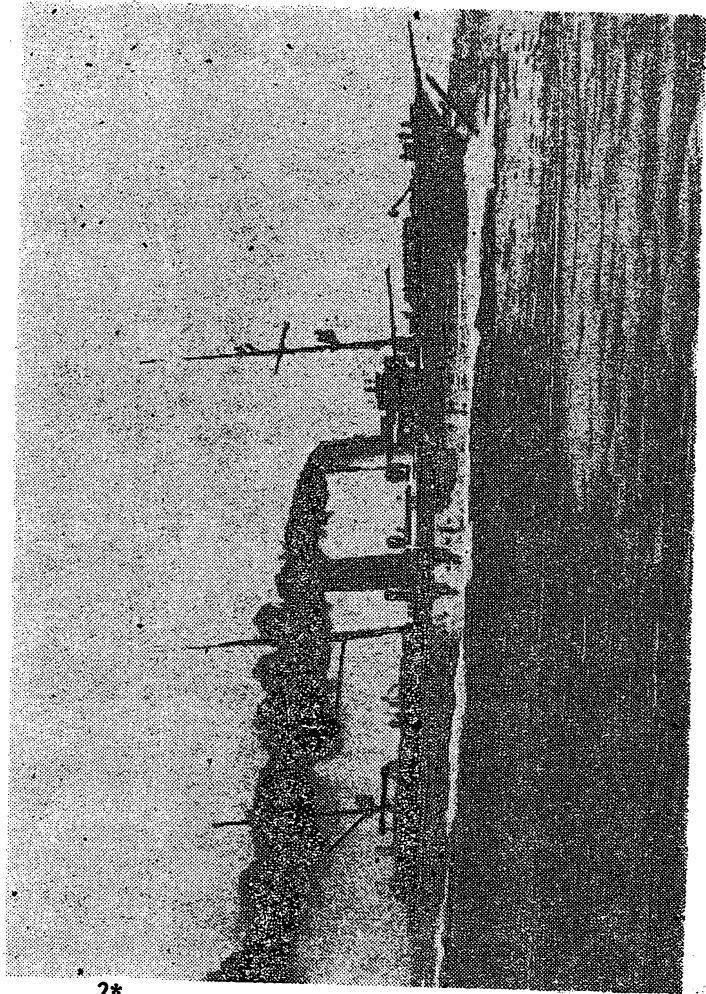
Молчалин, как и многие офицеры русской эскадры, понимал, что окрашенные в черный цвет корабли были для неприятеля прекрасной мишенью, тогда как окраска японских судов хорошо маскировала их.

— Это чтобы ночью труднее было нас увидеть, — в шутку ответил он Шитину.

— А вахтенный начальник объяснил иначе. Говорит, чтобы своих не спутали с противником.

На этом беседа прервалась. Расстояние между «Алмазом» и японским крейсером еще больше сократилось. Уже отчетливо было видно, что это крейсер «Идзуми». Однако адмирал Энkvист все не отдавал приказа начать бой. Тогда Молчалин сам приказал комендорам открыть огонь. Они того только и ждали. Загрохотали орудия. Это произошло в 10 часов 15 минут. «Идзуми» вначале стал отвечать «Алмазу», но потом скрылся.

Разведывательный отряд в составе крейсеров «Урал», «Светлана» и «Алмаз» шел навстречу неприятелю. Когда началось Цусимское сражение, первые залпы японских кораблей были направлены по крейсерам. «Урал» и «Светлана» сразу же получили подводные пробойны и вышли из строя. «Алмаз» присоединился к основному крейсерскому отряду и, маневрируя, вел огонь из 75-миллиметровых пушек.

Крейсер 2-го ранга «Алмаз».

— Глянь, Вася, как японца разделали! — радостно воскликнул матрос Иван Киреев, обращаясь к своему другу гальванеру Вакуленко, когда «Алмаз» проходил вблизи объятый пламенем бесформенной громадины.

Но это был не японский корабль, а флагманский броненосец «Суворов». Весь в дыму, без мачт, без труб, он уже не отвечал на огонь японцев.

Японский флот застиг русскую эскадру врасплох, когда она перестраивалась из двух походных колонн в боевую линию. Цусимское сражение началось около 14 часов 14(27) мая, а спустя полчаса русская эскадра уже лишилась управления — флагманский корабль «Суворов» вышел из строя, командующий эскадрой Рожественский был ранен. Несмотря на полную неспособность направлять ход сражения, «Суворов» долго еще во время боя кружил по морю, а главные силы эскадры бессмысленно следовали за ним, ожидая указаний командующего. И без того тяжелое положение эскадры осложнялось наличием при ней многочисленных тихоходных транспортов и вспомогательных судов, вносивших своим присутствием еще большую сумятицу и неразбериху в действия боевых кораблей.

Крейсерский отряд, к которому присоединился «Алмаз», в течение некоторого времени самостоятельно вел бой с японскими крейсерами. «Алмаз» находился в очень невыгодном положении. Он должен был все время держаться концевым в левой колонне крейсеров. Чтобы избежать столкновения со своими же транспортами, шедшими в беспорядке по обеим сторонам крейсерской линии, «Алмазу» приходилось непрерывно круто поворачивать. Из-за этих маневров он стал отставать от группы крейсеров.

Один из участников Цусимского сражения морской офицер, не пожелавший назвать в печати свое имя, писал в «Московских ведомостях»: «Наше маневрирование напоминало басню о Лебеде, Раке и Щуке, мы не умели стре-

лать... У нас было мало боевых снарядов: у броненосцев на 8 часов боя, а на «Алмазе» только на 3».

Хорошо подготовленные и численно превосходящие силы врага в течение одного дня, несмотря на беспримерный героизм и самоотверженность русских моряков, превратили 2-ю Тихоокеанскую эскадру в небоеспособную, беспомощную группу кораблей.

В 16 часов 30 минут от попадания неприятельских снарядов загорелся «Алмаз». Первый снаряд попал в заднюю мачту и зажег деревянную стеньгу. Начали тушить, но брандспойты не доставали. Матросы Катин и Хаймусов полезли на мачту, цевзирая на свист пролетавших мимо снарядов. Второй снаряд разорвался неподалеку от кормового 75-миллиметрового орудия. Вся прислуга его была ранена. Вот тогда и вспомнили матросы визит царя на «Алмаз» и его беседу с Иваном Поповым.

Когда стемнело, японцы собрали основные силы своей эскадры и перекрыли ими кратчайшие коммуникации к Владивостоку. Они явно не собирались пропустить к заветному берегу ни одного русского судна.

Для кораблей 2-й Тихоокеанской эскадры был подан сигнал: «NO-23 — курс на Владивосток на всех парах». Но вскоре на адмиральском броненосце был спущен флаг, что означало: «Сдаюсь». Вечером часть крейсерского отряда, вместо того, чтобы пробиваться к Владивостоку, повернула на юг. «Алмаз», маневрируя между транспортами, невольно отстал и в наступившей темноте потерял из виду крейсерский отряд.

Создалась очень сложная обстановка. Командир крейсера, старший офицер и штурман все время находились на мостике, совещались, но ни к какому определенному решению прийти не могли. Прорываться к Владивостоку по обычному маршруту, да еще в одиночку — это было равносильно самоубийству. Идти на юг — бессмысленно: японские корабли повернули на юг вслед за ушедшими туда

русскими крейсерами и теперь, пользуясь преимуществом в скорости, несомненно находились впереди «Алмаза». Казалось, выхода не было. Все настойчивее и настойчивее сознание экипажа сверлила мысль о неизбежности плена. И как тогда, при входе в Малаккский пролив, Чагин решил созвать всех офицеров, кондукторов и матросов. На ют пришли даже раненые.

То, что сообщил командир крейсера, было уже всем известно. 2-й Тихоокеанской эскадры больше не существует. Многие корабли или потоплены или сдались японцам. «Алмаз» — в ловушке, возможно, ему уготована участь всей эскадры. Однако можно попытаться...

— Но прежде чем сообщить вам о самом главном, — говорил Чагин, — я хотел бы спросить вас, ребята: морем, на своем корабле хотите возвращаться вы домой или сушей, по железной дороге?

— Морем! На крейсере! — в один голос отвечала команда.

— Я знал, — продолжал Чагин, — что никому не люб сидеть в японском плену и потом ехать домой на непри-
вычном для моряков транспорте. Теперь слушайте внима-
тельно. Японцы расставили свои миноносцы и крейсера на
всех основных путях к Владивостоку. Они хотят во что бы
то ни стало захватить или потопить суда, уцелевшие после
морского боя. Они будут действовать, исходя из существу-
ющего у них поучения: «Убегающий не выбирает дороги». Мы же будем выбирать свою дорогу к дому. «Алмаз» сей-
час пойдет к берегам Японии. Да, да, к японскому берегу! Подойдем как можно ближе, проберемся вдоль неприятель-
ских берегов, потом повернем на норд-ост и, развив макси-
мальную скорость, постараемся прорваться к Владивостоку. Замысел прост: японцы стерегут нас здесь, а мы пройдем
возле их дома. Я твердо верю, что каждый исполнит свой
долг, тем не менее считаю необходимым напомнить всем
господам офицерам, всем кондукторам и нижним чинам,

что только при полной боевой готовности, выдержке и дисциплине экипажа возможен успех...

Вся команда стала на боевую вахту. Орудийная прислуга находилась на своих местах. На помощь кочегарам пришли строевые матросы. Крейсер очистили от обгоревшего рангоута и оборванных снастей. Многие раненые вернулись на боевые посты.

Расчеты командира полностью оправдались. Подойдя к японским берегам и придерживаясь их, «Алмаз» на максимальной скорости пошел на север. При ходе в двадцать узлов корпус крейсера дрожал, как в лихорадке, из труб валило пламя. Не встретив ни одного японского судна, «Алмаз» вырвался из опасной зоны и взял курс на Владивосток. А 16 мая, в 18 часов 30 минут крейсер вошел в бухту Золотой рог, отсалютовал родной земле и бросил якорь.

После падения Порт-Артура и под впечатлением других крупных военных поражений царского самодержавия в русско-японской войне население Владивостока стало серьезно опасаться, что японцы могут захватить город. Даже те, кто душой и телом был предан самодержавию, теряли веру в его способность вывести Россию из тупика. До тех пор, пока было известно что 2-я Тихоокеанская эскадра движется на восток, у владивостокского населения все же была уверенность, что угроза японской оккупации будет отведена. Поэтому, когда «Алмаз» вошел в бухту Золотой рог, вся набережная была усеяна толпами народа, раздавались громкие приветственные возгласы, крики «ура», в воздух летели шапки, платки, зонтики. Не зная еще о разгроме эскадры, жители Владивостока полагали, что если пришел «Алмаз», то об остальных кораблях и по-прежнему нечего беспокоиться. «Алмаз» первый принес недобрые вести. А когда стало известно, что в Цусимском сражении царская эскадра потеряла больше половины лично-

го состава и 27 боевых кораблей, в городе тотчас поползли слухи, что вот-вот японцы захватят Владивосток.

Неспокойно было и на «Алмазе». Позорный разгром всего русского флота, нелепая гибель многих тысяч моряков раскрыли глаза даже тем, кто прежде верил в самодержавие. Два дня Цусимы политически просветили матросов больше и глубже, чем все предшествующие месяцы. На «Алмазе» открыто высказывали свое недовольство призванные из запаса, участившиеся случаи неповиновения офицерам. В Петербург пошла депеша нового командира крейсера капитана 2-го ранга Угрюмова, принявшего корабль от Чагина. Он извещал морское ведомство, что «общение нижних чинов крейсера с городским населением оказывает на них нежелательное влияние, вследствие чего имеются случаи противоправительственной агитации».

Не успокоило команду и полученное из Петербурга телеграфное сообщение о том, что за мужество и храбрость, проявленные в сражении 14 мая, знаком отличия Военного ордена 4-й степени награжден 31 алмазовец. В день, когда на крейсере перед выстроеным на палубе экипажем зачитывалась телеграмма царя, в которой алмазовцам выражалась благодарность за «свято исполненный долг», большевистская газета «Пролетарий» опубликовала статью В. И. Ленина «Разгром», в которой разоблачался авантюризм российского самодержца, бросившего русский народ в нелепую и позорную войну. В. И. Ленин подчеркивал, что из всей огромной русской эскадры спасся и прибыл во Владивосток только один «Алмаз». Ленин писал, что самодержавие «стоит теперь перед заслуженным концом. Война вскрыла все его язвы, обнаружила всю его гнилость, показала полную разъединенность его с народом, разбила единственные опоры цезарьянского господства. Война оказалась грозным судом. Народ уже произнес свой приговор над этим правительством разбойников. Революция приведет этот приговор в исполнение». ²

НА ЧЕРНОМ МОРЕ

«Суда шли с наивозможной поспешностью». Петр Бородин. Матросы выдвигают свои требования. Подозрение за трезвость. Из Кронштадта в Севастополь. Боевые операции. Необычный сувенир. Жизнь «нижних чинов». Революционная группа. Предательство или беспечность? По минному полю.

Поражение в войне, начавшееся разложение армии и флота, быстрое нарастание революции внутри страны заставили царизм пойти на заключение мира с Японией. 23 августа 1905 года в Портсмуте (США) между Россией и Японией был подписан мирный договор. Теперь военные корабли и транспорты, находившиеся во Владивостоке, могли возвратиться домой. 4 ноября был получен приказ и о возвращении в Петербург «Алмаза». В конце ноября крейсер и некоторые другие корабли, находившиеся в бухте Золотой рог, снялись с якорей и отправились на Балтику.

Стоянки в пути делались только для погрузки угля и покупки продовольствия. Эти операции проводились, как правило, на внешних рейдах, без захода в порты. Таково было распоряжение из Петербурга. Морской министр сообщал царю: «Вследствие обнаружившихся в командах признаков зловерной пропаганды, охватившей в этом году всю Россию, суда шли с наивозможной поспешностью».¹

В Кронштадт «Алмаз» прибыл в конце января 1906 года. Сразу же были списаны с крейсера все призванные

из запаса. В первых числах февраля в штаб Кронштадтского порта от командования крейсера поступило донесение, в котором поименно перечислялась большая группа матросов, выражавших «недовольство и возмущение порядками, коими искони держится русский флот». И все недовольные были незамедлительно в дисциплинарном порядке уволены в запас. Власти всячески стремились не допустить распространения противоправительственных настроений во флоте, поэтому немедленно списывали с кораблей революционно настроенных матросов.

В 1906-1907 годах «Алмаз» входил в состав Практического отряда обороны побережья Балтийского моря. В эти годы революционную работу среди матросов крейсера вел большевик Петр Бородин. Отслужив обязательный срок службы во флоте, кочегар 1-й статьи Бородин был по экзамену произведен в чин фельдфебеля. В Цусимском бою вместе с кочегаром Андреем Катиным, сигнальщиком Алексеем Губиным и матросом Василием Хаймусовым Бородин проявил смелость и решительность при тушении пожара, возникшего на крейсере. По его представлению Катин, Губин и Хаймусов были даже отмечены в приказе по крейсеру. Однако по возвращении корабля в Кронштадт эти три матроса, входившие в подпольную группу, первыми были списаны с «Алмаза» как политически неблагонадежные.

Фельдфебельское звание Бородина по конспиративным соображениям было очень удобно для проведения революционной агитации среди команды крейсера. Ему длительное время удавалось удачно использовать свой чин, оставаясь вне подозрений. В Кронштадте Бородин встретился с местными большевиками и узнал о событиях 1905 года, о восстании матросов на Черном море. В Петербурге работала большевистская военная организация, распространявшая свое влияние на корабли. Связавшись с ней, Бородин достал несколько брошюр и большевистских газет, в том

числе номер газеты «Новая жизнь», в котором была опубликована статья В. И. Ленина «Войско и революция». Из статьи Бородин и его товарищи узнали о революционных требованиях армии и флота. Подпольщики-алмазовцы решили подготовить и выдвинуть свои требования. Написал их Бородин. Алмазовцы требовали разрешить нижним чинам свободно проводить собрания и участвовать во всех публичных манифестациях; отменить чинопочитание во внеслужебное время, позволить им читать и держать на корабле любые газеты, издающиеся в стране; предоставить матросам право на самозащиту при попытках офицеров ударить и т. д. С этим документом ознакомились многие матросы и передали его в военную организацию петербургских большевиков.

Волна революционного движения в 1906 году продолжала нарастать. Назревали грозные события и в Кронштадте. Об этом свидетельствовали непрекращавшиеся вспышки на кораблях. Утром 18 июля «Алмаз» получил приказ покинуть Малый Кронштадтский рейд и отправиться в Либаву. А на следующий день, 19 июля, в Кронштадте началось вооруженное восстание, которое, однако, вскоре было подавлено.

Революционная работа на «Алмазе» с каждым днем приобретала все более широкий размах. Помимо машинистов и кочегаров, Бородин привлек и часть матросов строевой команды. На корабль регулярно доставлялись газеты «Волна», «Вперед» и «Эхо», в которых часто печатались статьи В. И. Ленина. Большевистские газеты переходили из рук в руки, зачитывались до дыр, их бережно хранили в тайниках. А вот «Курьер» — совсем иное дело. Ежедневную легальную меньшевистскую газету не запрещали на крейсере, но популярностью она не пользовалась. Шла разве что на самокрутки. Не все понимали сущность принципиальных разногласий между большевиками и меньшевиками. Но принесет бывало телеграфист Вукол Антипло-

гов несколько номеров «Курьера», никто и не взглянет на него.

— Непонятная газета, до того туманно написано, что и на курево не подходит,— отзывались о «Курьере» моряки.

Дела у Бородина шли хорошо. «Алмаз» в плавание не ходил, и это создавало условия для регулярной связи с большевистской организацией в Кронштадте.

— Что-то ты всегда возвращаешься с берега трезвым? Уж не записался ли в революционеры? — полусерьезно, полушутя спросил однажды у Бородина боцманмат Николай Дымура.

— Записался и тебе советую,— ответил Бородин.

Бородин не придавал значения словам Дымуры. Правда, он знал, что обычно матрос, систематически возвращавшийся трезвым с берега, брался «на карандаш», за ним следили. Таких подозревали, что на берегу они встречаются с подпольщиками, а может и сами ведут революционную работу. Трудно установить, написал Дымура донос или нет, только вскоре о революционной деятельности Петра Бородина стало известно штабу Кронштадтского порта и как «замеченный в политической пропаганде» он был уволен со службы во флоте в дисциплинарном порядке². А некоторых общавшихся с ним матросов перевели на другие корабли.

Последующие два года «Алмаз» находился в зарубежных плаваниях, возвращаясь в Петербург только на зиму. 23 июля 1911 года по «высочайшему распоряжению» крейсер снялся с бочки на Малом Кронштадтском рейде и отправился вокруг Европы в Черное море.

Перед отплытием произошел такой случай:

Командир корабля капитан 1-го ранга князь Путятин в присутствии старшего офицера, старшего инженера-механика и других чинов производил инспекционный осмотр, обходил все помещения и уголки крейсера. На полубаке командир лицом к лицу встретился с матросом Василием Бабан-

ским. Будучи третьего дня на берегу, тот получил нелегальную литературу, чтобы доставить в Севастополь, и теперь собирался спрятать ее подальше.

На «Алмазе» Бабанский служил с 1910 года. Он отличался прилежанием и хорошим поведением. Командир и офицеры не знали, что Василий Бабанский еще до назначения на «Алмаз» участвовал в рабочем движении в Петрограде, а на крейсере состоял членом подпольной революционной организации.

Василий Бабанский.

Путятин поинтересовался, что за сверток в руках молодого матроса.

— Это братишки просили купить на берегу «Жития святого угодника Николая». Извольте посмотреть, ваше сиятельство?

Находчивость и уверенный, спокойный тон выручили. Командир не стал смотреть «святые писания», проследовал дальше.

Благополучно завершив плавание вокруг Европы, 23 августа «Алмаз» стал на якорь в Севастопольской бухте и был включен в состав Черноморского флота. До начала первой мировой войны он нес вспомогательную службу, ходил в Пирей, Неаполь и другие порты Средиземного моря.

Началась первая мировая война. Защита морских коммуникаций, оборона побережья от вражеского вторжения, поддержка приморского фланга Кавказской армии, нарушение морских сообщений противника, блокада Босфора — таковы главные задачи, которые решал Черноморский флот в ходе войны. Во всех операциях участвовал и экипаж крейсера «Алмаз».

В октябре 1914 года Турция вступила в войну на стороне Германии. По плану кайзеровского командования Турция должна была вести наступательные операции против России на Кавказе. В Черное море вошли германские крейсера «Гебен», «Бреслау» и другие корабли. Но наступление турок провалилось. В конце 1914 — январе 1915 гг. русские войска разгромили турок.

«Алмаз» много раз отличался в боевых операциях. Он дважды (5 ноября 1914 г. и 27 апреля 1915 г.) вместе с крейсерами «Память Меркурия» и «Кагул» вел бой с «Гебеном» и «Бреслау». При участии «Алмаза» в 1915 году были потоплены шесть турецких военных транспортов.

Утром 26 января 1915 года во время выполнения боевого задания возле турецкого порта Зунгулдак «Алмаз» попал под обстрел береговой батареи. Один снаряд пробил борт у самой ватерлинии * и в трюм хлынула вода. С большим трудом удалось подвести пластырь, ** — мешала сильная волна. Заделав пробойну, «Алмаз» взял курс на Батум. Во второй половине дня вдали показался какой-то транспорт. Несмотря на повреждение, «Алмаз» начал преследование судна, на всех парах уходившего в район Трапезунда. Расстояние быстро сокращалось. Вскоре турецкий пароход «Брассы», шедший с военным грузом, вынужден был поднять сигнал о сдаче. Сняв турецкую команду и потопив судно, «Алмаз» продолжал свой путь.

Гальванеру Алексею Клименко захотелось узнать, что думают о войне турки. Некоторые из турецких моряков знали русский язык, до войны часто бывали в Одессе.

— Что, ребята, попались? — обратился Клименко к одному пленному. — Не соглашались бы возить оружие, вот и сидели бы дома. Или вы любите воевать?

* Ватерлиния — черта вдоль борта для определения нормальной осадки судна.

** Пластырь — брезент, специально приспособленный для временного прикрытия пробоин в корпусе корабля.

— У нас говорят: кто ест только мед, тому он быстро надоедает. А война — не мед, всем опротивела, — ответил пленный.

— Так почему же вы не бросаете воевать? Зачем возите оружие?

— Если наша армия в Трапезунде будет без оружия, то вы захватите Турцию.

— Зачем нам турецкая земля, у нас и своей вдоволь. Думаешь, нам не надоело воевать? Тоже, брат, по десятое число надоело!

Такие беседы велись в присутствии многих свободных от вахты матросов. В Батуме пленных сдали на берег. На «Алмазе» остался лишь необычный трофей — шестивесельная шлюпка, подобранная на месте потопления турецкого парохода. Матросы прозвали шлюпку «Турчанкой». Часто слышалась команда боцмана: «Спустить «Турчанку». И в памяти каждого возникало воспоминание о турецких матросах и кочегарах с парохода «Брассы», которые, как и русские моряки, были обмануты своим правительством и брошены в кровавую бойню.

Служба в царском флоте вообще была тяжелой и безрадостной. А служба на «Алмазе» в годы войны сделалась совсем невыносимой. Командный состав здесь подобрался особый. Офицеры состояли преимущественно из сынков родовитых дворян, крупных помещиков и фабрикантов. Именитые отцы старались пристроить своих отпрысков на корабль, славившийся комфортом. Правда, были на крейсере некоторые офицеры, которые не гнушались матросов и вместе с ними проявляли героизм и боевую стойкость. Но таких были единицы. Большинство же офицеров прене-

Алексей Клименко.

брежительно относилось к нижним чинам, унижало их человеческое достоинство. Хотя по уставу рукоприкладство запрещалось, однако многие не считали зазорным и предосудительным дать волю своим рукам. За всякую мелочь матросы отправлялись в карцер, оставлялись без берега, попадали в плавучую тюрьму, стоявшую в Северной бухте Севастополя. Сплошь и рядом применялось дисциплинарное взыскание «под винтовку». Это было одним из самых тяжелых и унижительных наказаний: матроса ставили на солнцепоке или на холоде с винтовкой в руках в положении «смирно» на два часа. Немало было таких офицеров, которые заставляли матроса к тому же надеть набитый песком или кирпичом вещевого мешок весом не менее пуда, а на носки сапог клали несколько спичек. Стоило наказанному хоть слегка шевельнуться, — спички тотчас сваливались. Это считалось нарушением, и снова — «под винтовку». После двух часов стояния в положении «смирно» палуба под ногами становилась мокрой от пота.

Притупляла сознание, сушила мозг матросов так называемая «словесность», на изучение которой отводились часы, свободные от работы. Требовалось поименно знать всю царскую семью, великих князей, знать, кого как встречать на улице, кому отдать «честь», а перед кем стать «во фронт». Газет, журналов, книг матросы не должны были читать. Единственная «литература», которая допускалась на корабли и в казармы, — это уставы да религиозные, душещепотительные и приторные «патриотические» брошюры.

Во время первой мировой войны на «Алмазе» не было подпольной организации. В 1912 году в Севастополе готовилось восстание Черноморского флота, но оно было провалено провокаторами. Царские власти жестоко расправлялись с революционными матросами. Были аресты и на «Алмазе». К началу войны на корабле полностью обновился строевой состав, мало кто остался и из машинной команды. Из прежней подпольной группы остались только

машинист Василий Бабанский, ко-
чегары Александр Павлов и Нико-
лай Кравцов, но последние двое
отошли от политической работы.

К середине 1916 года Бабанский
сплотил небольшую группу матро-
сов, настроенных революционно.
В нее вошли Иосиф Косов, Сергей
Кривобок, Алексей Гребенюк, Се-
мен Которобай, Николай Баранов,
Алексей Клименко и Андрей Пол-
тавский. Все они в то время не
были большевиками, а Косов и Ба-
ранов состояли в партии эсеров.
Обычно после вечерней молитвы,
когда команда готовилась ко сну,
Бабанский и его друзья шли на бак или в умывальник, там
курили, делились впечатлениями дня. Оставшись одни, раз-
мышляли об истинных причинах кровавой войны, читали
письма из дому, в которых сообщалось о бедственном
положении населения в городах и селах. Перед каждым
членом группы Бабанский ставил задачу: находить среди
матросов сочувствующих делу революции, сближаться с
ними, рассказывать о революционных традициях черно-
морских моряков, раскрывать империалистический харак-
тер войны.

Бабанский умел находить нужных ему людей. Однаж-
ды он обратил внимание на молодого матроса, который вы-
делялся прямоотой суждений, часто вслух высказывал не-
довольство порядками во флоте. Выяснилось, что они с
Василием Воскобойником почти земляки, оба из-под Одессы.
Бабанский стал встречаться и беседовать с Василием. По-
степенно вовлек его в свой кружок.

Воскобойник служил на крейсере радиотелеграфистом.
Это было счень кстати. Многие военные сообщения, о ко-

Андрей Полтавский.

Федор Воскобойник.

торых, по мнению начальства, команда не должна была знать, становились известны революционной группе, и она использовала их в агитационных целях.

Летом 1916 года на «Алмаз» был списан ученик артиллерийской школы Евгений Вильковский. Бабанскому стало известно, что на второй день после прихода Вильковского на крейсер, его вызвал ротный командир лейтенант Скаловский и долго делал ему внушение. Познакомившись с Вильковским, Бабанский узнал, что он до войны плавал в торговом флоте на

Черном море и привозил в порты нелегальную газету «Моряк», которая печаталась в Александрии. Когда началась война, Вильковский вел пораженческую пропаганду.

Весной 1916 года Севастополь посетил Николай II. Говорили, что царь приехал «подкачать духу» матросам и солдатам, чтобы они охотнее умирали «за веру, царя и отечество». В день приезда царя на кораблях, стоявших в Северной и Южной бухтах, выстроили матросов, одетых в форму первого срока. По кораблю «Опыт», на котором размещалась артиллерийская школа, сновали младшие чины. Они требовали:

— Кричите сильней «ура», сильней кричите!

Матрос, стоявший рядом с Вильковским, сказал ему:

— Кричи сильней, только не «ура», а «дурак»!

Тот последовал совету, но перестарался, кричал слишком громко.

Инструктор Михайлик и фельдфебель Мина донесли на Вильковского начальнику школы капитану 2 ранга Нелидову. Прямых улик против матроса раздобыть они не смо-

гли. Однако доноса было достаточно, чтобы подвергнуть Вильковского восьми суткам строгого ареста и списать его из учеников-артиллеристов в строевые, как «неблагонадежного».

Бабанский привлек Вильковского к революционной деятельности. Он стал выполнять различные нелегальные задания.

Черноморский флот численно превосходил флот противника, матросы и многие офицеры показывали чудеса боевой стойкости и храбрости. Но бездарность и беспечность высшего командования приводили к тому, что нередко русский флот нес бессмысленные потери. Не обходилось и без предательства. Матросы почти открыто говорили о непонятных, порой ничем не оправданных действиях командования.

...Шли первые месяцы войны. Темной осенней ночью 29 октября 1914 года в Одесский порт входили три небольших корабля. Вахтенный на брандвахте * окликнул: «Кто идет?» и получил ответ — «Свои». Никто не потребовал позывных. На стоявшем неподалеку дивизионе канонерских лодок все спали. Вдруг раздались оглушительные взрывы торпед. Сыграли боевую тревогу, но турецкие миноносцы (это были они) безнаказанно ушли в море. Канонерские лодки «Донец» и «Кубанец» получили серьезные повреждения.

Почти в то же время германские крейсеры «Гебен» и «Бреслау» подошли на рассвете к Севастополю и с даль-

Евгений Вильковский.

* Брандвахта — сторожевое судно, несущее охрану рейда или гавани.

ней дистанции обстреляли нашу эскадру и Корабельную сторону. При этом германские крейсеры зашли в район донных мин, которые взрывались с берега. Почему не взорвали мины,— неизвестно. Распространился слух, что командующий флотом Эбергард не разрешил взорвать немецкие корабли.

В апреле 1915 года в Одессу порожняком возвращался легкий транспорт. При подходе к порту в кильватер ему пристроился турецкий крейсер «Меджидие». Зная, что в Одессе нет боевых кораблей, турки решили обстрелять город. Капитан транспорта догадался, с какою целью идет к Одессе неприятельский крейсер. Посоветовавшись с командой, он принял смелое решение: идти по минному полю. Поскольку осадка судна была невелика, можно было рассчитывать, что оно благополучно минует опасный район. На случай несчастливого исхода этой рискованной операции вся команда надела пробковые нагрудники и была в полной готовности покинуть судно. Более получаса шел транспорт по «дороге смерти». Благополучно миновав минное поле, транспорт замедлил ход. Теперь взоры всех были направлены к вражескому крейсеру, который вошел в опасную зону. Как и предполагалось, «Меджидие» подорвался на mine и затонул.* А капитана транспорта царские власти отдали под суд за то, что он нарушил приказ и повел судно по минному полю.

Особенно взволновал матросов «Алмаза» трагический случай, свидетелями которого они были. Утром 20 октября 1916 года на броненосце «Императрица Мария», принимавшем топливо в Северной бухте, неожиданно раздался сильный взрыв и высоко в небо взметнулся столб черного дыма. Горнист немедленно сыграл пожарную тревогу, и матросы, побросав на палубе плетеные корзины с уг-

* Впоследствии он был поднят, отремонтирован и вошел в состав Черноморского флота под именем «Прут».

лем, по пожарному расписанию помчались внутрь помещения на свои посты. За первым взрывом последовали другие,— и все в носовой части. Огромный, недавно только построенный корабль стал быстро тонуть. Вокруг броненосца, как в муравейнике, сновали катера, боты, баркасы. Они подбирали в воде раненых, обгоревших и выбросившихся за борт и доставляли их к небольшой госпитальной пристани на Корабельной стороне. Вскоре огромный броненосец, перевернувшись килем вверх, пошел ко дну. Все, кто находился внутри корабля, были заживо похоронены. Больше месяца водолазы вытаскивали трупы. Хоронили их тайком, без воинских почестей. Погибло до семисот матросов. Гибель «Императрицы Марии» потрясла Севастополь. Хотя обстоятельства катастрофы не были известны на «Алмазе», но матросы открыто говорили о предательстве среди командования флотом.

Много было и других фактов, которые использовали члены революционной группы «Алмаза» для разоблачения прогнившего царского самодержавия и его верных холопов.

ВМЕСТЕ С НАРОДОМ

Вести из Петрограда. Новые веяния. Правду не скроешь! «Бей орателя!» Газета «Правда» на крейсере. Приветствие В. И. Ленину. Палка о двух концах. «Черноморская делегация». Судовой комитет действует. Зачем Баткин приезжал на «Алмаз»? Большевики исправляют ошибку. Ф. И. Шаляпин в гостях у алмазовцев.

В конце февраля 1917 года «Алмаз» находился у причала Хлебной гавани Новороссийского порта. С городом крейсер был связан телефоном. Жизнь на корабле как-будто протекала по-прежнему: матросы чистили, мыли, красили, драили. В положенное время отбивали склянки, то и дело слышен был свист боцманских дудок, сменялись, как обычно, вахты.

Но чувствовалось что-то новое, тревожное. Чаше, чем обычно, звонил телефонный аппарат. Матросов перестали пускать на берег. Офицеры явно были чем-то взволнованы, отсиживались в своих каютах. По вечерам в кают-компании при закрытых дверях о чем-то велись приглушенные разговоры.

В феврале 1917 года в Новороссийске непрерывно происходили стачки на цементных заводах и в железнодорожных мастерских. Матросам «Алмаза» было известно, что революционные выступления рабочих подавляются с помощью усиленного отряда жандармерии, присланного из Екатеринодара. От телеграфиста Евгения Шишкана они

узнали, что в Петрограде происходят забастовки и манифестации рабочих, а войска, брошенные для наведения «порядка», переходят на сторону забастовщиков. Это сообщение воодушевило матросов. Находившийся в тот день в городе патруль с «Алмаза» присоединился к забастовавшим портовикам и железнодорожникам и помог им разоружить отряд полиции и жандармов.

Вечером 5 марта весь экипаж крейсера собрали на вечернюю молитву. Корабельный священник о. Дионисий сообщил, что государь-император Николай II отрекся от престола в пользу великого князя Михаила и на завтра назначается присяга новому царю. Командир крейсера капитан 2-го ранга Киселев выступил с разъяснениями, но всей правды не сказал. Он только подтвердил, что царь передал престол своему младшему брату Михаилу, и заявил, что бунты и манифестации в Петрограде прекращены силой оружия.

Эти сообщения взбудоражили команду. Так вот почему последние дни поведение офицеров было таким странным! Они, конечно, раньше узнали о революции в Петрограде, но скрывали это от экипажа. До поздней ночи во всех кубриках и на палубе шли разговоры о взволновавших всех событиях. То и дело слышались возбужденные голоса: «Не мешало бы и Михаилу дать по шапке!»

На следующий день после утренней приборки была дана команда подготовиться к присяге. Но церемония не состоялась. Новороссийские рабочие принесли на крейсер газеты, из которых стало известно о приказе № 1 Объединенного Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. Этим приказом отменялось отдавание чести и вставание во фронт перед офицерами, устанавливалась выборность офицеров и отменялись их служебные привилегии. Солдаты и матросы уже не были больше «нижними чинами». Газеты сообщали, что в России не будет царя, царские министры арестованы.

В начале марта в Новороссийск приехал член Государственной думы Николаев. Прийдя на «Алмаз», он пространно говорил о событиях в Петрограде и о создании Временного правительства, но умолчал об организации Совета рабочих и солдатских депутатов. Николаев призывал алмазовцев проявить высокую дисциплину, поддержать Временное правительство и закончил свою речь словами: «За нашу славную, бескровную, всенародную революцию!». На «Алмазе» это было первое выступление о политическом положении в стране. И матросы его встретили с одобрением.

История Черноморского флота богата революционными событиями. Еще до революции 1905 года черноморские моряки активно участвовали в рабочем движении и в борьбе трудящихся против царизма. Героические традиции броненосца «Потемкин», крейсера «Очаков», ноябрьского восстания в Севастополе в 1907 году были живы среди матросов. Но черноморские моряки, в отличие от моряков Балтийского флота, не сразу стали авангардом в революционном движении. Это обуславливалось рядом причин, специфическими особенностями, сложившимися в Черноморском флоте в предреволюционные годы и в первые месяцы после Февральской революции.

Во время арестов революционно настроенных матросов, произведенных накануне мировой войны, естественно, пострадали главным образом большевики. Большевистская организация флота была обескровлена. К тому же, стремясь не допустить распространения революционного влияния рабочих на матросов, царское правительство распорядилось пополнять флот новобранцами в основном из непромышленных губерний.

На уровне сознательности моряков отрицательно сказывалось и то, что Черноморский флот находился вдали от крупных промышленных центров страны и поэтому индустриальный пролетариат оказывал на него недостаточное

влияние. Большевистские организации Одессы, Севастополя и Новороссийска в годы столыпинской реакции и особенно в начале войны были организационно разгромлены.

Сильное влияние на черноморских моряков оказывали соглашательские партии. Воспользовавшись тем, что большевики подверглись жестоким репрессиям, меньшевики и эсеры широко развернули свою демагогическую деятельность. Особенно преуспевали на этом поприще украинские эсеры. Они выставили ряд злободневных национальных и социальных требований и этим добились сильного влияния среди черноморцев.

Назначенный в 1916 году командующим Черноморским флотом адмирал Колчак прилагал все свои силы к тому, чтобы уберечь Черноморский флот от «красной эпидемии». Действовал Колчак весьма хитро. Он регулярно созывал совещания с участием командиров кораблей, частей и духовенства, на которых обсуждалось настроение матросов, вырабатывались совместные меры борьбы с революционным движением во флоте.

Для достижения своей цели Колчак всячески стремился разъединить команды кораблей, не допускать, чтобы они общались между собой и с рабочими. Колчак то и дело посылал корабли в море якобы для учебных стрельб и выполнения различных заданий. Он одобрил и осуществил «инициативу» меньшевиков и эсеров об использовании самих матросов для контрреволюционной пропаганды. Нередко в матросскую форму с ведома и согласия Колчака переодевались авантюристы и, выдавая себя за «братишек», переезжали с корабля на корабль, созывали митинги и агитировали за продолжение войны до победного конца.

В конце марта «Алмаз» был отозван из Новороссийска в Севастополь.

...Стояли первые дни мая 1917 года. Обычно в эту пору на Черном море устанавливается штилевая погода и на безоблачном голубом небе ярко сияет солнце.

Матросы «Алмаза» только что пообедали. Прозвучал сигнал: «Команде отдыхать». Но никто не пожелал идти в душные кубрики, каждому хотелось погреться на весеннем солнце и заодно обсудить последние новости, в которых после Февральской революции не было недостатка. Интерес к политическим новостям был исключительно велик. Не все, далеко не все понимали смысл происходивших событий, но все ждали, надеялись, что после свержения царского самодержавия начнется новая жизнь.

В народе молвится: день с утра виден. Однако на этот раз спасовала народная мудрость. Набежавшие тучи закрыли солнце, неожиданно сорвался ветер и голубовато-зеленая гладь бухты превратилась в темно-свинцовую. Несмотря на то, матросы стали расходиться, и вскоре палуба опустела.

Изменилась погода — изменилось и настроение матросов. Поэтому, когда прозвучал сигнал явиться на митинг и матросы стали сходиться, уже не чувствовалось веселого возбуждения, не слышалось шуток.

Собрание открыл председатель судового комитета машинист Николай Баранов. Он сообщил, что будет говорить представитель Севастопольского Совета матросских депутатов Шитиков.

На «Алмазе» до этого уже выступали многие ораторы. Редко какую неделю на корабле не проводились митинги или собрания. Ораторов обычно слушали внимательно, задавали им много вопросов, — матросам хотелось понять сущность политической борьбы, разобраться в новых идеях и взглядах. Правда, не всех выступавших провожали одинаково, но слушать слушали.

Однако на этот раз представитель Севастопольского Совета явно пришелся не ко двору. Слишком уж витиевато он говорил. А тут еще произошел такой случай.

На «Алмазе» был матрос 1-ой статьи Алексей Гребенюк. Могучего телосложения, внешне нелюдимый и угрю-

мый. В жизни он был тихим и спокойным, и все знали, что Гребенюк добрейшей души человек. На собраниях он старался всегда устроиться поближе к докладчикам, как будто боялся упустить хоть одно сказанное ими слово. Будучи малограмотным, он обладал редкостной памятью, досконально знал о революционных событиях во флоте. От него многие матросы «Алмаза» впервые узнали подробности восстания на броненосце «Потемкин», о лейтенанте Шмидте и других революционерах.

Когда докладчик произнес очередную витиеватую фразу: «Мы сорвем с неба солнце и водрузим его на земле», Алексей Гребенюк заинтересовался:

— А в каких перчатках?

— Что вы хотите этим сказать? — в свою очередь недоуменно спросил оратор.

— В каких перчатках и чьими руками будете срывать солнце? — повторил вопрос Гребенюк.

Громоподобный раскат смеха вспугнул чаек, хозяйничавших за кормой. Кое-как справившись с конфузом, оратор перешел к более прозаическим вопросам. И только тогда стало ясно, зачем он прибыл на «Алмаз».

Предполагалось, что в начале мая в Севастополь приедет В. И. Ленин¹. Прихвостни буржуазии — меньшевики и эсеры — боялись, что Ленин поведет за собой матросов Черноморского флота. Чтобы не допустить этого, они подняли грязную возню, развернули бешеную клеветническую кампанию против приезда Ленина. Севастопольский Совет, состоявший в основном из меньшевиков и эсеров, направил на суда своих агентов, которые распространяли слухи о том, что большевики якобы изменили родине, что они хотят погубить революцию, распустить военно-морской флот и т. д. Таким агентом оказался и оратор, прибывший на «Алмаз».

Собрание больше не хотело слушать меньшевистского прихвостня. Стали раздаваться возгласы:

Михаил Аркушенко.

— Довольно слов! Хватит во-
лынку тянуть!

А еще через несколько минут
послышался чей-то призыв:

— Бей орателя!

Несолоно хлебавши, соглаша-
тель вынужден был укрыться сре-
ди офицеров.

Сообщение о столь плачевном
исходе деятельности эсеров-меньше-
вистских агитаторов поступали в
Севастопольский Совет и с других
кораблей.

Обстоятельства сложились так,
что В. И. Ленину не удалось при-
ехать в Севастополь, нельзя было
оставить Петроград — центр революции. Но уже само на-
мерение Ильича приехать к черноморским морякам нагнало
такого страха на меньшевиков и эсеров, что у них душа в
пятки ушла. Севастопольский Совет направил Временному
правительству и Петроградскому Совету, во главе которого
в то время тоже находились соглашатели, телеграм-
му с просьбой принять все зависящие от них меры для не-
допущения приезда Ленина в Севастопольский крепостной
район и на побережье Черного моря.² Во все города Чер-
номорского побережья также были направлены телеграм-
мы с требованием «всеми имеющимися средствами ни в
коем случае не допустить приезд Ленина в Севастополь».

Центральный Комитет партии в конце апреля 1917 года
командировал на Черноморский флот трех моряков-балтий-
цев: Ивана Журавлева, Петра Зайцева и Михаила Арку-
шенко. Первые два служили в Кронштадтском экипаже,
а Аркушенко был машинистом крейсера «Аврора».

Перед отъездом балтийцы побывали на приеме у Вла-
димира Ильича Ленина. Секретарь ЦК Я. М. Свердлов

представил моряков Ильичу и сказал, что они едут на Черноморский флот для проведения там революционной работы.

В. И. Ленин подробно рассказал им, с чего начать, какие могут встретиться трудности, на кого следует опереться.

— Вы военные люди, вам и карты в руки,— говорил Ильич.— Во время революции порой решают не месяцы и дни, а даже часы. Поедете на Черноморский флот и поможете нашим товарищам-черноморцам довести революцию до конца³.

О моряках из Балтики, командированных к черноморцам, узнал вице-адмирал Колчак. Он заранее принял меры, чтобы не допустить их в Севастополь. Журавлев и Зайцев были задержаны в Симферополе, и только Михаилу Аркушенко удалось добраться до Севастополя и попасть на крейсер «Алмаз».

17 мая на «Алмаз» в сопровождении командующего Черноморским флотом Колчака приехал военный и морской министр Временного правительства Керенский. Матросы и офицеры выстроились на палубе. Приняв рапорт командира, Керенский миновал группу офицеров, направился к матросам и стал с ними здороваться, протягивая каждому левую руку (правая рука висела у него на перевязи).

Керенский явно играл в демократа. «Как ловко подделывается, дипломат», шепотом произнес лейтенант Луков. Картинный жест Керенского вызвал улыбки на лицах командного состава.

Поздоровавшись с офицерами, Керенский произнес двухминутную речь, обращенную к матросам. Он похвалил команду за организованность и четкость, призвал ее к единению с офицерами, подчеркнул, что в этом заключается в настоящее время «революционный долг» всех черноморцев.

— Товарищи матросы! Я уверен,— заявил Керен-

ский, — что вы проявите благоразумие, не допустите анархии и произвола, отдадите себя делу спасения социалистического отечества.

Демагогическая речь министра-«социалиста» закончилась под крики «ура» и звуки «Марсельезы», исполненной корабельным духовым оркестром. Керенский покидал крейсер, будучи уверенным, что ему удалось склонить команду на свою сторону.

В 9 часов вечера в зале бывшего Морского собрания состоялось делегатское собрание. Перед делегатами флота, гарнизона и различных организаций Севастополя Керенский выступил с длинной речью. Теперь он не обходил острых углов, как это сделал на «Алмазе». Он говорил о войне, о том, что путь к миру лежит только через победоносное завершение войны с Германией и ее союзниками. Коснулся Керенский и большевизма.

— Большевизм — это болезнь, которую распространяют Ленин и его пропагандисты, — говорил министр. — К счастью, эта болезнь идет на убыль. Идеи Ленина непонятны и чужды массам, их подхватили только маленькие люди, не понимающие подлинных целей жизни.

Даже те, кто ненавидел большевиков, знали, что идеи Ленина не только не шли «на убыль», а наоборот, они все больше и больше овладевали матросскими массами. Сидевшим в зале казалось, что и сам Керенский не верит тому, что говорит.

Меньшевикам и эсерам первое время без особого труда удалось обмануть черноморских моряков и повести их за собой. Основная масса матросов поверила, что после Февральской революции война из империалистической превратилась в революционную. Однако уже в мае 1917 года у матросов началось отрезвление от митинговых речей соглашателей. Постепенно исчезали оборонческие настроения. Черноморцы внимательней стали прислушиваться к большевикам, разоблачавшим маневры буржуазии и

ее агентуры — меньшевиков и эсеров. На революционизирование Черноморского флота большое влияние оказали Апрельские тезисы В. И. Ленина. Прибывшая в Севастополь делегация моряков-балтийцев привезла с собой газету «Правда» за 7 апреля, в которой была напечатана статья В. И. Ленина «О задачах пролетариата в данной революции», содержащая знаменитые тезисы. Эту статью балтийцы прочитали на многих кораблях Черноморского флота.

На «Алмаз» газету со статьей Ленина принес матрос-балтиец Андрей Дозмаров. Командир корабля Киселев, узнав о цели прибытия матроса с Балтики, высказался против групповой читки ленинской статьи и предложил причитать ее лишь в кают-компании для офицерского состава. Дозмаров с этим не согласился. Заместитель председателя судового комитета старший унтер-офицер машинист Михаил Аркушенко настоял на созыве всего экипажа.

Митинг состоялся. Статью Ленина «О задачах пролетариата в данной революции» зачитывали дважды. После первого чтения возникло много вопросов. Выступившие с объяснениями Дозмаров и офицер Малфановский не удовлетворили собрание. Повторное чтение закончилось принятием приветствия В. И. Ленину, которое огласил Аркушенко.

«Мы, команда посыльного судна «Алмаз», — говорилось в приветственной телеграмме. — горячо приветствуем тов. Ленина, вождя российской социал-демократии, стойкого борца революционной армии Интернационала»¹.

Принятие экипажем «Алмаза» приветственной телеграммы В. И. Ленину вызвало переполох в штабе Черноморского флота. Адмирал Колчак немедленно вызвал к себе с объяснениями Киселева. Что происходило при этой встрече неизвестно, — кроме Колчака, Киселева и начальника штаба Смирнова, никто не присутствовал. Зато результаты встречи стали быстро сказываться. Вернувшись

на крейсер, Киселев сообщил, что корабль становится в капитальный ремонт. На следующий день было объявлено, что часть команды по случаю ремонта крейсера будет списана на другие корабли. Прошло еще два-три дня и стало известно, что в список матросов, назначенных к списанию с «Алмаза», включено 192 человека, т. е. более половины всего экипажа. Таким путем Колчак надеялся покончить к большевиками на «Алмазе».

Командование не ограничилось административными мерами. Ранним утром 14 июня, когда над бухтой еще не успел рассеяться ночной туман, на «Алмазе» появился матрос, на бескозырке которого значилось: «Балтийский флот». День был воскресный, и почти вся команда после завтрака собралась на верхней палубе, чтобы послушать представителя балтийских моряков.

Речь матроса с Балтики изобиловала поговорками и прибаутками. Особенно красочно он рассказывал об интимных делах царской семьи, о Распутине, подробности отречения царя от престола. Матросы слушали это с удовольствием, даже смеялись. Исподволь оратор перешел к вопросу о войне и мире, и тут стало очевидным, что он основательно набил руку на этом деле.

— Какое у нас сейчас положение в стране? — ставил он вопрос и тут же отвечал на него. — Положение у нас сейчас замечательное. Славная, бескровная революция закончилась полной победой. В стране восторжествовала свобода и справедливость. У нас есть свое правительство. Хотя оно называется Временным, но оно законное, народное. Все вы знаете, конечно, что Временное правительство назначено Государственной думой, а дума избрана народом...

— Война называлась империалистической потому, что ее вел император, — продолжал оратор. — А теперь, после свержения императора и война перестала быть империалистической. Если мы не доведем войны до победного кон-

ца, то победит немецкий император Вильгельм, он восстановит на престоле Николая и революция погибнет...

Слишком уж сильно нажимал «балтиец» на «войну до победного конца». У алмазовцев возникло подозрение, что перед ними замаскированный колчаковский агитатор. Когда оратор заговорил о том, что министры Временного правительства думают, как улучшить жизнь всего народа, что пролетариату следует готовить себя к новой жизни и выдвигать перед Временным правительством свои требования, с места послышался резкий голос сигнальщика Василия Будко:

Василий Будко.

Василий Будко:

— Постой, постой! Значит выходит так: сначала министры думать будут... потом пролетариат станет раскачиваться... Потом он на министров надавит. Потом министры на его надавку поддадутся.

— А если все же не поддадутся?

— Тогда мы заменим правительство.

— Зачем же время зря терять? Лучше сделать это теперь,— предложил машинист Григорий Апрышкин.

Эти слова оратор оставил без внимания, стал рассказывать какой-то анекдот, но его снова остановили.

— Есть вопрос к докладчику! От какой организации или партии он выступает? — крикнул кочегар Василий Заярный.

— От Балтики,— ответил тот.

— Балтика большая и партий там много,— не унимался кочегар.

— А скажи-ка, браток, для порядка,— спросили из тол-

пы,— что будет с землей? Останется она и впредь у помещиков или, может быть, они сами передадут ее крестьянам?

— Вопрос о земле — очень деликатный вопрос,— как по заученному отвечал оратор.— Вот разобьем немцев, заключим мир, соберем Учредительное собрание и оно, хозяин земли русской, решит, как поступить с землей.

— Я хочу уточнить ответ на первый вопрос,— настаивал Заярный.— На каком корабле служил докладчик, где воевал и сколько у его папеньки земли?

— Думаю, что этот вопрос к теме не относится,— вмешался офицер Агров, председательствовавший на митинге. Он попытался предложить собранию резолюцию, одобрявшую политику Временного правительства. Но это ему не удалось. Матросы еще долго экзаменовали незадачливого «балтийца», пока все не убедились, что никакой он не матрос, а переодетый купеческий сынок.

Собрание приняло такой оборот, что Агров не решился больше предлагать свою резолюцию. В замешательстве он спросил:

— Какая же будет резолюция?

Вперед вышел Иосиф Косов и сказал:

— Наша резолюция такая: сейчас земля у помещиков, пусть они и идут на войну защищать землю. А когда земля будет передана крестьянам, тогда и мы будем ее защищать. И не только от немцев, но и от других врагов.

Приветственная телеграмма В. И. Ленину, весьма недружелюбное отношение алмазовцев к представителям Севастопольского Совета и Временного правительства не оставляли никаких сомнений относительно настроений матросов «Алмаза». Большевики Аркушенко, Косов (он порвал с левыми эсерами и вступил в ряды большевиков), Бабанский и другие многое делали для разоблачения соглашательской идеологии.

В июне перед алмазовцами снова выступали предста-

водители разных партий. В конце концов меньшевики и эсеры окончательно убедились, что настроение и сочувствие алмазовцев далеко не на их стороне. Команда большевизировалась все больше и больше. Не помешали этому и непрерывные переброски матросов с одного корабля на другой. Командование флота отдавало себе отчет в том, что списание матросов с «Алмаза» на другие корабли — палка о двух концах. Большевистски настроенные алмазовцы, попадая в другие экипажи, содействовали распространению среди них ленинских идей. Так, командование линейного корабля «Ростислав» в июне сообщило главному комиссару Черноморского флота: «Назначенные на линкор матросы с «Алмаза» сразу же вошли в контакт с матросами, разделяющими взгляды сторонников Ленина. С этим вынуждены были считаться адмирал Колчак и соглашательское руководство Черноморского флота.

Бывали, однако, случаи, когда эсеровским агитаторам все же удавалось оказать свое влияние на некоторую часть команды «Алмаза». В этом сказывалась еще недостаточная политическая зрелость матросов, их неумение разобраться в сложной обстановке. Соглашательская идеология еще держала в своем плену часть моряков.

После Февральской революции возросла заинтересованность солдат и матросов в происходящих в стране событиях. Стремление установить связь между разбросанными частями армии и флота, потребность убедиться в действительном положении дел в других местах и рассказать о своих собственных делах заставляли солдат и мо-

Иосиф Косов.

ряков обмениваться делегациями. Этим решил воспользоваться в контрреволюционных целях адмирал Колчак. Он предложил Севастопольскому Совету составить делегацию черноморских матросов и направить ее на фронт агитировать за продолжение войны. Пользуясь влиянием на матросские массы, меньшевики, эсеры и кадетствующие офицеры добились от матросов принятия решения о посылке на фронт делегации Черноморского флота для агитации среди солдат за войну до победного конца. Временное правительство одобрило эту затею.

В состав делегации тщательно отбирали только тех матросов, которые зарекомендовали себя преданными сторонниками Временного правительства. Было отобрано более 200 человек, в том числе много меньшевистско-эсеровских активистов. По словам Колчака, в состав делегации вошли «наиболее даровитые и наиболее благоразумные руководители севастопольских моряков». С согласия Керенского, руководителем делегации был назначен Федор Баткин. Выходец из буржуазной семьи, студент-недоучка, активный деятель эсеровской организации, Баткин временно устроился на Морской завод в качестве рабочего. Он никогда не служил во флоте, но чтобы выдать Баткина за моряка-черноморца, его переодели в матросскую форму.

Буржуазные газеты «Русское слово», «Речь» и другие восхваляли черноморцев за их «патриотизм». Меньшевистские и эсеровские газеты сочувственно отзывались о пребывании делегации Черноморского флота на фронте, и только большевистские газеты разоблачали маневр Временного правительства с посылкой матросов на фронт.

Колчаковскую делегацию одобрительно встречали в некоторых армейских частях Румынского и Юго-Западного фронтов.* Но в большинстве случаев делегация не поль-

* В газетах было опубликовано сообщение, что под впечатлением деятельности Черноморской делегации США согласились предоставить заем Временному правительству.

зовалась доверием, солдаты не хотели слушать агитацию за продолжение войны. Сообщение печати о том, что призывы Черноморской делегации к войне до победного конца не встречают одобрения, встревожили черноморцев. Матросские массы были уверены, что их делегация выехала для установления связей с фронтом, а оказалось, что делегаты агитируют за продолжение войны.

16 августа судовой комитет «Алмаза» постановил отозвать своего представителя комендора Лаврентия Люлька-Гончарука из Черноморской делегации. Большинством голосов была принята резолюция, в которой говорилось, что «Алмаз» отзывает своего представителя из делегации, так как последняя не выражает интересов большинства народа и идет вразрез с требованиями матросских масс.

Вечером 28 августа Севастопольский комитет РСДРП(б) созвал совещание представителей большевистских организаций кораблей, на котором от «Алмаза» были Иосиф Косов, Михаил Аркушенко и другие большевики. В их отсутствие на «Алмаз» неожиданно прибыли Ф. Баткин и меньшевик С. Иткин. Как выяснилось, соглашательский Совет направил их на крейсер для доклада «О положении на Юго-Западном фронте и вообще в России».

Офицерская группа судового комитета созвала экстренное собрание строевой и машинной команд. Первым выступил прапорщик Иткин. Он сообщил, что Севастопольский Совет военных и рабочих депутатов обращается к алмазовцам с просьбой провести денежный сбор в пользу Совета. Часть ораторов, особенно офицеры, высказывались за удовлетворение просьбы, другие были против. Матросы интересовались, на какие нужды пойдут их деньги. Все резче раздавались голоса:

— Денег не давать! Пусть с треском вылетают в трубу! Иткин, старший инженер-механик Лутов, командир крейсера Киселев настойчиво добивались принятия реше-

ния о проведении сбора. Однако увидя, что собрание не поддается уговорам и не соглашается выделять средства меньшевистско-эсеровскому совету, Киселев предложил провести сбор денег на добровольных началах. Собрание с этим согласилось, но все же постановило довести до сведения руководителей Совета о своем мнении по этому вопросу. Большинством голосов была принята резолюция, в которой говорилось: «Мы, матросы крейсера «Алмаз», решительно протестуем против всяких расходов, как увеличение жалования и т. п., что может лечь тяжелым бременем на народную и без того пустующую кассу... Всякое неразумное требование, вызывающее расход народных денег, есть тягчайшее преступление перед истекающей кровью родиной».

Атмосфера на собрании была накалена. Поэтому, когда после принятия резолюции о денежном сборе, слово для доклада предоставили руководителю Черноморской делегации Баткину, то он, заигрывая с командой, сказал:

— В Центрофлоте говорят: если хочешь на неделю испортить себе настроение, то пойди на «Алмаз» и выступи с докладом. Вот и я решил наказать себя, взял слово на вашем собрании...

Выступление Баткина изобиловало демагогическими фразами. Всячески стараясь завоевать симпатии алмазовцев, он в туманных выражениях говорил, что потомки Шмидта и Матюшенко должны свято хранить заветы революции и никому не отдавать свободу России, что надо продолжать войну за свободу. Баткин призывал алмазовцев не раскалываться на группы и фракции, а найти общий язык, объединиться, сплотиться в общую семью. Не расхваливая Временного правительства, которое не пользовалось популярностью на «Алмазе», он, однако, всю свою речь посвятил защите политики этого правительства, говорил, что надо действовать сообща с союзниками, что нельзя заключать сепаратного мира, что во флоте необ-

ходима дисциплина. Доложив о поездке делегации черноморцев в Петроград, Баткин скрыл враждебное отношение балтийских моряков к ее деятельности.

Хитроумно завуалированная речь Баткина ввела в заблуждение многих участников собрания. Правда, член судового комитета матрос Андрей Цыкин пытался разоблачить ложнопатриотическую деятельность колчаковской делегации. Обращаясь к Баткину, Цыкин спрашивал:

— Вы утверждаете, что Временное правительство отказывается от захватов, аннексий и контрибуций, что оно не будет поработать другие народы. Для чего же тогда продолжается война? Почему мы до сих пор воюем?

— Мы должны быть верны соглашениям с нашими союзниками, у нас есть договор с Антантой довести войну до победы над Германией,— перебил Цыкина Баткин.

— Выходит, что мы находимся на службе у английских и французских буржуев?

Полемика между Цыкиным и Баткиным затягивалась явно не в пользу последнего. Тогда Иткин предложил ограничиться заслушиванием доклада и одобрить работу, проведенную делегацией черноморцев на фронте.

Офицерской группе судового комитета удалось протащить резолюцию, одобрявшую деятельность делегации. Резолюция дважды ставилась на голосование, и каждый раз голоса разбивались поровну. В третий раз она была принята.

— Это наше серьезное поражение,— на следующий день говорил своим товарищам Иосиф Косов.— На корабль пришло много новичков, а мы на это не обратили внимания. Вторая ошибка — никто из нас не остался на корабле, этим воспользовались соглашатели.

— Не могу взять в толк, почему они направили Баткина именно на наш крейсер. Ведь на других кораблях он не выступал,— недоумевал Андрей Полтавский.

— Что-то они затевают,— высказал догадку Михаил

Аркушенко. — Баткин и Иткин — это тяжелая артиллерия меньшевиков и эсеров.

Вскоре все прояснилось. 31 августа в газете «Известия Севастопольского Совета» на видном месте был опубликован отчет о выступлениях Баткина и Иткина на «Алмазе», в котором сообщалось, что алмазовцы одобрили деятельность Черноморской делегации. В Севастополе все считали «Алмаз» верной опорой большевиков. И вот теперь, прочтя в газете, что большевистский крейсер одобрил деятельность Черноморской делегации, соглашатели ликовали:

— Большевики сдались! Алмазовцы против ленинцев!

Но радость эта была преждевременной. 5 сентября на «Алмазе» снова состоялось собрание экипажа. Выступивший на нем большевик Иосиф Косов рассказал о баткинском обмане.

— Известно ли вам, — говорил он, обращаясь к алмазовцам, — что 3 мая на заседании Петроградского Совета офицерских и солдатских депутатов Баткин клеветал на большевиков и расхваливал Керенского? А когда он обратился с вопросом, почему Петроградский гарнизон не присягнул Временному правительству, ему ответили: «Текст присяги неприемлем». После этого «матрос» Баткин даже не решился поехать со своей делегацией в Кронштадт.

Михаил Аркушенко сообщил и о том, что Баткин при выезде на фронт закупил кадетскую литературу, которую распространял среди солдат.

Узнав правду о Баткине, команда «Алмаза» выразила единодушный протест и потребовала прекратить его выступления на кораблях Черноморского флота.

Через несколько дней среди команды распространился слух, что в скором времени «Алмаз» отправится в Одессу для «поддержания порядка». С этой целью командование флота срочно проводило замену «неблагонадежных» членов экипажа новыми матросами.

Незадолго до ухода «Алмаза» из Севастополя на крейсер приехал знаменитый певец Ф. И. Шаляпин. Он познакомился с кораблем, заходил в каюты и кубрики, беседовал с матросами. Потом дирижировал матросским хором, в котором выделялся сильный тенор гальванера Алексея Клименко. Шаляпин обратил на матроса внимание, пригласил в кают-компанию. Там он стал наигрывать на рояле различные мелодии, а Клименко пел.

— Будешь у меня солистом,— сказал Шаляпин Клименко и предложил на следующий день прийти на репетицию.

Шаляпин в то время готовил концерт объединенного матросского хора, выручка от которого предназначалась в пользу семей жертв революции.

Вскоре в один из воскресных дней на Приморском бульваре Севастополя собрались тысячи зрителей. Шаляпин в матросской форме руководил хором и оркестром. Исполнялись «Варшавянка», «Дубинушка», «Есть на Волге утес», «Замучен тяжелой неволей».

Посещение Ф. И. Шаляпиным «Алмаза» и концерт на Приморском бульваре долго служили темой разговоров членов экипажа крейсера.

В КАНУН ОКТЯБРЯ

«Алмаз» в Одессе. Матросы Транспортной флотилии против адмирала. Временное правительство вынуждено отступить. Многовластие или отсутствие власти? Великобританское консульство заигрывает. Американская помощь в обмен на «спокойствие и благоразумие». Инструкция о борьбе с ленинцами. Опора большевиков.

На рассвете 16 сентября 1917 года «Алмаз», имея на борту 265 членов экипажа, вышел из Севастополя и вечером того же дня прибыл в Одессу, где ему предстояла роль флагманского корабля Транспортной флотилии Черного моря.

Перед отправкой команда крейсера была обновлена более, чем наполовину. В числе списанных с корабля по приказу начальника штаба Черноморского флота были член судового комитета гальванер Алексей Клименко, матрос 1-й статьи Евгений Вильковский, машинист Андрей Полтавский и другие революционно настроенные матросы. Но основной костяк большевистской организации на «Алмазе» сохранился. К большевикам Иосифу Косову, Николаю Баранову, Михаилу Аркушенко и другим пришло пополнение. Среди направленных на «Алмаз» моряков оказался матрос с минного заградителя «Дунай», член партии большевиков с марта 1917 года Павел Кондренко, вскоре избранный председателем судового комитета.

Транспортная флотилия Черного моря была организо-

вана в 1915 году. На нее возлагались перевозки морем нужных фронту грузов и осуществление крупных десантных операций. В состав флотилии входило более 100 пароходов. Для их обслуживания в Одессе учреждался временный военный порт.

После вступления Турции в войну торговое судоходство на Черном море почти прекратилось. Для осуществления морских перевозок и других целей командующий Транспортной флотилией выделял нужное количество пароходов. Руководили всеми транспортными средствами и грузовыми операциями командующий флотилией адмирал Хоменко и созданный при нем штаб, который до сентября 1917 года находился на крупном транспорте «Руслан». С помощью преданных ему офицеров адмирал Хоменко жестоко подавлял малейшие проявления революционных настроений на судах.

Долго терпели моряки флотилии бесчинства адмирала, но однажды, в начале августа 1917 года, их терпение лопнуло и несколько тысяч матросов Транспортной флотилии явились на Таможенную площадь, потребовав, чтобы к ним немедленно прибыли командующий адмирал Хоменко и начальник штаба капитан 1-го ранга Волькенау. Не на шутку обеспокоенные Хоменко и Волькенау направили вместо себя двух офицеров из штаба. Один из них впоследствии отмечал: «Речи наши частью собрания были приняты сочувственно, но на результат собрания влияния не имели».¹ Участники митинга настаивали, чтобы объяснения дали сам адмирал и его флаг-офицер. Последним пришлось посчитаться с этим решительным требованием. Когда они явились, многотысячный митинг матросов принял резолюцию: «Выразить адмиралу Хоменко недоверие и потребовать его немедленного удаления с поста».²

Это было стихийным проявлением недовольства матросов порядками, установленными Временным правительством во флоте. Оказавшись бессильными перед выступле-

нием всех матросов Транспортной флотилии, власти попытались воздействовать на команды судов административными мерами. Снова начались массовые переброски и списания матросов. А 26 августа последовал приказ по Черноморскому флоту, в котором указывалось, что требование команд о смещении адмирала Хоменко является незаконным. «Временное правительство, — говорилось в приказе, — признает совершенно недопустимыми какие бы то ни было требования команд о смещении и назначении начальствующих лиц».³

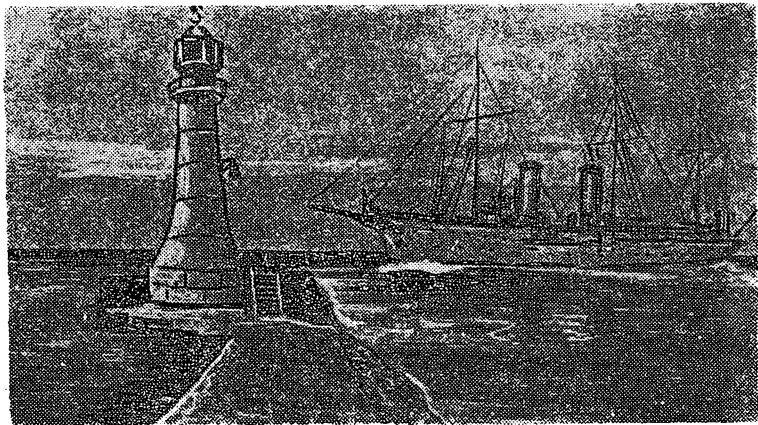
На флотилии создалось напряженное положение. Власти не хотели сменить командующего, а матросы отказывались выполнять его приказы. В конце концов победили матросы, — адмирал Хоменко был смещен.

Революционные события в Одессе развивались в органической связи с общероссийскими событиями. Однако здесь создалось своеобразное многовластие: Совет, опиравшийся на рабочих, матросов и солдат; местные органы Временного правительства, поддерживаемые буржуазией; Одесская украинская рада — орган Центральной рады, и эсеров-меньшевистской Румчерод*, претендовавший на роль высшей военной власти. И, наконец, как это ни парадоксально, в Одессе продолжала существовать канцелярия генерал-губернатора — атрибут царской власти.

В городе и его окрестностях очень глубоко переплета-

* Так сокращенно назывался Центральный Исполнительный комитет Советов Румынского фронта, Черноморского флота и Одесской области, созданный в Одессе 10 мая 1917 года на фронтовом и областном съезде Советов рабочих, солдатских, матросских и крестьянских депутатов.

В первый период деятельности Румчерода (по 10 декабря 1917 г.) у руководства находились меньшевики и эсеры. В дальнейшем Румчерод под влиянием большевиков стал оплотом борьбы за Советскую власть в Одессе и на юге Украины.

Крейсер «Алмаз» входит в Одесский порт. (С рисунка неизвестного художника. 1918 год).

лись классовые и национальные противоречия. Трудно было в то время найти другой город в стране, где бы население было столь пестрым по своей классовой и национальной принадлежности и политическим убеждениям. Вместе с военными и торговыми моряками рабочие Одессы, прошедшие школу классовой борьбы, представляли значительную революционную силу. В то же время здесь, в крупном торговом городе, было множество различных банковских и посреднических контор, торговых и сбытовых предприятий, мелких мастерских. Маклеры, негоцианты, чиновники, ремесленники имели большой удельный вес среди городского населения.

В годы первой мировой войны в Одессе — ближайшем тылу Румынского фронта — было размещено много различных воинских подразделений, эвакуированных из прифронтовой полосы учреждений и предприятий с рабочими и служащими, что также отразилось на составе одесского

населения. Наиболее революционная часть рабочих находилась на фронте, а на их место пришли выходцы из мелкой буржуазии. Сынки промышленников, помещиков и других представителей буржуазного мира хлынули на фабрики и заводы, надеясь любой ценой пересидеть военные годы в тылу.

Заметный отпечаток на политическую жизнь Одессы накладывала деятельность буржуазно-помещичьих и чернотенно-монархических организаций — «Союза русского народа», «Союза георгиевских кавалеров», «Союза земельных собственников», «Южного богатыря», «Союза Михаила Архангела» и других. Все они стремились отравить сознание рабочих ядом буржуазной идеологии.

В Одессе к тому же находился дипломатический корпус — представители многих иностранных государств. В частности, здесь обосновались английское, американское, греческое, сербское, французское, румынское генеральные консульства, под прикрытием которых активно действовала агентура империалистических государств. Консулы всячески старались поддержать Временное правительство, настойчиво побуждали фронтовые и другие организации выступать за продолжение войны на стороне Антанты.

Соглашатели твердили, что они не остановятся ни перед чем, пока не доведут Одессу до Учредительного собрания, а войну с Германией — до победного конца. В своей обоянческой деятельности меньшевики и эсеры по всякому поводу, а часто и без повода произносили речи во славу антантовского оружия. Когда англичане одержали победу над немецкими войсками в сражении близ города Аррас на севере Франции, руководители Совета меньшевики Гниденко, Милованов, Боркун и Фрид отправились к английскому консулу и настолько растрогали его поздравлениями, что он даже известил свое правительство о верноподданических увствах одесских социалистов. Через некоторое время на имя председателя Совета рабочих депутатов пришел ви-

тиватый дипломатический документ, в котором генеральный консул Великобритании Пиктон Боне писал:

Милостивый государь! Я очень рад, что мне поручено Министерством иностранных дел в Лондоне передать благодарность Британского Правительства Комитету и всем одесским рабочим, говорившим через Вас и высказавшим свою радость в выступлении по поводу выпавшей военной удаче английского оружия близ Арраса во Франции. Я с особенным удовольствием буду всегда вспоминать и чувствовать сердечные Ваши речи, которых я удостоился по этому случаю.⁴

Представители капиталистического мира до последнего момента не теряли надежд на сохранение в Одессе власти буржуазии. Американский и английский консулы уполномочили комиссара Центральной рады в Одессе Поплачко объявить на объединенном заседании президиумов Советов, что если рабочие Одессы проявят спокойствие и благоразумие, то Америка и Англия предоставят неограниченный кредит для открытия заводов, налаживания производства, а также создания столовых для безработных.⁵

Сложность политической обстановки в Одессе усугублялась еще и тем, что здесь активно действовали многочисленные буржуазные и мелкобуржуазные партийные организации и группы — меньшевики, эсеры, анархисты, украинские и еврейские буржуазно-националистические и другие контрреволюционные организации, оптом и в розницу торговавшие интересами народа.

Одесская большевистская организация к осени 1917 года организационно окрепла, выросла численно, усилила свое влияние в массах. А до этого одесским большевикам при помощи ЦК РСДРП(б) пришлось преодолеть ряд серьезных трудностей, в значительной степени ослабить воздействие соглашательских партий на трудящиеся массы.

Организационная слабость большевистской организации Одессы была связана с тем, что в годы империалистиче-

ской войны большевики подверглись особенно жестоким репрессиям, находились в тюрьмах, на каторге, были мобилизованы на фронт. После Февральской революции из подполья вышло всего несколько десятков ленинцев. Под влиянием трудностей борьбы с меньшевиками, эсерами и другими соглашателями среди большевиков Одессы появились объединительные тенденции, которые привели к тому, что 5 марта 1917 года большевики объединились с меньшевиками-оборонцами в одной организации. Это был ошибочный шаг.

Находясь в объединенной организации, большевики не прекращали борьбы против соглашателей. Но эта борьба была малодейственной. Совместное с меньшевиками пребывание в одной организации сковывало инициативу большевиков, ослабляло их влияние на массы. Понимая это, большевики в мае 1917 года создали свою фракцию, а 19 июня между ними и меньшевиками-оборонцами произошел раскол. Вместе с меньшевиками-интернационалистами, принявшими ленинскую платформу, большевики создали свою самостоятельную организацию.

Контрреволюционные силы предпринимали различные меры к тому, чтобы помешать большевикам вести работу среди трудящихся. В июне 1917 года при участии комиссара Временного правительства Харито в Румчереде была даже разработана специальная инструкция об административных мерах борьбы с большевиками. В ней, в частности, указывалось, что борьба не должна носить группового характера, чтобы не вызвать возмущения одесских рабочих. Рекомендовалось расправляться с отдельными большевиками за конкретные «преступления», выражавшиеся в пропаганде идей Ленина.

Инструкция хранилась в строгой тайне, но один ее экземпляр случайно попал к председателю Совета матросских депутатов большевику Александру Попову. Совет матросских депутатов передал копию инструкции Совету

рабочих депутатов и Совету солдатских депутатов. Заместитель председателя Совета солдатских депутатов большевик Александр Холопов 19 июля в докладе на заседании президиума исполкома Совета привел факты арестов большевиков на улицах города. Однако президиум, в котором в то время преобладали меньшевики и эсеры, постановил: если в большевистской пропаганде содержатся призывы к противодействиям требованиям Временного правительства, то административные меры борьбы с большевиками вполне допустимы.⁶

Практическое применение пресловутой инструкции порой доходило до явных нелепостей. Так, 30 июля возле газетного киоска на углу Преображенской и Почтовой улиц эсеровский агитатор некий Минц, собрав небольшую толпу, рассказывал о целях, которые ставят перед собой левые эсеры. Неожиданно последовал вопрос:

— А что вы скажете об агитации большевиков?

Минц ответил, что программа большевиков неплохая, хотя, по его мнению, хуже левозесеровской. Далее оратор высказал сожаление, что у эсеров нет такого умного и авторитетного вождя, как Ленин.

Не успел Минц закончить свои пояснения, как к нему подошли трое вооруженных агентов и увели в Бульварный участок. С большим трудом удалось Минцу доказать, что он вовсе не ленинец, а член партии эсеров.

В номере от 1 августа газета «Солдатская мысль» рассказала своим читателям об этой истории, подчеркнув, что Минца арестовали лишь за то, что он имел неосторожность похвалить Ленина, назвав его умным политическим деятелем.

Под вечер 13 августа возле памятника Ришелье на бульваре стояла группа молодых рабочих и матросов минного заградителя «Дунай». Они с интересом слушали железнодорожника Степана Чернышева, который со слов своего брата, приезжавшего из Петрограда, рассказывал о Ленине.

— Ленин ничего не боится,—говорил Чернышев.—Царь его по всем тюрьмам гонял и нигде не удержал. Сейчас его ищет Керенский и не может найти, а Ленин ходит по улицам Питера. Скоро он покажет Керенскому, где раки зимуют.

К беседовавшим приблизился высокий господин в форме служащего судебной палаты.

— Что же вы слушаете?! Это большевик, его надо отправить в участок,—послышался его визгливый голос.

Господина пытались урезонить, советовали ему удалиться, однако он продолжал настаивать, угрожал мандатом, в котором значилось, что гражданин Гемпель состоит членом ЦИК Румчерода.

— На каком же основании вы хотите арестовать свободного человека? — спросил у Гемпеля член судебного комитета «Дуная» Дмитрий Шумилов.

— На том самом основании, на котором Временное правительство арестовало Луначарского и собирается арестовать Ленина! — не задумываясь, ответил тот.

Матросы окружили Гемпеля тесным кольцом и посоветовали ему поскорее оставить их в покое. На этот раз Гемпель не преминул воспользоваться советом, зная, что с моряками шутки плохи.

Такие случаи были не единичны.

Особенно усилились репрессии против большевиков, революционных матросов и солдат в дни корниловской контрреволюции. Готовясь установить в стране военную диктатуру царский генерал Корнилов при поддержке международного империализма формировал специальные отряды из числа офицеров-монархистов и членов «Союза георгиевских кавалеров».

По инициативе Одесского комитета РСДРП(б) был создан Революционный комитет для борьбы с корниловской контрреволюцией. Ревком арестовал реакционно настроенных офицеров-монархистов, а также бывшего председателя

городской Думы черносотенца Псликана. Благодаря решительным действиям большевиков, Революционного комитета и Красной гвардии выступление корниловцев в Одессе не было допущено. Им не удалось использовать и контрреволюционные воинские части Румынского фронта.

Несмотря на тяжелые условия работы партийная организация Одессы набиралась новых сил, укрепляла свои связи с рабочими. Уже в сентябре во всех городских районах имелись районные комитеты, на многих фабриках и заводах действовали крупные партийные ячейки и группы. Военная организация при Одесском комитете РСДРП(б) насчитывала около 200 человек.

До прихода в Одессу «Алмаза» Одесский партийный комитет поддерживал тесные связи с командой эскадренного броненосца «Синоп», который большую часть времени находился в Одесском порту. В первые месяцы после Февральской революции команда броненосца мало что знала о большевиках. В июне 1917 года на корабле побывали члены первой делегации балтийских моряков. Они привезли с собой ленинские «Апрельские тезисы» и другую большевистскую литературу. Палубы и кубрики «Синопа» превратились в места коллективных чтоток. Часто возникали стихийные митинги, на которых балтийцы рассказывали, что думают большевики о войне и мире, о фабриках и земле. В составе команды, насчитывавшей более 400 матросов, были люди с разными политическими настроениями. Но в целом «Синоп» быстро революционизировался, матросы не скрывали своих симпатий к большевикам. Как указывал в сообщении в Центрофлот командир корабля капитан 1-го ранга Зарудный, в судовой комитет были избраны сторонники Ленина.

Сильное влияние на корабле имели украинские эсеры. Выдвигая на словах некоторые злободневные социальные требования, они добились этим привлечения на свою сторону значительной части экипажа. Большевики Василий

Зубков, Андрей Торяник, Герасим Фокеев, Николай Солохин, избранные в состав судового комитета, разъясняли команде большевистские взгляды, вскрывали несостоятельность и лживость эсеровских лозунгов.

Среди 26 офицеров броненосца было немало монархистов. После Февральской революции между ними и командой происходили частые столкновения, а во второй половине мая возник серьезный конфликт.

Матросы принесли на корабль политические брошюры, преимущественно эсеровского содержания. Офицеры Дробыш и Покровский попытались отобрать у своих подчиненных брошюру под названием «Что такое демократическая республика». Команда возмутилась этим. На батарейной палубе собрался митинг. Матросы требовали списания с броненосца всех реакционно настроенных офицеров. Собрание постановило: «Внести предложение командиру корабля немедленно убрать всех офицеров-монархистов, имея в виду то, что свободные матросы не могут находиться вместе, на одном корабле с офицерами старорежимного духа».

Судовой комитет вручил эту резолюцию командиру корабля Зарудному. Тот попытался доказать, что требование команды невыполнимо, так как сместить офицера имеет право только командующий флотом.

— А вы увольте офицеров в отпуск. Вы же имеете право это сделать? — настаивал заместитель председателя судового комитета Фокеев.

— С кем же я останусь? — не сдавался Зарудный.

— Пока не пришлют новых, мы назначим временных, из матросов.

Зарудный был не на шутку напуган конфликтом между матросами и офицерами. Он призывал матросов успокоиться, обещал провести расследование и донести командующему флотом о списании тех офицеров, которые окажутся виновными. Но это не помогло: команда стояла на своем. Тогда командир решил обратиться за помощью в Одесский Со-

вет рабочих депутатов. В своем письме в Совет Зарудный писал: «Прошу товарищей-граждан помочь мне сделать успокоение матросов по вопросу о переводе с корабля офицеров-монархистов. Убрать всех монархистов полагаю невозможным, так как ослабим боевую мощь корабля. Прошу пожаловать на корабль поговорить с командой». ⁷

Меньшевицско-эсеровское руководство Одесского Совета не пожелало «пожаловать» на корабль, ибо знало о революционном настроении команды. Не случайно соглашательский Румчерод сообщал из Одессы Севастопольскому Совету матросских депутатов, во главе которого также находились меньшевики и эсеры: «Настроение матросов ярко большевистское. Сегодня утром прибыло большое военное судно, очевидно по вызову моряков. «Синоп» распространяет маловероятные радиотелеграммы о победе большевиков». ⁸

В июле на броненосце была создана большевистская организация. Команда «Синопа» поддерживала одесских рабочих в их борьбе с буржуазией. Тесно был связан с Одесским комитетом большевиков и Совет матросских и офицерских депутатов. Руководство Советом находилось в руках большевиков, в мае 1917 года председателем его был избран член большевистской партии матрос с «Руслана» Александр Попов.

К тому времени революционно настроенные матросы установили связь не только с рабочими, но и с крестьянами. Произошло это так. В июле Одесский Совет матросских депутатов получил пересланное из Севастополя письмо Балтского уездного воинского начальника. «Ввиду крайне неспокойного настроения населения, — говорилось в письме, — необходима сознательная агитация людей, которым бы население доверяло, каковыми, по моим наблюдениям, являются матросы. Они пользуются в уезде популярностью, а поэтому обращаюсь с просьбой командировать в мое распоряжение делегатов от матросов». ⁹

По поручению Совета в Балтский уезд выехала делегация моряков во главе с матросом с «Синопа» Василием Солохиным, членом большевистской партии. Знакомясь в селах с обстановкой, делегация видела, что крестьянство повсеместно выражает недовольство политикой Временного правительства и что ему чужды националистические идеи. Крестьяне надеялись получить землю. Но Временное правительство и Центральная рада, создавшая повсюду свои местные органы, только на словах обещали, а на деле и не думали дать землю крестьянам. Не веря словесным обещаниям националистов из Центральной рады, крестьяне стали громить усадьбы помещиков.

Делегация матросов заявила уездным властям, что она не может выступать против законных требований крестьян, и отбыла в Одессу.

Будучи с делегацией в Балтском уезде, Василий Солохин видел, что слабая работа большевиков на селе создавала благоприятные условия для деятельности украинских националистов. Его отчет о поездке исполком Совета матросских депутатов передал в Одесский комитет РСДРП(б).

Доклад Солохина обсуждался и на заседании исполнительного комитета Совета матросских депутатов. Было решено устроить однодневный сбор средств на судах Транспортной флотилии для снабжения политической литературы уезжающих в деревню матросов.

В этой обстановке прибытие «Алмаза» в Одессу значительно усиливало местную большевистскую организацию, еще более повышало революционную активность моряков. Одесский комитет РСДРП(б) поручил Павлу Кондренко, Михаилу Аркушенко, Иосифу Косову, Василию Бабанскому и другим большевикам-алмазовцам проведение политической работы среди экипажей боевых кораблей.

В ЦЕНТРЕ СОБЫТИЙ

Известия из Петрограда. Спуск андреевского флага. Алмазовцы расстаются с Соломкой. «Мы готовы». Одесский комитет РСДРП(б) и матросы. Контрреволюция поднимает голову. Румчерод приглашает Симона Петлюру. «Алмаз» — в центре событий. «Вся власть Советам!»

К утру 25 октября 1917 года в результате победоносного вооруженного восстания петроградского пролетариата и гарнизона государственная власть в стране перешла от Временного правительства в руки Военно-революционного комитета. Об этом сообщалось в написанном Владимиром Ильичем Лениным воззвании к гражданам России. В тот же день в 11 часов утра известия о событиях в Петрограде были получены Одесским центральным телеграфом. А поздно вечером радиостанция «Алмаза» приняла обращение II Всероссийского съезда Советов к рабочим, солдатам и крестьянам, в котором извещалось, что власть повсеместно переходит к Советам.

Эти документы, принесшие весть о победе пролетарской революции, были восторженно встречены рабочими, матросами и солдатами Одессы. Целый день 26 октября в Воронцовский дворец на Приморском бульваре, где размещались Советы рабочих и солдатских депутатов, прибывали делегаты от фабрик и заводов, кораблей и воинских частей. Они сообщали о митингах и собраниях, о резолюциях, принятых в поддержку Октябрьского вооруженного восстания.

Весть о переходе в Петрограде власти к Советам и о декретах Советского правительства была встречена матросами «Алмаза» с большой радостью. Только командование отнеслось к этому холодно. Когда судовой комитет решил заменить андреевский флаг красным флагом революции, командир крейсера Киселев решительно высказался против этого. Сначала он ссылался на отсутствие распоряжения высшего начальства, потом доказывал, что андреевский флаг — традиционный флаг русского флота, овеянный боевой славой, и, наконец, заявил, что Советы победили только в Петрограде, а что скажет вся Россия, покажет будущее.

Командиру отвечал председатель судового комитета Кондренко.

— Флот наш — русский, — говорил он, — а столица России — Петроград. Там у власти Советы. По приказу № 1 флот подчинен Советам. Значит, распоряжение есть. Что же касается андреевского флага, то он покрыт не только славой, но и позором Цусимского разгрома. И можно не сомневаться, раз Советы победили в Петрограде, то победят и здесь.

Созвали митинг. Команда поддержала решение судового комитета. В присутствии всего экипажа андреевский флаг был спущен и торжественно поднят красный флаг. Митинг принял резолюцию о том, что отныне «Алмаз» признает только Советскую власть. В ней говорилось: «Алмаз» приветствует петроградских рабочих, солдат и матросов, истинных борцов за свободу, мир и землю и присоединяется к партии большевиков. Всеми имеющимися силами будем поддерживать борьбу пролетариата. Долой контрреволюцию, да здравствует Советская власть в Одессе».¹

В своей решительной поддержке Октябрьской революции экипаж «Алмаза» был не одинок. В то время в Одесском порту, помимо судов Транспортной флотилии и нескольких мелких военных кораблей, находились линкоры

«Ростислав» и «Синоп». Их команды горячо приветствовали переход государственной власти к Советам. На митинге экипажа «Ростислава», при участии более чем 400 матросов, была принята резолюция, в которой говорилось: «Переход власти в руки Советов от души приветствуем».

«Мы, матросы линкора «Синоп», — писали синопцы, — приветствуем восставший петроградский гарнизон и пролетариат... Мы требуем от революционного комитета г. Одессы и от исполнительных комитетов Одесских Советов решительных действий и осуществления власти Советов и спокойно и твердо заявляем: «Мы готовы».²

За резолюцию голосовало 365 членов экипажа, против — 12. Выступившему в защиту Временного правительства коллежскому асессору Алексееву матросы «Синопа» не дали говорить, и под свист он покинул собрание.

Утром 26 октября в Одесский комитет РСДРП(б) явилась делегация матросов. Делегаты встретились с секретарем комитета П. С. Заславским и попросили его ответить на следующие вопросы:

Как настроены рабочие одесских фабрик и заводов?

Послана ли приветственная телеграмма от рабочих Одессы петроградскому пролетариату?

Какая сейчас власть в городе?

Известно ли рабочему классу Одессы, что военные моряки готовы оказать ему всю необходимую помощь в установлении Советской власти?

Получив разъяснения, делегаты обратились к Заславскому с просьбой прислать докладчика, который мог бы на общем собрании судовых комитетов и представителей военно-морских организаций порта рассказать о том, что делается в Одессе для установления Советской власти.

В тот же день вечером состоялось заседание Одесского комитета. Заславский сообщил о матросской делегации. Он напомнил собравшимся указание Центрального Комитета партии о том, что черноморских моряков следует рассмат-

ривать, как одну из главных сил в борьбе за установление Советской власти в Одессе.

Во время своей летней поездки в Петроград Заславский побывал на приеме у секретаря Центрального Комитета Я. М. Свердлова, имел с ним беседу, во время которой Яков Михайлович сказал:

— Помните, за вами Румынский фронт, которым командует махровый реакционер генерал Щербачев. Вам надо особенно настойчиво работать среди черноморских моряков, они вас обязательно поддержат.

Одним этим советом дело не ограничилось. Летом и осенью 1917 года Центральный Комитет посылал в Одесский комитет матросов-балтийцев, которые помогали местным большевикам в проведении работы на кораблях.

Собрание военных моряков состоялось 27 октября. Одесский комитет решил направить с докладом одного из лучших своих пропагандистов, делегата VI съезда РСДРП(б) В. Г. Юдовского, осенью 1917 года посланного из Петрограда в Одессу.

Большой интерес вызвала информация Юдовского о положении в Одессе. Докладчик сказал, что 25 октября на объединенном собрании исполкомов Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов меньшевикам, эсерам и буржуазным националистам удалось протащить резолюцию о создании в Одессе «однородно-демократической власти», т. е. власти с участием всех мелкобуржуазных и буржуазных партий. Юдовский призвал моряков объединиться вокруг большевистской партии, стать на защиту завоеваний революции.

После всестороннего обсуждения доклада Юдовского собрание приняло постановление, в котором заявило, что моряки — единомышленники петроградских рабочих, они будут бдительно стоять на страже революционных завоеваний и силой оружия подавят любые контрреволюционные выступления.

В тот же день, почти сразу после собрания, на «Алмазе» произошел весьма характерный случай: матросы высадили на Платоновский мол корабельного попа Дионисия Соломку.

С Соломкой у алмазовцев были давние счеты. Это по его доносу был списан с крейсера любимец команды матрос Иустин Земляк — веселый общительный моряк, зачисленный на «Алмаз» в канун войны. Как-то во время богослужения Соломка от чрезмерного принятия «пития» забыл слова молитвы. Стоявший поблизости офицер подсказал невпопад — слова оказались из другой молитвы. Однако Соломка повторил их без разбора, и получилось, как в поговорке: начал во здравие, а окончил за упокой.

На следующий день матросы уже распевали нехитрую песенку, сочиненную Иустином Земляком:

Поп Соломка наш
Хватил через край —
Вместо «Отче наш»
Запел «Господи, подай».

Соломке стало известно, кто сочинил песенку. В отместку он стал науськивать командира корабля на матроса, говоря, что Земляк мутит команду, непочтительно отзывается о господах офицерах, подрывает у экипажа веру во всевышнего. Киселев внял нашептываниям, и Земляка перевели на другой корабль.

По доносу того же Соломки был списан с крейсера матрос Петр Приходько. Вся его вина состояла в том, что он принес с берега брошюрку под названием «Кто чем живет?..» * Книжечка — маленькая, но написана она так просто и увлекательно, что каждый, кто брал ее в руки, не мог не дочитать до конца. В брошюре на редкость доходчиво и

* Автор брошюры — известный польский социалист, писатель С. Дикштейн.

живо излагались некоторые важнейшие идеи «Капитала» Карла Маркса. Случайно брошюра попала на глаза попу, и по всем кубрикам начались обыски. У Приходько обнаружили еще какие-то нелегальные издания, за что командир корабля отдал его под суд.

Матросы откровенно презирали отца Дионисия и всячески старались ему насолить. То подсыпят в кадку махорки или измельченного красного перца и во время богослужения поп начинал усиленно кашлять. То перед отходом ко сну, во время пения молитвы «Отче наш», задние ряды вместо заключительных слов: «Но избави нас от лукавого» довольно явно выводили: «Но избави нас от Трухманова».* И с этим Соломка ничего не мог поделать.

Высаживая Соломку на мол, матросы напомнили ему и о том, как летом он выступил с проповедью против большевиков. На «Алмаз» тогда приехала секретарь Севастопольского комитета РСДРП(б) Нина Островская. После ее выступления речь держал Соломка. Повторяя клевету буржуазных газет на большевиков, он закончил свою проповедь словами из «священного писания»:

— Берегитесь лжепророков, которые приходят к вам в овечьей шкуре, а внутри суть волки хищные.

Теперь, несколько переиначив эти слова, электрик Филипп Швачка напутствовал попу:

— Уходи, бес в шкуре пророка. Ни нам, матросам, ни революции ты не нужен!

28 октября в Одессе состоялось объединенное собрание Советов рабочих, солдатских и матросских депутатов, на котором обсуждался вопрос об Октябрьском вооруженном восстании в Петрограде. От имени экипажей военных кораблей Одесского порта матрос крейсера «Алмаз» Кондратий Суховский заявил, что моряки требуют установле-

* На «Алмазе» служил баталером кондуктор Трухманов, который на деньги, отпускаемые на довольствие команды, построил в Севастополе два больших дома.

ния в Одессе Советской власти и изгнания соглашателей из Советов.

— Мы уже давно отмежевались от соглашательского Румчерода, — заявил Суховский. — И если Румчерод не выбросит частицу «чер»,* то он просто обманщик.

Представитель судоремонтного завода Беллино-Фендериха сказал, что рабочие присоединяются к петроградскому пролетариату, поднявшему знамя восстания. Это же подтвердил делегат завода Анатра.

— Коллектив фабрики Попова приветствует восстание в Петрограде и готов встать на защиту власти Советов, — говорил представитель табачной фабрики. С таким же заявлением выступил и делегат кожевенного завода «Труд».

Рабочие Главных железнодорожных мастерских огласили свою резолюцию, в которой было сказано: «Признаем только Центральную власть в лице Народных Комиссаров и только их будем поддерживать».

Делегат от Союза металлистов потребовал немедленно вооружения рабочих и установления Советской власти в Одессе. Это требование поддержали представители Пересыпского районного Совета рабочих депутатов, завода РОПИТ и портовых рабочих.

Такие же постановления, как сообщили присутствовавшие на собрании представители воинских частей, были приняты на митингах 40-го и 49-го запасных пехотных полков, в 7-ом самокатном полку, в тыловых артиллерийских мастерских Румынского фронта и в ряде других воинских частей Одесского гарнизона.

Собрание большинством голосов одобрило предложенную большевиками резолюцию о поддержке Октябрьского вооруженного восстания и о создании в Одессе твердой революционной власти Советов.

* Имеется в виду Черноморский флот. Моряки требовали, чтобы меньшевистско-эсеровский Румчерод не выступал от имени Черноморского флота.

Но Советская власть в городе тогда не была установлена. Этому воспрепятствовало организованное сопротивление российской и украинской буржуазии и ее слуг. Уже на второй день после Октябрьского вооруженного восстания в Петрограде произошло объединение всех контрреволюционных сил Одессы. На секретном заседании Румчерода было создано «Временное революционное бюро», в которое вошли семь представителей Румчерода, три представителя Одесской украинской рады, два — от штаба военного округа и комиссары уже не существующего Временного правительства Харито и Шрейдер. Возглавил бюро меньшевик Ильинский. Задача «Временного революционного бюро» заключалась в том, чтобы изолировать революционные части Одесского гарнизона от матросов Транспортной флотилии, любыми средствами не допустить в Одессе выступления большевиков.

На этом же заседании Одесской украинской раде была поручена охрана телефонной станции, телеграфа, здания штаба военного округа, складов оружия. Тем самым местные органы Центральной рады с помощью Румчерода получили возможность захватить важнейшие стратегические пункты Одессы. Это означало, что сторонники всероссийской контрреволюции, окопавшиеся в штабе Одесского военного округа, в частях Румынского фронта и в Румчероде, решили перейти на службу к Центральной раде.

Участники тайного сговора, однако, понимали, что без привлечения на свою сторону рабочих они не смогут чувствовать себя спокойно. Среди рабочих большой популярностью пользовались возникавшие на местах революционные комитеты. Поэтому участники секретного заседания решили создать свой соглашательский «революционный комитет», который отвлек бы внимание рабочих, матросов и солдат от задач революции.

27 октября, в 6 часов вечера в Воронцовском дворце было созвано объединенное собрание членов комитетов

меньшевиков, эсеров, бундовцев и других мелкобуржуазных партий с участием представителей Румчерода, Центральной рады и Советов. На собрание пригласили и большевиков. Исполкому Совета матросских депутатов сообщили из Румчерода, что на совещании желательнее также присутствие представителей военно-морских организаций.

К тому времени председатель матросского Совета Александр Попов — делегат II Всероссийского съезда Советов, еще не возвратился из Петрограда, а находившиеся на «Алмазе» члены исполкома решили участия в собрании не принимать.

В Воронцовском дворце обсуждались два вопроса: об отношении к Центральной раде и о создании «революционного комитета». Соглашатели и буржуазные националисты высказались за поддержку Центральной рады. Представители Одесского комитета РСДРП(б) заколебались и ошибочно заявили, что они поддерживают Центральную раду «в ее стремлении к самоопределению украинского народа».³

Острая борьба разгорелась по второму вопросу. Большевики Г. Ачканов, П. Заславский, М. Томас понимали, что создание нового «революционного комитета» с участием представителей Центральной рады не будет шагом вперед в развитии революции и потому решительно выступили против этой затеи.

— 25 октября при Одесском Совете уже создан один революционный комитет, зачем же создавать второй, — возражал Павел Мизикевич.

— Наличие в городе двух революционных комитетов не только не внесет ясности в отношения общественных сил, но, наоборот, запутает эти отношения, — доказывал Григорий Ачканов.

Однако некоторые работники Одесского комитета РСДРП(б) не видели контрреволюционности буржуазной рады, склонны были сотрудничать с ней. Этим и объяснялось то, что часть руководящих работников комитета, при-

существовавших на собрании, поддержала идею создания «революционного комитета» с участием представителей Центральной рады. Поздно ночью между партийными группами было достигнуто соглашение об организации «областного революционного комитета» из представителей Одесской рады, Румчерода, Советов и всех партий — меньшевиков, эсеров, бундовцев и большевиков. В официальном сообщении указывалось, что комитет «не допустит самочинных выступлений» и будет решительно подавлять всякого рода «бесчинства и анархию».

В тот же день, 28 октября, наряду с объединенным собранием Совета рабочих, солдатских и матросских депутатов, двумя часами раньше состоялось пленарное заседание Румчерода. Исполком Совета матросских депутатов поручил своим представителям заявить на нем, что моряки полностью поддерживают восстание петроградского пролетариата и будут добиваться установления Советской власти в Одессе.

Однако, несмотря на это, эсерово-меньшевистское руководство Румчерода предложило резолюцию о том, что Румчерод резко осуждает восстание большевиков в Петрограде и считает, что оно должно быть ликвидировано.⁴

Матрос Василий Денежкин решительно выступил против такой резолюции:

— Я говорю как представитель матросского Совета и как представитель Транспортной флотилии. Мы, матросы, уже заявляли, что стараемся избежать гражданской войны, но именно к ней ведет предложенная здесь резолюция. Наша Транспортная флотилия примкнула к большевикам, предлагаю учесть это обстоятельство.

Когда резолюция все же была принята 31 голосом при 25 воздержавшихся, Денежкин заявил собравшимся:

— Я снимаю с себя полномочия члена Центрального исполкома Румчерода и сегодня же доложу матросскому Совету о вашем позорном решении.

После ухода Денежкина на заседании Румчерода было утверждено решение о выработке плана мероприятий для активной борьбы «с движением Ленина», что послужило сигналом к усилению репрессий против революционно настроенных солдат и матросов.

В соответствии с решением Румчерода штаб Одесского военного округа издал приказ о запрещении уличных собраний и митингов. 30 октября в Одессе открылся съезд «ударных батальонов» Румынского фронта, в котором участвовали бывшие комиссары Временного правительства. Съезд постановил создать для борьбы с Советской властью «Комитет активной обороны страны», куда вошли меньшевики, эсеры, представители буржуазии. Для подавления выступлений трудящихся Румчерод сформировал вооруженный отряд особого назначения в составе трех тысяч отборных корниловцев.

Общность целей все более и более сближала меньшевистско-эсеровский Румчерод и буржуазно-националистическую Раду. 1 ноября 1917 года исполком Румчерода официально принял решение «работать в контакте на паритетных началах с Одесской Украинской радой». ⁵ А еще через некоторое время Румчерод послал приглашение Симону Петлюре прибыть в Одессу для выработки совместных мер борьбы с революционным движением рабочих.

В этой сложной обстановке, когда в городе происходило объединение враждебных революции сил, «Алмаз» стал центром революционного движения среди матросов Транспортной флотилии и других кораблей, стоявших в Одесском порту. Объяснялось это не только тем, что команда «Алмаза» была одной из наиболее революционных, но и положением самого крейсера. Еще 1 октября 1917 года на корабле был поднят брейд-вымпел командующего Транспортной флотилией капитана 1-го ранга Степанова, а Одесский порт по приказу контр-адмирала Немитца стал его постоянной базой. На «Алмазе», помимо штаба флотилии,

разместился также исполком Совета матросских депутатов Одесского порта.

Эти обстоятельства способствовали широкому общению революционной команды крейсера с матросами других кораблей. Создались благоприятные условия для установления связей, обмена информацией, для согласованных действий. Через судовой комитет «Алмаза» и исполком Совета матросских депутатов Одесский комитет РСДРП(б) мог быстро связаться с экипажем любого корабля.

В первых числах ноября в судовой комитет «Алмаза» поступило письмо, подписанное кочегарами Федором Толстых, Иваном Моравцем, Василием Овчаренко и другими. Они писали: «В скором времени мы подлежим увольнению, как отбывшие свой срок службы. Явиться домой в это грозное время, когда решается судьба Советской власти, без оружия мы не можем. Вооруженный матрос в деревне будет опорой Советской власти. Сообразуясь с текущим моментом, предлагаем выдать нам винтовки и патроны, с которыми мы пойдем по домам».⁶

Побывали на «Алмазе» и делегации с других кораблей Транспортной флотилии. Они заявляли:

— Идти домой без оружия преступно. Нам нужны винтовки, чтобы защищать от помещиков землю, полученную от Советской власти. Если мы вернемся с пустыми руками, то помещики, капиталисты с генералами и юнкерами задушат свободу и снова на долгие годы наденут ярмо на наши шеи.

Во второй половине ноября Совет матросских депутатов постановил: «Идя навстречу требованиям представителей увольняемых моряков, желающих с оружием в руках бороться за власть Советов в деревне, выдать каждому увольняемому матросу винтовку и патроны».⁷

Узнав об этом, матросы Севастопольского флотского полуэкипажа 24 ноября 1917 года по примеру Одессы потребовали на общем собрании немедленно вооружить всех

увольняемых в запас призыва 1906 и 1907 годов. «Мы, — заявили матросы, — считаем обязательным увольнение только при полной боевой готовности с оружием и патронами, но не иначе». ⁸

Оружие матросы Транспортной флотилии доставали. Сложнее обстояло дело с патронами, их почти не было. Исполком Совета матросских депутатов рекомендовал судовым комитетам установить связь с сухопутными воинскими частями и через них попытаться получить патроны. Моряки обратились в Совет солдатских депутатов, прося снабдить патронами увольняемых в запас. Однако президиум исполкома Совета солдатских депутатов под влиянием эсеров и меньшевиков постановил ходатайство это отклонить. Тем не менее матросы понемногу добывали патроны в войсковых частях.

Обстановка в Одессе с каждым днем становилась все более сложной. Рабочие, матросы и солдаты требовали установления Советской власти в городе. В то же время соглашатели всех мастей выступили с резким осуждением восстания рабочих Петрограда и вместе с буржуазией готовились с оружием в руках подавить социалистическую революцию.

В Одесском Совете рабочих депутатов руководство принадлежало меньшевикам, эсерам и бундовцам, поэтому он и не пытался взять власть в свои руки, призывал рабочих «к спокойствию и порядку». Центральная рада тоже не могла захватить всю полноту власти, поскольку массы не были на ее стороне. К тому же она не располагала в Одессе достаточными вооруженными силами. Не имела никакой реальной силы и Городская дума, продолжавшая существовать по инерции. Бездействовал и Румчерод.

Секретарь Одесского комитета РСДРП(б) П. С. Заславский 13 ноября 1917 года писал в Центральный Комитет партии: «По сей день в Одессе совершенно неизвестно.

в чьих руках власть здесь на месте. Беда в том, что у нас много «великих держав». Существуют Румчерод, Украинская рада и Советы. Советы и главным образом исполнительные комитеты Советов, принимая на пленумах большевистские резолюции, на деле в повседневной работе саботируют (это относится главным образом к президиумам исполнительного комитета рабочих депутатов и исполнительного комитета солдатских депутатов) большевистскую работу и тактику. Румчерод — злостно оборонческая организация, явно ведущая контрреволюционную политику и тайно снимающая войска с фронта для подавления большевиков. Наша Рада хотя и смотрит исключительно на Киев, но персональный состав ее таков, что в ее рядах нашли убежище многие офицеры корниловских полков, выгнанные солдатами».⁹

В этой информации давалась правильная характеристика обстановки в Одессе. Революционные массы шли вперед, но окопавшиеся в Советах, профсоюзах и других общественных организациях меньшевики и эсеры тормозили движение, пытались остановиться на буржуазно-демократическом этапе революции.

В этих условиях наиболее решительно выступали моряки. 2 ноября на «Алмаз» прибыли делегации линкора «Синоп», минного заградителя «Дунай» и эсминца «Звонкий». С их участием состоялось заседание исполкома Совета матросских депутатов. Делегаты от «Алмаза» и «Синопа» настаивали на том, что военные моряки сами должны взять власть в городе, требовали немедленно назначить день выступления, сообщить об этом на фабрики и заводы, чтобы рабочие поддержали моряков. Против скоропалительных и непродуманных предложений выступил председатель Совета матросских депутатов Александр Попов, только что возвратившийся со II Всероссийского съезда Советов. Он заявил, что нельзя скандалить решать такие вопросы, как захват власти.

— Давайте созовем общеделегатское собрание, — предложил Попов, — и пусть оно примет решение.

Через два дня состоялось делегатское собрание военных моряков и команд судов Одесского порта. Попов сделал доклад об Октябрьском вооруженном восстании, о первых декретах, принятых II Всероссийским съездом Советов. Прения по докладу были бурными. Делегаты военных кораблей горячо приветствовали создание Советского правительства, выступали за всемерную его поддержку.

— Пролетариат Петрограда действовал быстро и решительно, — говорил Павел Кондренко. — Мы должны идти по такому же пути. А у нас на деле происходит торможение революции. Меншевики хотят поставить революцию на мертвый якорь. Поэтому мы, алмазовцы, считаем, что вопрос о революции надо решать не голосованием, а вооруженной силой.

Выступил на собрании и представитель меньшевистской организации морской фельдшер Жук. Его речь состояла сплошь из ругательств в адрес большевиков: они-де «люди с неразвитым социальным чувством», у них «атрофия политического сознания» и поэтому большевики идут к социализму «не тем путем». Кондренко бросил ему реплику:

— Пятиться, как вы, задом наперед мы не умеем. Рачьиими повадками не обладаем.

Под дружный смех моряков меньшевик покинул трибуну.

Александр Попов.

Собрание приняло резолюцию:

«Делегатское собрание военных моряков и судов Одесского порта, заслушав доклад тов. Попова о решительной политике, проведенной в последние дни в Петрограде, завершившейся переходом всей власти к Советам, и обсудив создавшееся в Одессе положение, каковое является неопределенным и нерешительным, а потому вредным для успешного хода и дальнейшего развития революции, постановило на первом очередном объединенном заседании Исполнительных комитетов военных организаций Одессы предложить безотлагательно приступить к сосредоточению власти в Советах. Вместе с тем мы, моряки Одесского порта и стоящих в Одесском порту судов, заявляем, что всей вооруженной силой будем проводить лозунг «Вся власть Советам».¹⁰

Решительное заявление матросов «Алмаза» и «Синопа» о том, что они вооруженной силой поддержат одесских рабочих в борьбе за установление Советской власти вызвало тревогу среди одесской буржуазии. В кадетской и эсеро-меньшевистской печати появились статьи, в которых делались попытки убедить матросов не вмешиваться в политическую борьбу «общественных сил» города. Одновременно, чтобы подорвать авторитет военных моряков, среди населения был пущен слух, будто матросы «Синопа» и «Алмаза» по примеру «Авроры» хотят обстрелять Одессу. Быстро распространилась версия о том, что «Аврора» разрушила Зимний дворец. На некоторые нестойкие слои населения эти слухи оказывали влияние.

С разоблачением буржуазной клеветы на военных моряков выступил в газете «Известия Одесского Совета» председатель Совета матросских депутатов А. Попов. Он писал: «Агенты буржуазии наивно думают, что своей способностью ругаться на страницах печати в адрес большевиков они привлекут новых сочувствующих... Скорее наоборот. Во всяком случае, среди нас, матросов, подобные статьи вызывают нечто вроде отвращения!»¹¹

ДЕКАБРЬСКИЕ ДНИ

Радиограмма Совнаркома. На Каледина! Выступление гайдамаков. Вагон с офицерами. Железнодорожники уводят батарею. Манифест. Ленинские указания морякам. Володарский на «Алмазе».

В 10 часов вечера 26 ноября радист «Алмаза» Евгений Шишкан принял из Петрограда важную радиограмму. Не дожидаясь утра, Шишкан сообщил о ней председателю судового комитета Павлу Кондренко и председателю Совета матросских депутатов Александру Попову. На следующий день утром Кондренко и Попов связались с Одесским комитетом РСДРП(б), условились о созыве объединенного заседания исполкомов Советов рабочих, солдатских, матросских и крестьянских депутатов.

Заседание открылось в клубе Красной гвардии на Торговой улице. Председательствовал член Одесского комитета РСДРП(б) Леонид Рузер. Александр Попов зачитал полученную «Алмазом» радиограмму Совета Народных Комиссаров, в которой разъяснялась создававшаяся в стране обстановка, подчеркивалась опасность контрреволюционного выступления царских генералов Каледина и Дутова, собравших на Дону и на Урале крупные контрреволюционные силы. В радиограмме говорилось: «...Одесский революционный гарнизон обязан стать со всей решительностью против врагов народа. Входить в какие бы то ни бы-

ло соглашения с вождями контрреволюционного восстания безусловно запрещается... Вожди заговора объявляются вне закона».¹

Сразу же после оглашения радиogramмы слово взял начальник Одесского гарнизона капитан 1-го ранга Римский-Корсаков. Он наотрез отказался выполнять указания Советского правительства.

— Ленин обратился не по адресу. Одесский гарнизон не признает большевиков,— заявил он.

Начальник гарнизона не скрывал своих реакционных взглядов. Было известно, что после Октябрьского вооруженного восстания Римский-Корсаков пытался стянуть в Одессу верные Временному правительству корабли и воинские части, прилагал усилия к разоружению и расформированию наиболее преданных революции частей гарнизона.

Представитель Одесского комитета большевиков Михаил Капралов дал отпор Римскому-Корсакову.

— Глубоко заблуждается господин капитан первого ранга. Да будет ему известно: в Одессе имеются два гарнизона — буржуазии и революции. Советское правительство, Ленин обращают свой призыв к революционному гарнизону, у которого есть силы и светлая цель. И он готов служить делу пролетариата.

Капралова поддержали Михаил Аркушенко, Гавриил Фокеев и другие большевики. Члены исполкомов Совета рабочих депутатов и Совета солдатских депутатов в большинстве были сторонниками меньшевиков и эсеров, но на этом заседании они не проявляли активности. Слишком уж непопулярной была в Одессе авантюра царских генералов Каледина и Дутова, поднявших оружие на рабоче-крестьянскую республику. Не решились они выступить еще и потому, что в разгар прений была получена новая телеграмма, в которой сообщалось, что Центральная рада вступила в переговоры с главарем контрреволюционного мяте-

жа генералом Калединым с целью образования единого фронта борьбы против Советской власти.

Содержание телеграммы вызвало возмущение большинства присутствовавших. С мест раздавались крики военных моряков и солдат:

— Мы штыками разнесем раду, если она пойдет вместе с Калединым!

Здесь же на совещании был создан штаб по комплектованию отрядов для посылки на Дон. Было решено созвать на следующий день общее собрание депутатов всех Советов. Исполком Совета матросских депутатов решил обсудить обращение Совнаркома на всех кораблях.

30 ноября с утра проходили собрания моряков. На «Синопе» более 100 человек решили добровольно отправиться на Дон на борьбу с контрреволюцией. На минном заградителе «Дунай» для борьбы с Калединым был создан отряд численностью 30 человек.

На «Алмазе» с докладом о призыве Совнаркома выступил трюмный старшина Иосиф Косов. Затем радиотелеграфист Вячеслав Иванов зачитал только что полученную радиограмму за подписью Раца, Морского генерального секретаря Центральной рады, запрещавшего морякам-украинцам записываться в отряды, посылаемые на борьбу против Каледина.

Выступившие вслед за этим кочегары Никита Завадченко и Демьян Гандзюк, машинист Григорий Романюк, матросы Никифор Луценко, Гавриил Олейниченко и другие заявили, что они украинцы, однако выполнять указаний Морской рады не будут. Они первыми добровольно записались в отряд для посылки на Дон. Их примеру последовали многие матросы «Алмаза».

В тот же день, после полудня, огромный зал Городского театра * был переполнен рабочими, матросами и солда-

* Ныне театр оперы и балета.

тами. Здесь собрались делегаты Советов рабочих, матросских, солдатских и крестьянских депутатов. Среди них было много алмазовцев. С докладом о посылке войск против Каледина выступил Л. Рузер. После него первым слово взял лидер одесских меньшевиков Александр Сухов. Он предложил вместо войск послать на Дон делегацию для выяснения на месте создавшегося положения.

— Надо выяснить,— пытался мотивировать свое предложение меньшевик,— в каком духе высказывается демократическое казачество.

После Сухова говорил Кондренко.

— Советское правительство призывает нас отправиться на Дон воевать не против трудового казачества,— сказал он,— а против калединской контры. А в каком духе высказывается Каледин, мы знаем. Что же еще не ясно господину Сухову? На Донщину надо посылать не делегации для «выяснения», а вооруженные отряды рабочих, солдат и матросов. Если что и придется выяснить на месте, то наши посланцы сделают это с оружием в руках. Так-то оно будет надежнее!

Зал громко аплодировал оратору-большевику.

От имени моряков Балтийского флота выступил только что прибывший в Одессу член военно-политического отдела Верховной коллегии Морского министерства Иван Шерстобитов. Он сообщил, что, будучи проездом в Киеве, вел там беседу с представителями генерального секретариата Центральной рады, и они заявили ему, что Центральная рада не намерена портить «добрососедских отношений» с Калединым.

Услышав это разоблачение, сторонники Центральной рады подняли в зале невообразимый шум. Немного выждав, Шерстобитов продолжал:

— Я ничего не выдумал, а рассказал лишь то, что услышал от главарей Украинской рады. Сейчас настал грозный час для революции. Не слушайте политических фаль-

шивомонетчиков. Надо немедленно идти на Дон и подавить калединщину. Ждать нельзя! Что касается Балтийского флота, то он уже послал отряды.

Шерстобитов закончил свою речь под продолжительные аплодисменты и возгласы: «Слава балтийцам!»

По поручению команды «Алмаза» кочегар Семен Которобай огласил резолюцию судового собрания о том, что алмазовцы, в том числе все матросы-украинцы, готовы с оружием в руках выступить не только против Каледина, но и против Центральной рады, протянувшей ему свою руку.

— Мы признаем только власть Советов, — заявил Которобай, — и не хотим знать никаких Центральных рад!

Собрание приняло резолюцию, предложенную большевиками.

Это свидетельствовало о том, что меньшевики и эсеры быстро теряли почву под ногами. Рост влияния большевиков в одесских Советах вызвал тревогу и у руководителей Центральной рады. Украинские буржуазные националисты чувствовали, что приближается конец их сотрудничеству с Советами. Если до ноября 1917 года Центральная рада делила с ними власть в Одессе, то затем она стала все более открыто выступать против левеющих Советов.

3 ноября 1917 года Центральная рада назначила генерала Ельчанинова на пост главного начальника Одесского военного округа. Он немедленно начал формировать гайдамацкие воинские части. К концу ноября была сформирована Одесская украинская пешая дивизия, в которую входили четыре пластунских гайдамацких полка, сводный пулеметный полк, артиллерийская бригада и конный гайдамацкий полк². Один из пластунских гайдамацких полков находился в Аккермане*, остальные — в Одессе. В каж-

* Ныне г. Белгород-Днестровский.

дом полку было около 3000 солдат и офицеров. Командовал дивизией атаман Васильев. В условиях Одессы это была значительная военная сила.

Центральная рада укрепила в городе свои местные органы. Во главе Одесской рады стояли представитель украинской буржуазной интеллигенции Луценко и офицер Вербицкий. Комиссаром рады при штабе Одесского военного округа был назначен подполковник Поплавко. Имелись еще Военная и Морская рады, которые вели работу среди солдат гайдамацких частей, а также предпринимали неоднократные попытки «украинизировать» экипажи боевых кораблей. Свое влияние Морская рада пыталась распространить и на суда Транспортной флотилии. Среди моряков велись непрерывные споры о том, кому обязан служить Черноморский флот — Советской России или Центральной раде? Злободневными были также вопросы о демобилизации моряков и о разделе помещичьих земель.

— Пока мы будем торчать здесь, во флоте, дома поделят землю и нам достанется кукиш,— подогревал алмазовцев кочегар Пантелеймон Безух.

— Черное море — украинское море. Почти все мы, матросы — украинцы, поэтому и флот наш должен быть украинским,— вторил ему трюмный старшина Архип Дармограй-Вечерка.

И тотчас вспыхивала жаркая перепалка, едва не доходившая до потасовки.

На «Алмазе» была небольшая, но довольно спаянная группа националистически настроенных матросов. Кроме Безуха и Дармограй-Вечерки, в нее входили марсовый Игнат Табакарь, писарь Василий Чубко, матрос Степан Терлецкий и другие. Их поддерживал и снабжал литературой младший механик Максим Церковный. Оставаясь все время в меньшинстве, они тем не менее настойчиво добивались, чтобы вопрос о «самоопределении» «Алмаза» поставили на голосование команды.

В то время были корабли, на которых в течение недели поднимался то красный, то желто-голубой флаг. А на некоторых судах флотилии часть матросов вообще бросила службу и разъехалась по домам. В ноябре при комиссариате Центральной рады подполковник Поплавко создал большую группу агитаторов специально для вербовки матросов на свою сторону. Националисты действовали не только на кораблях, но и на улицах Одессы, в зрелищных и других общественных местах. Однако успеха они, как правило, не имели, хотя и пытались играть на национальных чувствах матросов-украинцев.

Вот характерный эпизод.

Однажды к группе матросов на Дерибасовской улице подошли шикарно одетые мужчина и дама. Вместо обычных тогда красных бантов у них были приколоты к пальто небольшие желто-голубые ленты. Матрос Никита Боровский спросил, что эти ленты означают.

— Это — символ борьбы за самостоятельную, независимую Украину, — охотно пояснила дама. — Вы ведь тоже, очевидно, украинец? Какой губернии?

— Екатеринославской, но в нашем селе живут и великороссы. Они называют нас хохлами.

— Видите, они насмеются даже над принадлежностью к украинской нации! — вступил в разговор мужчина. — С этим надо покончить. Все украинцы должны объединиться и добиваться независимости нееньки-Украины.

— Да, но среди нашего брата-украинца есть и помещики, и капиталисты, и кулаки, — возразил Боровский. — А я рабочий. Зачем же мне объединяться с угнетателями?

— Что вы, среди украинцев нет угнетателей! — замала пухлыми руками дама. — Наши помещики не угнетатели, а народные вожди, они борются за освобождение украинского народа.

— Вот оно как! — удивился матрос. — Но я в своем селе батрачил у помещика-украинца, брат мой работал у ку-

лака-украинца. У них были сотни десятин земли, целые табуны коней и худобы, а у нашей семьи даже коровы не было. А вы говорите все украинцы — братья! Бывайте здоровеньки!

Получив сообщение о том, что объединенное собрание одесских Советов приняло решение о посылке против Каледина вооруженных отрядов, Центральная рада предприняла с помощью своих местных органов и воинских частей попытку разоружить Красную гвардию и полностью захватить власть в Одессе в свои руки.

На рассвете 1 декабря в район Городского театра были стянуты пехотные гайдамацкие части. Гайдамацкий штаб, помещавшийся рядом с театром, в Английском клубе, был окружен бронеавтомобилями. Одна из гайдамацких частей расположилась в районе вокзала, другие заняли позиции на стыке улицы Софиевской и Нарышкинского спуска, у Сенной площади и возле Привозного рынка. Националисты установили усиленные караулы на Николаевском бульваре, на Пушкинской и других центральных улицах. Командование националистов рассчитывало отрезать центр города от рабочих окраин — Пересыпи и Молдаванки, изолировать штаб Красной гвардии, помещавшийся на Торговой улице.

На Николаевском бульваре гайдамаки около 8 часов утра остановили автомобиль с красногвардейцами и разоружили их. У городской думы они попробовали разоружить другой отряд Красной гвардии, но встретили сопротивление. В перестрелке один красногвардеец был ранен.

В 10 часов утра раздавались выстрелы в районе Пале-Рояля.

Решив выяснить обстановку, начальник штаба Красной гвардии М. Кангун в полдень сел в автомобиль и поехал по городу. Возле штаба Одесской рады гайдамаки пыта-

лись задержать Кангуна, но автомобиль увеличил скорость. Посланной вдогонку пулеметной очередью Кангун был убит.

Вскоре началась перестрелка на Пересыпи, Привозе и на 3-й станции Большого Фонтана. Вслед за этим гайдамаки открыли пулеметный огонь у вокзала и на Куликовом поле. В городе стали закрываться магазины и учреждения, остановилось трамвайное движение.

Чтобы сорвать гайдамацкую авантюру, большевики, входившие в Одесский Совет и Румчерод, предложили срочно создать штаб по оказанию сопротивления войскам Центральной рады. В середине дня революционный штаб был организован, в него вошли Григорий Ачканов, Макар Чижилов, Иван Шерстобитов, матрос Михаил Скобелев, солдат Дмитрий Гурьев и другие. Местопребывание штаба было установлено на «Алмазе». Судовой комитет крейсера внес предложение сформировать объединенные отряды моряков и красногвардейцев и сообща разгромить гайдамацкие войска. Однако большинство членов революционного штаба не без оснований считало, что красногвардейские отряды еще не подготовлены к такому выступлению. Чтобы гайдамаки не смогли разоружить Красную гвардию, штаб принял решение перевести красногвардейские отряды в порт и на Пересыпь.

Революционный штаб провел на «Алмазе» совещание руководителей Красной гвардии, председателей судовых комитетов «Алмаза», «Синопа», «Ростислава», миноносцев «Зоркого» и «Жаркого» и представителей революционных воинских частей. От Красной гвардии присутствовали М. Чижилов, С. Соколов, В. Стародубенко. П. Харламов, П. Путный, В. Свицерский. Участники совещания осудили провокационные действия Центральной рады и заявили, что Красная гвардия и военные моряки встанут на защиту «революционного пролетариата от посягательств контрреволюции».³

Команды линкоров «Синоп» и «Ростислав» выступили с заявлениями, в которых потребовали от буржуазных националистов немедленно прекратить вооруженное выступление. Моряки писали, что, если понадобится, они примут крайние меры, «вплоть до стрельбы против нарушителей порядка, выступивших с оружием на улицу». ⁴

Решительная и непреклонная позиция, занятая военными моряками «Алмаза», «Синопа», «Ростислава» и революционными частями Одесского гарнизона, отрезвляюще подействовала на Войсковую и Морскую рады. Гайдамаки были возвращены в казармы.

Потерпев неудачу с вооруженным захватом власти, представители Центральной рады стали на путь маневрирования и соглашательских комбинаций. В 6 часов вечера 1 декабря в Воронцовском дворце состоялось экстренное совместное заседание президиумов Советов рабочих, солдатских, матросских и крестьянских депутатов вместе с представителями Центральной рады, соглашательских партий, Румчерода и общегородского большевистского комитета. Обсудив происшедшие днем события, участники заседания решили создать новый руководящий орган — Временный объединенный комитет для достижения соглашения об организации единой власти в городе. В комитет вошли три большевика — Леонид Рузер, капитан Сергей Власьев, морской офицер Василий Золотухин и три представителя Центральной рады — проф. Чеховский, офицеры Вербицкий и Куш. Было выпущено воззвание. «Комитет всех Советов и Рады, — говорилось в нем, — призывает всех граждан, и военных и невоенных, к мирному труду и спокойствию. Знайте, что в настоящее время между Советами и украинскими революционными организациями * достигнуто соглашение о создании в Одессе единой власти». ⁵

Соглашаясь пойти на объединение Советов с местными

* т. е. местными органами Центральной рады.

органами Центральной рады, большевики надеялись, что в результате этого им удастся вырвать из-под влияния националистов ту часть трудящихся, которая еще не видела контрреволюционности буржуазной Центральной рады. Это, безусловно, было ошибкой, допущенной в результате того, что события в Одессе развивались в чрезвычайно сложных условиях, а партийная организация еще не имела достаточного опыта руководства. В обстановке, которая сложилась, местные большевики не всегда могли связаться с центром и получить необходимые директивы и советы.

В соответствии с достигнутым соглашением гарнизонный Совет солдатских депутатов и Совет матросских депутатов должны были объединиться с Войсковой радой и образовать единый Совет военных депутатов. Исполнительный комитет этого Совета признавался верховным органом всех войск Одесского гарнизона и стоявших в порту военных кораблей. Совет военных депутатов считался секцией Одесского Совета рабочих, военных и крестьянских депутатов, однако фактически слияние осуществлялось на платформе признания за Центральной радой права руководить в Одессе всеми военными делами.⁶

В тот же вечер, 1 декабря, председатель Совета матросских депутатов Александр Попов, возвратившись на «Алмаз», доложил исполкому о принятом в Воронцовском дворце решении. Павел Кондренко, неделю тому назад избранный членом исполнительного комитета, заявил, что президиум Совета и его председатель неправомочны были решать вопрос о слиянии Совета матросских депутатов с Советом солдатских депутатов и Войсковой радой. Началось бурное обсуждение. Большинство членов исполкома высказалось против объединения. Заседание не одобрило действий председателя и некоторых членов президиума, согласившихся пойти на объединение. Попов не стал возражать и присоединился к большинству.

Не успели еще участники заседания разойтись, как к

вахтенному «Алмаза» подошел рабочий в форме железнодорожника и сообщил:

— Вам доставлен вагон с офицерами. Кто будет принимать?

— Что за вагон? Каких офицеров? — недоумевал вахтенный.

— Офицеры Центральной рады, мы их вагон подцепили по пути. Давайте расписку, что получили панов гайдамаков.

События, предшествовавшие этому разговору, носили несколько необычный характер.

В конце ноября на станцию Одесса-Товарная прибыли два вагона с различным военным снаряжением в адрес Одесской рады. Когда ее представители пришли получить груз, вагонов не оказалось. В технической конторе имелись накладные, но груз исчез. Станционное начальство с ног сбилась в поисках запропавшихся вагонов. Полагали, что их уворовали одесские жулики (ранее бывали такие случаи), но эта версия вскоре отпала. Пока шло расследование и делались запросы, наступило 1 декабря. Получив задание перевести в порт Красную гвардию, большевистская железнодорожная организация решила отправить в порт, на Платоновский мол, у которого стоял «Алмаз», и эти два вагона. В действительности они никуда не пропали, а спокойно стояли на запасных путях станции среди других вагонов. Большевик Николай Захаров написал на них новые номера и этим ввел в заблуждение станционное начальство.

Прицепив вагоны к специальному поезду, железнодорожники заметили возле технического училища вагон первого класса, в котором находились прибывшие из Киева офицеры. Решили заодно прихватить и его.

— Сейчас будем прицеплять вагон, — предупредил сцепщик, подойдя к двери офицерского вагона.

— Зачем? — осведомился дежурный.

— Вагон стоит на самом виду. В городе стрельба. Мы поставим его в безопасное место.

— Правильно, только далеко не везите,— согласился офицер.

Вагон был прицеплен, и вскоре состав оказался на причале рядом с «Алмазом».

Обстановка в городе была такова, что не следовало идти на новые конфликты с Украинской радой. По решению находившегося на крейсере штаба вагон вновь был отправлен на прежнее место. Однако 3 декабря железнодорожники таким же образом доставили на Платоновский мол артиллерийскую батарею 270-го запасного полка, переброшенного в Одессу из Вапнярки по просьбе Петлюры. Лишь на третий день командованию полка удалось, наконец, установить, где находится пропавшая батарея. Попытки вернуть ее ни к чему не привели.

— Хозяин батареи — Красная гвардия. Нас попросили ее охранять. Вернуть можем только представителям Красной гвардии,— заявили офицерам штаба полка в судовом комитете «Алмаза».

Надеясь встретить поддержку в Объединенном комитете по охране города, командир полка обратился туда с жалобой на матросов «Алмаза». Члены комитета долго судили-рядили и пришли к заключению, что их власть не распространяется на военные корабли. На всякий случай комитет обратился в Совет военных депутатов. 8 декабря вопрос о батарее рассматривался на заседании Совета. Резолюция была краткой: «Постановлено: сообщить, что батарея действительно стояла под прикрытием «Алмаза». В 19 часов 25 минут 7 декабря была вывезена по распоряжению «комитета 10-ти».⁷

Когда поднялся шум вокруг «исчезнувшей» батареи, член комитета по охране города большевик Леонид Рузер порекомендовал алмазовцам перевезти батарею в более надежное место, что и было сделано. Батарея была погруже-

на на транспорт № 34. Так она и не попала в свой полк, осталась служить новым хозяевам — рабочим Одессы.

Опубликованное в газетах сообщение о слиянии Советов матросских и солдатских депутатов с Войсковой радой привело к ослаблению революционных сил Одессы. Возникли большие трудности в работе среди масс, более активно стали действовать националисты. По существу, Совет военных депутатов оказался под их преобладающим влиянием. Даже на военных кораблях почувствовался некоторый спад революционных настроений. Многие солдаты и матросы стали колебаться, мол, если Советы объединяются с Войсковой радой, то значит Центральная рада тоже за Советскую власть.

Большие надежды возлагали националисты на овладение Советом матросских депутатов, с помощью которого рассчитывали подчинить себе корабли. С этой же целью из Киева на Черноморский флот прибыло 50 агитаторов. Возглавлявший их мичман Нетудыходько заявил, что в скором времени Черноморский флот будет присягать раде. Для усиления своего влияния на «Памяти Меркурия» рада направила на крейсер кандидата в Учредительное собрание украинского эсера Величко.

Однако прибрать матросский Совет к своим рукам раде так и не удалось. Исполнительный комитет Совета дважды обсуждал вопрос об объединении. На заседании 13 декабря было принято окончательное решение о сохранении самостоятельного существования Совета. В ответ на это голова одесской Морской рады Федор Босый обратился с письмом в Киев, в котором писал: «Матросский Совет под давлением команды «Алмаза» чинит препятствия в объединении всех общественных сил». Выход из создавшегося положения он видел в одном: надо отозвать «Алмаз» из Одессы в Севастополь.

Однако в генеральной Морской раде понимали, что местопребывание крейсера от них не зависит. К тому же Со-

вет матросских депутатов был избран не только командой «Алмаза», но и моряками «Синопа», «Дуная» и других кораблей. Поэтому Босому по телеграфу сообщили: «Предложение неприемлемо, усиливайте влияние, высылаем литературу».

После объединения Совета солдатских депутатов с Одесской войсковой радой последняя перешла в здание Воронцовского дворца. Националисты ликовали. Член рады Хватыхатко внес в Совет военных депутатов предложение спустить со здания дворца красный флаг и вместо него поднять флаг Центральной рады. Это предложение не было принято, так как Одесский Совет рабочих депутатов выразил решительный протест. Но на здании главпочтамта и некоторых других зданиях желто-голубые флаги все же были подняты.

Меньшевики и эсеры с одобрением встретили идею слияния Советов с Радой. Одновременно они раздували ложные слухи, сочиняли различные небылицы с целью опорочить работу большевистской организации. Соглашатели кричали, что одесские большевики якобы отказались от своей принципиальной линии и перешли на платформу Центральной рады.

Однако враги торжествовали преждевременно. Большевики, входившие в состав Совета солдатских депутатов, — А. Холопов, И. Машков, М. Трюх, Д. Гурьев, Г. Скобло, и после объединения вели в Совете военных депутатов борьбу против националистов и соглашателей. Яркие речи Скобло по поводу ошибочности объединительной линии отвлекающей массы от практической революционной деятельности, имели большой успех. Если в некоторых учреждениях Одесского гарнизона и в солдатских комитетах наблюдались колебания, то рядовые члены партии, рабочие, солдатские и матросские массы в подавляющем большинстве не признавали объединения Советов.

Ошибочность объединительной линии стала особенно

очевидной после получения в Одессе ленинских документов — «Манифеста к украинскому народу с ультимативными требованиями к Украинской раде» и речи В. И. Ленина на Первом Всероссийском съезде военного флота.

Признавая без ограничений национальную независимость украинского народа и его право на самоопределение, Манифест Совнаркома РСФСР, написанный В. И. Лениным, одновременно разоблачал националистическую раду, которая, прикрываясь революционными фразами, проводила буржуазную политику, пошла на соглашение с кадетско-калединскими заговорщиками, открыто выступила против Советов и Советской власти на Украине. В связи с этим Совнарком РСФСР предъявил Центральной раде ряд ультимативных условий. Советское правительство требовало от Центральной рады прекратить дезорганизацию общего фронта против австро-германских империалистов, не пропускать контрреволюционные воинские части на Дон и в другие места, оказывать содействие революционным войскам в борьбе против Каледина, вернуть оружие разоруженным частям старой армии и отрядам Красной гвардии.

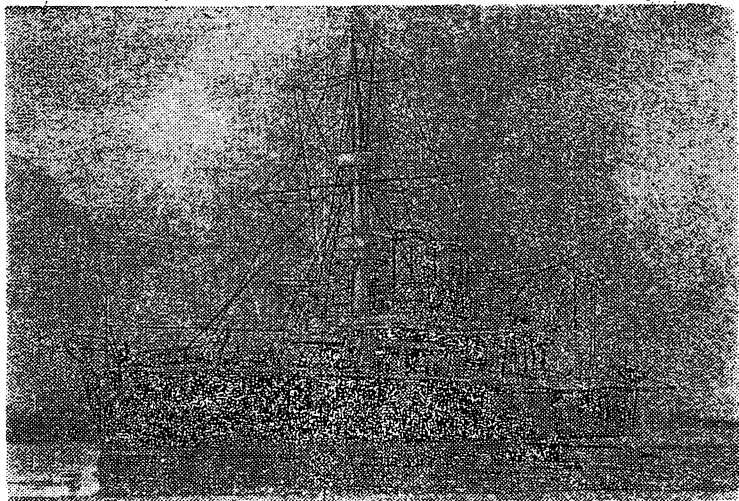
Манифест к украинскому народу обсуждался на военных кораблях Одесского рейда. Команды «Алмаза», «Синопа», «Ростислава» одобрили этот исторический документ, признали требования, предъявленные к Центральной раде, законными и обоснованными. А когда рада отклонила эти требования, военные моряки выступили против нее. Осудили контрреволюционные действия рады и моряки-украинцы. Объединенное собрание украинизированных экипажей миноносцев «Жаркого» и «Зоркого» приняло резолюцию, в которой писалось:

«Мы, украинские команды миноносцев «Жаркий» и «Зоркий», не признаем Центральную раду и генеральный секретариат, которые ведут политику буржуазии и соглашательства с контрреволюционными царскими генералами Калединым и другими, которые явно хотят задушить права и завоевания

революции и всего рабочего класса... Мы признаем и поддерживаем Советскую власть в лице народных комиссаров, которые выражают волю всего рабочего народа. И по первому призыву все до единого выступим на защиту Советской власти».⁸

Речь В. И. Ленина, произнесенная на Всероссийском съезде военного флота в Петрограде 22 ноября 1917 года, в которой вождь революции обратился к военным морякам с призывом самоотверженно защищать и укреплять республику Советов, была напечатана в газете «Голос пролетария» 2 декабря. На «Алмаз» газета попала с некоторым опозданием. Ее принес 9 декабря слесарь завода РОПИТ Николай Матяш.*

Матросы решили коллективно прочесть выступление

Эскадренный броненосец «Синоп».

* Матяш Николай Иванович, родился в 1890 году, член КПСС с 1917 года. В революционном движении участвовал с 1905 года. По поручению Одесского комитета РСДРП(б) неоднократно бывал на «Алмазе» и «Памяти Меркурия».

В. И. Ленина и вскоре о его содержании знали экипажи «Алмаза», «Синопа» и многих других кораблей. Высокая оценка роли военных моряков в революции, призыв вождя, обращенный к морякам, всколыхнули матросские массы, дали новый толчок их революционному энтузиазму.

Первая половина декабря ознаменовалась в Одессе массовыми собраниями и митингами, на которых рабочие, матросы и солдаты, одобряя Манифест Совнаркома РСФСР к украинскому народу, осуждали буржуазную политику националистической Центральной рады. Вместе с одесскими большевиками большую работу по разъяснению ленинских декретов о мире, земле, рабочем контроле, а также Манифеста к украинскому народу проводила группа агитаторов и пропагандистов во главе с В. Володарским, прибывшая в Одессу по направлению ЦК РСДРП(б) и Совнаркома.

Агитаторы из Петрограда главное внимание сосредоточили на разоблачении идеологии соглашательства и буржуазного национализма. В. Володарский, И. Гомберг, В. Зарин и другие члены агитгруппы ЦК и Совнаркома выступали на рабочих собраниях, в воинских частях и на судах Транспортной флотилии, вскрывая подлинное лицо соглашателей. Нередко на этих собраниях разворачивались жаркие дискуссии.

6 декабря после полуночи Володарский выступил с докладом на объединенном собрании матросов «Алмаза» и «Синопа».

— Социалистическая революция вплотную подошла к Одессе,— говорил он.— Но в самую Одессу ее стремятся не пустить контрреволюционные силы и, прежде всего, соглашатели. Однако им не удастся остановить революционный корабль на полпути. Капитану корабля Ленину известны все мели и рифы, ему не страшны штормы и бури...

Володарский рассказал участникам собрания о том, как Ленин в дни Октября руководил вооруженным восстанием рабочих, солдат и матросов Петрограда.

— Балтийские моряки,— продолжал Володарский, — были одной из главных ударных сил восстания. Такой революционной силой на юге должны стать моряки Черноморского флота.

Далее он сообщил, что Центральный Комитет большевистской партии дал директиву превратить Румчерод в орган борьбы за власть Советов на юге страны.

— Черноморские моряки до сих пор не признавали Румчерод,— сказал в заключение Володарский.— В Румчероде заправляют делами соглашатели, хотя массы их не поддерживают. Отсюда задача — изгнать соглашателей из Румчерода. Черноморцы должны поддержать Румчерод своей вооруженной силой.

Для установления связи с Румчеродом собрание выделило группу матросов — Павла Кондренко, Гавриила Фокеева, Артема Кривошеева, Спиридона Спиридонова и Якова Околотина.

По несколько раз на день выступал Володарский перед рабочими, матросами и солдатами. Его примеру следовали и другие большевики. В эти дни на Пересыпи часто можно было услышать горячие речи агитаторов районного комитета РСДРП(б) Армена Агаларова, Аршака Александрова и Николая Александровича. Среди железнодорожников активно работали Павел Мизикевич, Владимир Бессонов, Петро Косарев и другие большевики. В воинских частях гарнизона выступали члены бюро военной организации Одесского комитета Лев Жмудский и Аркадий Бурле. На заводах, фабриках и торговых судах с докладами выступали В. Юдовский, П. Старостин, А. Воронский, А. Зиффельд, С. Калинин, В. Орлов, М. Трюх. Повсюду шла усиленная подготовка к очередному съезду Советов Румынского фронта, Черноморского флота и Одесской области.

РУМЧЕРОД И МАТРОСЫ

Открытие съезда Румчерода. Доклад Володарского. Что происходит на Дону? Рассказ матроса Околотина. На чьей стороне крейсер «Память Меркурия». Визит на «Алмаз». Окончание работы съезда. Телеграмма в Петроград.

10 декабря, в 5 часов в помещении Городского театра начал работу II съезд Советов Румынского фронта, Черноморского флота и Одесской области. Открыл его председатель Румчерода меньшевик Ильинский. Делегаты спели «Марсельезу» и по предложению большевика Евгения Арнольдова почтили память погибших в Октябрьском вооруженном восстании.

Член организационной комиссии по созыву съезда большевик А. Христов сделал сообщение о его составе. Прибыло 1090 делегатов, из них 396 большевиков, 220 левых эсеров, 187 правых эсеров, 68 меньшевиков-оборонцев, 74 украинских эсера, 37 меньшевиков-интернационалистов, 32 делегата представляли другие мелкие партийные группы. 76 делегатов заявили о своей беспартийности. Таким образом, большевики и левые эсеры, состоявшие в блоке с ними, преобладали на съезде. Буржуазные и мелкобуржуазные националистические группировки, составлявшие меньшинство, сразу же стали оказывать сильное противодействие левому крылу съезда. Развернулась острая борьба.

Председателем съезда был избран Петр Старостин, ре-

волюционер-профессионал, член большевистской партии с 1905 года.

Старостина хорошо знали не только рабочие, но и солдаты, матросы Одесского гарнизона. Особенно памятен им был один эпизод.

В середине мая в Одессу приехал военный и морской министр Временного правительства Керенский. Эсеры и меньшевики по этому случаю устроили в цирке объединенное заседание Советов при участии представителей различных партийных группировок. Приветствуя Керенского, соглашатели всячески восхваляли политику Временного правительства. В своей ответной речи, изобиловавшей звонкими фразами и пустыми обещаниями, Керенский провозгласил лозунг: «Война до победного конца!»

Тогда слово взял Петр Старостин.

— Господин министр,— обратился он к Керенскому,— что вы сделали для прекращения затеянной царским правительством кровавой бойни? Что вы намерены сделать, чтобы миллионы рабочих и крестьян перестали голодать со своими семьями? Что вы сделали, чтобы миллионы рабочих и крестьян могли заняться мирным трудом. Вместо этого вы требуете крови миллионов трудящихся в интересах иностранных капиталистов.¹

Речь Старостина произвела тогда сильное впечатление на участников собрания, о ней говорили на заводах, в воинских частях и на кораблях Одесского гарнизона. Избрание именно Петра Старостина председателем съезда Румчереда было выражением его популярности среди солдатских и матросских масс.

Сразу же после оглашения приветствий съезду правый эсер Лордкипанидзе выступил с клеветой на Советское правительство и от имени русских и украинских меньшевиков и эсеров предложил послать приветствие Учредительному собранию, которое должно было открыться в Петрограде. Большевики выступили против посылки приветст-

вия. По требованию соглашателей вопрос был поставлен на поименное голосование, которое затянулось до поздней ночи. Против посылки приветствия голосовали 509 делегатов, за — 320. Это было первой победой большевистского направления на съезде.

11 декабря съезд Румчерода утвердил повестку дня. На обсуждение были поставлены такие важные вопросы, как вопрос о государственной власти, о мире, о земле и другие. Выступления делегатов с мест показали, что в результате первых шагов Советского правительства на сухопутном фронте и во флоте происходила быстрая большевизация солдатских и матросских масс.

12 декабря на съезде с докладом выступил представитель Совета Народных Комиссаров В. Володарский. Он изложил содержание ленинских декретов о мире и земле, рассказал, что предпринимается Советским правительством во главе с В. И. Лениным для осуществления этих декретов, остановился на национальной политике большевистской партии, на характеристике международного и внутреннего положения молодой республики рабочих и крестьян и подверг острой критике действия соглашателей.

— Есть только два лагеря, — говорил Володарский, обращаясь к делегатам, — это лагерь трудовых масс, стоящих у власти, и лагерь буржуев, которые эту власть хотят у них вырвать. И я ставлю перед вами вопрос — с трудовыми массами вы или с контрреволюцией?

Возгласы «Мы с народом!», «За власть Советов!» и продолжительные аплодисменты были красноречивым ответом на этот вопрос.

13 и 14 декабря съезд заслушивал доклады и сообщения с мест. Большинство ораторов высказывалось за признание Совета Народных Комиссаров высшей властью в стране, за установление Советской власти в Одессе и на Румынском фронте. Лишь изредка звучали голоса в защиту Центральной рады. Украинские националисты предпо-

лагали повести за собой всех делегатов-украинцев, но первые же дни работы съезда показали, что из 300 делегатов-украинцев 220 человек поддерживают большевиков.

Внимательно прислушивались участники съезда к выступлениям фронтовиков.

— Вокруг Украинской рады образуется пустота. Расширяясь, она в дальнейшем поставит раду в то же положение, в каком очутилось правительство Керенского к моменту Октяб́рьского восстания,— под одобрительные возгласы закончил свое выступление делегат от 49-го пехотного полка Николай Карпенко.

Делегат с фронта Федор Герцог говорил:

— Послушаешь ораторов-меньшевиков, так можно подумать, что фронт совсем равнодушно относится к власти. А у меня в наказе 3000 окопников записали: «Мы приветствуем петроградских и московских рабочих и солдат, приветствуем Балтийский флот — великих борцов за социализм». Меньшевики говорят здесь, что фронт боготворит Учредительное собрание. А окопники пишут: «Предоставляем право Народным Комиссарам распустить Учредительное собрание, если оно не будет выражать волю народа».

Выступления фронтовиков не в бровь, а в глаз били тех, кто пытался еще ратовать за Учредительное собрание и продолжение войны.

В конце пятого дня работы съезда выступил моряк Петр Самотуженко и заявил, что команды миноносцев «Жаркий» и «Зоркий» 13 декабря постановили не признавать Центральной рады и ее Генерального секретариата в связи с тем, что эти органы состоят из буржуазных элементов. Матросы, сказал в заключение Самотуженко, признают власть Народных Комиссаров и подчиняются их воле, ибо видят в них бескорыстных защитников трудящихся. Съезд бурно приветствовал выступление моряка.

До созыва II съезда Румчерода моряки-черноморцы не признавали Румчерод своим высшим контролирующим ор-

ганом и почти не сотрудничали с ним. В дни работы съезда началось активное сотрудничество моряков с Румчеродом.

Пленарное заседание 15 декабря открылось докладом матроса Артема Кривошеева.* Его появление на трибуне было встречено продолжительными аплодисментами.

— Я разведчик отрядов черноморцев, действующих против Каледина,— говорил Кривошеев.— Позвольте передать вам от них низкий поклон и братский привет.

С большим вниманием слушали делегаты речь матроса. Он рассказал о том, что Каледин разогнал на Дону Советы, запретил митинги и собрания, чинит расправу над рабочими и крестьянами, которые работали в Советах и революционных комитетах. Для этой цели Каледин организовал отряды офицеров, юнкеров и казацкой верхушки. Калединцам активно помогают владельцы шахт и заводов. Чтобы не дать уголь Советской власти, они пытались прекратить добычу, заявляя, что нет денег для выплаты заработной платы шахтерам.

Заключительные слова Кривошеева, обратившегося к делегатам съезда с призывом помочь в разгроме калединщины, были встречены бурными аплодисментами и возгласами: «Поможем!»

После доклада Кривошеева и выступлений нескольких делегатов съезд подавляющим числом голосов принял предложенную большевиками и левыми эсерами резолюцию, одобрявшую деятельность Совета Народных Комиссаров. Съезд заявил, что он поддерживает и будет проводить в жизнь декреты Советского правительства о мире, рабочем контроле, о земле.

* Кривошеев Артем Трифонович родился в 1886 году, плавал шкипером на кораблях «Прут» и «Донец». В революционном движении участвовал с 1904 года, находился на нелегальном положении, состоял в партии левых эсеров, в 1917 году порвал с ними и в 1918 году вступил в члены РКП(б).

В конце заседания Старостин сообщил участникам съезда, что получена радиотелеграмма об образовании в Харькове, где проходил I Всеукраинский съезд Советов, Советского правительства Украины. Эта вестъ была встречена бурной овацией. Делегаты встали и огласили зал торжествующим «ура».

Съезд немедленно принял постановление: «Заслушав телеграмму от вновь образованного Украинского Центрального Исполнительного Комитета Советов рабочих и солдатских депутатов, съезд представителей Румынского фронта и Советов области приветствует власть революционных Советов Украины, обещает им помощь и поддержку и выражает уверенность, что совместными усилиями украинского и великорусского революционных классов революция окончательно восторжествует».²

По поручению Старостина делегат Дионисий Смешко доставил текст приветствия на «Алмаз» для передачи по радио Украинскому Советскому правительству. Судовой комитет крейсера в свою очередь передал Смешко только что полученную из Севастополя радиogramму в адрес II-го съезда Румчерода. Она была оглашена на заседании 16 декабря. В радиogramме сообщалось, что части Черноморского флота, гарнизон и рабочие Севастополя признают единственной законной властью Народных Комиссаров, а контрреволюционная буржуазная рада пусть на Черноморский флот не надеется.³

18 декабря делегаты внимательно выслушали матроса Якова Околотина, только что возвратившегося с I Всеукраинского съезда Советов. Съезд, сообщил Околотин, в начале открылся в Киеве 4 декабря. Однако Центральная рада сорвала его работу. Под видом «делегатов» Петлюра вызвал в Киев свыше тысячи своих агентов. Отобрав насильственным путем у мандатной комиссии бланки мандатов, буржуазные националисты вручили их подставным лицам. Тем самым они пытались подменить состав делегатов и за-

ставить съезд признать Центральную раду законным правительством Украины.

Тогда большевики предложили настоящим делегатам покинуть подтасованный радой съезд и переехать в Харьков. 11 декабря в Харькове работа съезда была продолжена. 12 декабря он провозгласил Украину Советской республикой и избрал Всеукраинский Центральный Исполнительный Комитет.

Речь матроса Околотина прерывалась аплодисментами, его буквально засыпали вопросами.

После принятия резолюций, одобрявших политическую и практическую деятельность Советского правительства и призывавших к установлению Советской власти на юге страны, сторонники Центральной рады 18 декабря выразили «протест против поведения большинства съезда» и демонстративно покинули зал. Националисты заявили, что они созовут свой отдельный съезд и с этой целью явились на крейсер «Память Меркурия». Команда этого корабля, находившаяся под сильным влиянием украинских эсеров, приняла резолюцию, в которой содержалась злобная клевета на большевиков. Член судового комитета крейсера Волошенко 19 декабря зачитал эту резолюцию на съезде Румчерода. Однако делегаты проводили его свистом и возгласами «позор».

Выступление меркурьевцев в защиту украинских буржуазных националистов не могло не обеспокоить Одесский комитет РСДРП(б) и Совет матросских депутатов. В тот же день, после окончания вечернего заседания съезда, члены комитета собрались на заседание. От моряков присутствовали П. Кондренко, Я. Околотин, А. Кривошеев. Было решено в помощь большевикам флота выделить из городской организации группу коммунистов во главе с Григорием Ачкановым и Михаилом Томасом. Им поручалось уделить особое внимание крейсеру «Память Меркурия».

Эта мера была очень кстати. Украинские националисты

продолжали усиливать деятельность по созданию своих вооруженных сил на Черном море. Из Киева в Одессу приехал голова Морской генеральной рады Лотоцкий. В газетах появилось сообщение, что цель его приезда — «выяснение существующего правления и политических течений».

Находясь постоянно на крейсере «Память Меркурия», Лотоцкий рассылал своих агитаторов на корабли, пытался вызвать из Севастополя в Одессу командующего Черноморским флотом для переговоров по вопросу «самоопределения» флота. В сопровождении делегации матросов с крейсера «Память Меркурия» Лотоцкий появился и на «Алмазе». По его просьбе судовой комитет созвал митинг. Речь головы Морской рады изобиловала комплиментами в адрес команды «Алмаза». Лотоцкий пытался обрадовать матросов сообщением, что на крейсер будет переведен штаб одесской Морской рады, и призвал поднять «жовто-блакитный прапор». Когда же Лотоцкий перешел к критике большевиков, вкладывая клевету и ненависть в каждую фразу, собрание стало бурно негодовать. Произошел крупный разговор, закончившийся тем, что Лотоцкий и меркурьевцы едва унесли ноги.

Для разбора этого инцидента на «Алмаз» отправился председатель судового комитета крейсера «Память Меркурия» Петренко. У трапа его остановил часовой.

— На «Алмаз» не положено.

— Я же не женщина! — попробовал отделаться шуткой Петренко. — У нас даже женщин на корабль пропускают в «николин день».

— Не положено и все! Проституток мы к себе и на святого Николая не допускаем.

На кораблях знали, что председатель судкома «Памяти Меркурия» ненавидит Советскую власть и большевиков. Вокруг него группировалась кучка националистов, которая спаивала матросов и не гнушалась никакими другими сред-

ствами для того, чтобы команда крейсера была верна раде.

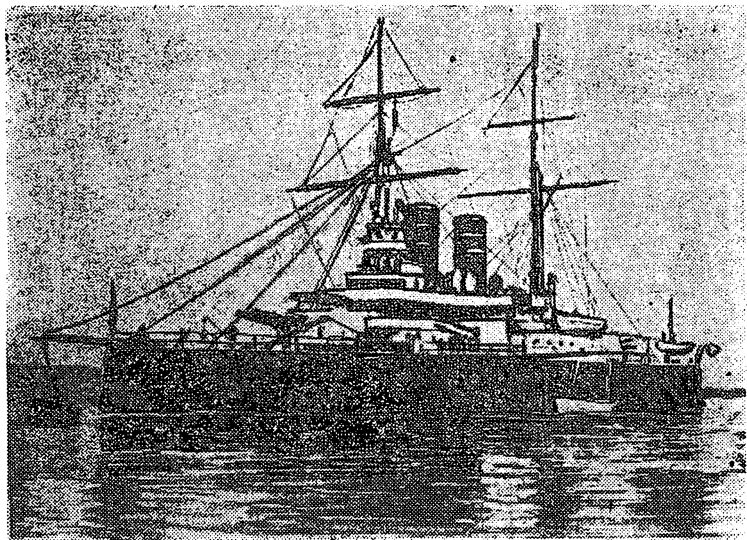
Центральная рада предполагала, что и другие корабли немедленно объявят о своем переходе на ее сторону. В Генеральном секретариате даже заготовили проект универсала о праздновании дня создания морского флота. Уверенность националистов в переходе кораблей на их сторону происходила от незнания подлинной обстановки во флоте. Они судили о моряках лишь по команде крейсера «Память Меркурия».

«Наши пушки в вашем распоряжении», — сообщал Центральной раде судовой комитет «Памяти Меркурия». Узнав об этом, моряки остальных кораблей возмутились. На крейсер прибыла делегация «Алмаза» и «Синопа» и потребовала от судового комитета увести корабль из Одессы. Делегация довела до сведения командира крейсера капитана 1-го ранга А. Гада, что это требование передано также по радиотелеграфу в Севастополь.

От командующего Черноморским флотом пришло телеграфное извещение, что крейсер отзывается из Одессы, а вместо него придет линейный корабль «Ростислав». Украинские националисты не на шутку всполошились. Нависла угроза, что они потеряют «весь свой Черноморский флот». В адрес командующего флотом и в Морскую раду в Киев полетела радиограмма: «Морская секция Одесской Украинской войсковой рады, узнав о замене «Меркурия» «Ростиславом», видит в этом противоукраинский замысел, протестует против такого решения и настаивает на оставлении «Меркурия» в Одессе до минования надобности».⁴

Морское начальство не пожелало ссориться с Центральной радой, и крейсер «Память Меркурия» остался в Одессе.

Пока шел обмен телеграммами, в Одессу прибыл линкор «Ростислав». Среди моряков поползли слухи, что и он включается в морские силы Центральной рады. Для выяснения обстановки на линкор отправился представитель Со-

Линейный корабль «Ростислав».

вета матросских депутатов П. Кондренко. Беседа с членами судового комитета и командой убедили его в том, что ростиславцы поддерживают Совет Народных Комиссаров. По возвращении на «Алмаз» Кондренко отправил в Севастополь телеграмму: «Исполнительный комитет Совета матросских и офицерских депутатов Одесского порта высказывается за оставление «Ростислава» в Одессе на зиму, так как он является защитником от контрреволюционных элементов. Команда «Ростислава» всецело разделяет это желание».⁵

«Ростислав» остался в Одессе.

Такова была обстановка на кораблях к тому времени, когда команда крейсера «Память Меркурия» приняла резолюцию в поддержку украинских буржуазных националистов на съезде Румчерода.

Группа большевиков, выделенная Одесским комитетом для работы среди моряков, вместе с судовыми комитетами и Советом матросских депутатов провела на кораблях собрания с повесткой дня: «Об отношении к резолюции команды крейсера «Память Меркурия». Экипажи броненосца «Синоп», крейсера «Алмаз», минного заградителя «Дунай», эскадренных миноносцев «Жаркий», «Звонкий» и других кораблей выразили меркурьевцам решительный протест. В резолюции экипажа крейсера «Алмаз» говорилось: «Собрание осуждает команду «Памяти Меркурия», которая плетется в хвосте контрреволюционных политиканов. Собрание выражает уверенность, что уход фракции «украинцев» облегчит работу съезда и он успешно решит все стоящие задачи». ⁶

Резолюция меркурьевцев обсуждалась и на линкоре «Ростислав». Здесь перед собранием побывали Андрей Вербицкий, Александр Сигал, Адам Даманский и Иван Резниченко — члены украинской националистической фракции. Часть команды была введена ими в заблуждение. Собрание длилось шесть часов, но никакого решения не удалось принять. Колебания команды «Ростислава» заставили большевиков усилить агитацию и среди ростиславцев.

Большое место в работе съезда Румчерода занял вопрос о внешней политике и мире. Противники заключения сепаратного мира — оборонцы и другие соглашатели, получили от делегатов сокрушительный отпор. Устами своего докладчика Розенблата они вынуждены были заявить, что «если народным комиссарам удастся заключить мир, то он и его товарищи ни на секунду не замедлят присоединиться к этому святому делу».

Заключительный пункт принятой съездом резолюции о мире и перемирии гласил, что если империалисты не согласятся положить в основу мирных переговоров принципы советской декларации, то революционная армия, очистив свои ряды от больных, стариков и усталых, сумеет дать

отпор всем посягательствам международных грабителей и разбойников на честь и достоинство революционной России.

В связи с принятием резолюции о мире и перемирии меньшевики и правые эсеры заявили, что они не находят возможным принимать дальнейшее участие в работе съезда.

19 декабря в Городской театр прибыла делегация линкора «Синоп». От имени экипажа корабля выступил матрос Федор Врончан. Его речь была самой короткой на съезде. Врончан сказал:

— Принимая во внимание создавшееся положение в Одессе, команда «Синопа» выбрала меня делегатом для поездки в Севастополь, дабы я сделал там доклад об обстановке в городе. Я решил явиться на съезд Румынского фронта и узнать, какое он принял направление, чтобы доложить Центрофлоту.

Едва Врончан умолк, раздались дружные голоса:

— Вся власть Советам!

Ведя заседание, Л. Рузер обратился к делегации «Синопа»:

— Вы видите, какой позиции держится Румынский фронт? Он поднимает знамя мира во имя братства и свободы народов, он не выпустит этого знамени из своих рук. Таков наш ответ морякам-черноморцам.

Это был, пожалуй, единственный случай, когда делегаты без прений проголосовали по очень важному, принципиальному вопросу.

21 декабря утреннее заседание съезда началось кратким выступлением Кривошеева. Он сообщил, что ему поручено довести до сведения делегатов резолюцию состоявшегося 20 декабря собрания представителей Красной гвардии, делегатов «Алмаза», эсминцев «Зоркого», «Жаркого» и других революционных частей гарнизона. Собрание осудило контрреволюционную деятельность буржуазной Центральной рады, одобрило создание на Украине правительства ра-

Гавриил Фокеев.

бочих и крестьян, выразило протест против попыток со стороны Центральной рады разоружить отряды Красной гвардии и революционные части гарнизона. Делегаты съезда Румчерода полностью согласились с резолюцией, зачитанной Кривошеевым.

На этом же заседании выступил делегат «Синопа» Гавриил Фокеев. Он сообщил, что когда в Севастополе у власти находились меньшевики и эсеры, они решили отозвать «Синоп» из Одессы, чтобы ослабить здесь революционные силы. Теперь в Севастополе побе-

дили Советы, но пока еще нет указания об оставлении линкора в Одессе.

— Мы просим съезд, — сказал Фокеев, — высказаться за то, чтобы нас не уводили из Одессы, пока на смену нам не придет из Севастополя другой борец за свободу. А мы будем защищать на своем революционном посту завоевания народа до последней возможности.

От имени съезда Петр Старостин приветствовал синопцев как истинных и честных борцов за пролетарскую революцию и заверил их, что Румчерод постарается принять все меры, чтобы корабль остался в Одессе и мог с честью выполнить свой революционный долг.

В завершение своей работы съезд избрал новый состав Центрального исполнительного комитета Румчерода, в который вошло 77 большевиков, 55 левых эсеров и 48 представителей других партийных группировок. Съезд определил, что ЦИК Румчерода является высшим органом для фронта и области.

22 декабря II съезд Румчерода закончил свою работу.

Все делегаты с пением «Интернационала», «Марсельезы» и «Варшавянки» стройной колонной направились к Воронцовскому дворцу, где помещался Совет рабочих депутатов, а оттуда к зданию Румчерода на Приморском бульваре. На организационном пленарном заседании председателем исполкома Румчерода был избран В. Г. Юдовский.

Победа большевиков на съезде означала, что трудящиеся массы юга Украины, моряки Черноморского флота и солдаты Румынского фронта сказали свое твердое слово за полный переход власти к Советам, за социалистическую Советскую республику. Меньшевики и эсеры, имевшие прежде большинство в Советах, оказались в изоляции.

Новоизбранный Центральный исполком Румчерода 23 декабря направил отчет председателю Совета Народных Комиссаров В. И. Ленину об итогах съезда. ЦИК Румчерода информировал, что военные власти во главе с командующим Румынским фронтом генералом Щербачевым, переметнувшись к Центральной раде, делали все, чтобы сорвать работу съезда. На фронте были разгромлены армейские комитеты, в одну из армий, признавшую власть Совета Народных Комиссаров, был прекращен подвоз продовольствия. Националисты из рады и Щербачев угрожали арестами и расправой над руководителями съезда — Володарским, Старостиным, Юдовским, Арнольдовым и другими. Однако это никого не запугало. Съезд признал Советскую власть, отверг какие бы то ни было коалиции с буржуазными элементами, дал большевистскую оценку Учредительному собранию, одобрил декреты о мире, рабочем контроле и земле, постановил всю власть на местах передать в руки Советов. Румчерод писал В. И. Ленину, что неизбежно предстоит жестокая борьба и просил Советское правительство о присылке денежных средств на издание газеты и другие массово-политические мероприятия.

Для передачи по радио этого отчета на «Алмаз» приехали Володарский и Рузер. Уже на корабле Володарский

сделал приписку: «К сему письму всецело присоединяюсь и вышеуказанное ходатайство поддерживаю».

Ответ В. И. Ленина не заставил себя долго ждать. Делегаты съезда еще не успели разъехаться по местам, как радист «Алмаза» Василий Шишкан принял из Петрограда радиogramму в адрес Румчерода: «Ваши сообщения получены. Согласны выдать деньги. Каким образом надлежит получить их — известите немедленно. Председатель Совета Народных Комиссаров Ленин».⁷

Начавшееся в первые дни съезда сотрудничество военных моряков с Румчеродом в дальнейшем продолжало укрепляться. Матросы Кривошеев и Фокеев были избраны в военную секцию Румчерода, а Кондренко назначен для связи с фронтовым отделом.

В Одессе стоял пулеметный полк «Кольта», прибывший в начале декабря из Петрограда. Солдаты-кольтовцы активно участвовали в Октябрьском вооруженном восстании. В Одессе они заявили, что признают только власть Советов. Командиром полка был избран солдат Михаил Хаустов. В воскресенье 17 декабря он встретился на «Алмазе» с председателем Совета матросских депутатов Поповым. Они договорились, что часть кольтовцев, известная своей преданностью Советской власти, будет направлена на суда Транспортной флотилии для пополнения команд. На следующий день матросский Совет обратился в Румчерод с просьбой послать 200 солдат кольтовского полка для несения службы на «Синопе». 22 декабря на первом же заседании новоизбранного ЦИК Румчерода эта просьба была удовлетворена.

23 декабря, наконец, наступил объявленный Центральной радой так называемый день «самоопределения» Черноморского флота. Голова Севастопольской украинской Морской рады Нестреляй еще рано утром прислал на «Алмаз» радиogramму: «Линейный корабль «Воля» поднял украинский национальный флаг и отдал себя в распоряжение

Центральной рады. Оповестите об этом всех и в первую очередь «Память Меркурия».⁸

Украинские националисты в Одессе торжествовали. «Память Меркурия» по этому случаю украсился флагами расцвечивания и вечером 24 декабря зажег праздничные огни. Окрыленные тем, что их полку прибыло, меркурьевцы выступили с угрозой в адрес большевиков. «Мы предупреждаем,— писали они,— что дальнейшие ваши выступления предоставят нам полную свободу действий»⁹.

Но все эти восторги и угрозы оказались преждевременными. Как стало известно, Севастопольская Морская рада слишком поторопилась, послав радиogramму о переходе линкора «Воля» на сторону Центральной рады. Только небольшая группа матросов «Воли» была настроена националистически. Команда не позволила им поднять «жовто-блакитный прапор». Одесские газеты, которые радостно сообщили о победе украинских националистов, вынуждены были известить читателей, что команда «Воли» по-прежнему остается верной Советской власти и на линкоре развевается красный флаг.

Так бесславно провалилась петлюровская затея с «самоопределением» флота.

Для более тесного сотрудничества с матросами Транспортной флотилии ЦИК Румчерода решил ввести в состав исполкома четырех моряков. 26 декабря Совет матросских депутатов рекомендовал членами ЦИК Румчерода П. Кондренко, А. Кривошеева, С. Спиридонова и Г. Фокеева.

Румчерод становился не только организационным, но и политическим центром подготовки вооруженного восстания против контрреволюционной Центральной рады.

БОРЬБА ЗА МАССЫ

Гайдамаки. «Геть, офіцери, в баню!» Алмазовцы в куренях. «Хлопець з заводу». Ахтырские гусары. Еще один провал меньшевиков. Ошибка подполковника Поплавко. Как Скобло посетил Центральную раду. Торговые моряки шлют телеграмму Ленину.

После съезда Румчерода главной вооруженной силой, враждебно настроенной к Октябрьской революции, в Одессе стали три пехотных гайдамацких полка и офицерские части. Главари украинских националистов использовали популярные в народе исторические традиции и терминологию и именовали свои войска гайдамаками.* Солдаты и офицеры отращивали на голове «оселедцы», командному составу присваивали казацкие звания — хорунжий, сотник, полковник, атаман; полки называли куренями.

В гайдамацких частях велась усиленная контрреволюционная пропаганда. Украинские меньшевики и эсеры распространяли злобные выдумки об Октябрьском восстании, сеяли недоверие к русским рабочим и крестьянам.

Одесский комитет РСДРП(б) в конце 1917 года стал уделять большое внимание разъяснительной работе в гайдамацких частях. При комитете была создана агитационная секция, в нее вошли Н. Матяш, А. Кривошеев, Г. Скоб-

* Гайдамаки—участники казацко-крестьянских восстаний на Правобережной Украине против польско-шляхетского гнета в XVIII веке.

ло и другие работники, знавшие украинский язык. Возглавил секцию Кривошеев. Большие организаторские и пропагандистские способности сочетались в нем с находчивостью и природным юмором. Его выступления с разъяснением задач социалистической революции неизменно пользовались успехом у слушателей. Вот пример. 22 декабря на митинг, на котором выступал Кривошеев, пришли солдаты двух гайдамацких полков. Вся площадь перед казармой была запружена. Не успел еще Кривошеев закончить речь, как прибежал полковник и стал кричать:

— Чому без мого дозволу говорити і слухають?!

Кривошеев ответил на это шуткой и продолжал выступление. Чувствуя, что оратор завладел вниманием гайдамаков, полковник громко скомандовал:

— Геть, хлопці, в баню!

Собрание со смехом ответило:

— Геть, офіцери, в баню!

«Голос пролетария» сообщал на следующий день: «Офицеры вступили в полемику с Кривошеевым и были разбиты в доску. Сил таких не было, чтобы опровергнуть всего».¹

Алмазовцы Алексей Гребенюк, Андрей Цыкин, Дмитрий Алтухов, члены судового комитета Иосиф Косов, Сергей Нечин, Иван Неверов и другие не раз бывали в гайдамацких частях. Андрей Цыкин в конце декабря выступил на митинге в казарме 3-го гайдамацкого куреня. После него слово взял националист. Он с издевкой говорил:

— Вот здесь представитель с «Алмаза» призывал нас поддерживать не Центральную раду, а Советы. Но товарищ матрос, очевидно, не знает украинского языка. По русски «совет», а по-украински «рада». Следовательно, разницы никакой нет, что «рада», что «совет» — одно и то же. Зачем же нападать на Украинскую раду?

Цыкин в свою очередь задал вопрос:

— Если все дело лишь в переводе, то почему же Цент-

ральная рада поддерживает генерала Каледина, а не Советскую власть?

Петлюровец выпалил:

— Это потому, что наши вожди никак не договорятся с вашими в центре.

— Но почему же они легко договорились с Калединым, а договориться с рабочими Петрограда не хотят?

Националист в замешательстве ретировался.

Агитация среди гайдамаков была сложным и опасным делом. Петлюровские офицеры, среди которых большую прослойку составляли бывшие царские офицеры, зорко следили за тем, чтобы никто из посторонних не посещал курени. Но большевистские агитаторы все чаще и чаще проникали туда. Особенно успешно вел работу среди националистических войск рабочий завода РОПИТ Николай Матяш. Собираясь отправиться к петлюровцам, он обычно надевал вышитую украинскую сорочку, сапоги, смушковую шапку. Сопровождаемый двумя матросами, подходил Матяш к гайдамацкому куреню.

— Хто ви такі? Чого вам треба? — встречали их офицеры.

— Хочемо трохи побалакати з хлопцями.

— Ви більшовики?

— Які ми більшовики! Бачите — матроси з «Памяти Меркурия», — отвечал Матяш.

В действительности матросы были с «Алмаза» или «Синопа», но по совету Кондренко они в таких случаях надевали на бескозырки ленточки «Памяти Меркурия». Это давало гарантию, что агитаторы беспрепятственно попадут в курень.

В курене идет собрание. В президиуме — офицеры.

— Прошу слова! — поднимает руку Матяш.

— Що ви за люди? Звідки прийшли?

— Та хіба ви неписьменні? Ось написано «Память Меркурия».

— То матроси, а хто ти? Може, більшовик?

— Ні! Я звичайна людина.

— Нехай балакає! Послухаємо, що він скаже,— раздається множество голосов.

И начинает Матяш исподволь говорить, зачем пришел, рассказывать, как живут рабочие, чего они хотят, приглашает солдат прийти к ним на завод.

— Треба разом добиватись кращого життя. Ви ж наші брати, без селян ми, робітники, не проживемо, та й ви без нас, мабуть, теж не обійдетесь. От і давайте проже-немо панів та підпанків, встановимо свою, робітничо-селянську владу.

— Бий його! Більшовик! — кричат офицеры.

— Нехай балакає! Хлопець діло каже! — берут ора-тора под заштиту рядовые гайдамаки. В курене починається таке, що трудно розібратися. Матросы охороняють агита-тора. Кто-то гасит свет. В общей толчее Матяш и матросы уходят. А на следующий день из гайдамацкого куреня, где побувал агитатор-большевик, приходили на «Алмаз» деле-гаты и заявляли:

— Ви бийтесь з радою, а ми не вийдемо з куренів.

Делегатам раз'ясняли, что если гайдамаки не будут сражаться против рабочих, то с радой можно быстро по-кончить. Возвращаясь в свой курень, они на прощанье про-сили еще прислать к ним «хлопця з заводу».

Осенью 1917 года из Петрограда в Одессу прибыл ре-волюционер-профессионал Григорий Филиппович Скобло с заданием вести раз'яснительную работу среди воинских частей. Служил он в Порт-Артуре, за «политическую не-

Николай Матяш.

благонадежность» был отправлен в железнодорожный батальон, стоявший на русско-китайской границе. В 1905 году за участие в вооруженном восстании Скобло приговорили к 12 годам каторжных работ, которые были заменены ссылкой. Незадолго до начала первой мировой войны по болезни он был освобожден, а в последний год войны мобилизован в железнодорожный батальон на Северной дороге. Участвовал в работе II Всероссийского съезда Советов.

В гайдамацкие казармы Скобло ходил сам.

— Чого треба? — вопросом встречал его дежурный по куреню.

— Хочу розповісти хлопцям, як був я в Центральній раді у Києві.

— Більшовик?

— Ні! Чого б це більшовик ходив у Центральну раду?

— Добре, ідіть.

Вокруг пришедшего быстро собирались солдаты. Началась беседа.

— Приїхав я, хлопці, до Києва і думаю: піду подивлюсь, яка така Центральна рада. Іду вулицями, питаю, де туточки міститься Центральна рада? Мені показали будинок. Зайшов я в одну кімнату, у другу, в третю... Мабуть, хлопці, двадцять кімнат обійшов. І всюди сидять пани, офіцери. Ніде немає нашого брата — фронтовика, робітника, селянина. Іду і гадаю: для чого нам така рада? Такий раді ми не раді. Нам давай таку раду, щоб в ній були робітники, селяни, фронтовики...

И повторялась почти такая же сцена, как и с Матяшом. Одни горячо поддерживали агитатора, другие — угрожали расправой. Но слова большевика не пропадали даром.

В окрестностях Одессы, в селе Усатово был расквартирован 12-й Ахтырский гусарский полк. Входил он в кавалерийскую дивизию, которой в войну командовал барон

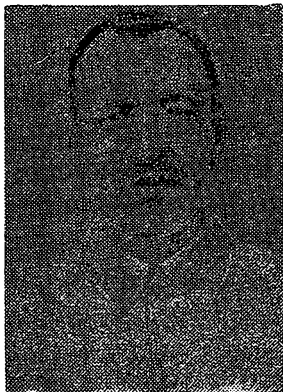
фон Маннергейм. * На фронте он не щадил ни солдат, ни лошадей, бросал полк в конные атаки на немецкие пехотные части и на проволочные заграждения.

— Людского навоза у меня хватит, а господ офицеров очень жаль,— эти слова, сказанные им о солдатах после одного кровопролитного сражения, стали известны всему Ахтырскому полку.

В двадцатых числах октября 1917 года сильно потрепанный полк прибыл в Одессу. Среди ахтырцев было много украинцев, поэтому Центральная рада намере-

валась включить полк в состав своих войск для борьбы с Советами. Однако большевики Одессы сразу же установили тесную связь с ахтырцами. У них побывали В. Юдовский, А. Трофимов, М. Чижиков, П. Кондренко, А. Кривошеев, М. Томас и другие работники большевистской организации.

Ахтырский гусарский полк — старейший полк русской армии, имел богатые боевые традиции. В 1757 году он участвовал в походе против войск Фридриха Великого, в 1770 году — штурмовал крепость Измаил, захватив 20 пушек и до четырех тысяч пленных. В бою под Бородино Ахтырский полк сражался «с отличною храбростью». В журнале военных действий главной квартиры фельдмаршала М. И. Кутузова за 1812 год неоднократно отмечались подвиги партизанского отряда ахтырских гусар, которым командовал русский поэт и военный писатель, герой Оте-

Григорий Скобло.

* Впоследствии реакционный государственный и военный деятель Финляндии, организатор антисоветских авантюр.

чественной войны подполковник Денис Васильевич Давыдов.

Об этих боевых традициях напомнил ахтырцам В. Г. Юдовский во время встречи с ними 24 октября. Юдовский узнал, что только небольшая часть гусар поддерживает командира полка полковника Гирича. «Мы первыми пойдем на баррикады против гайдамаков», — заверили ахтырцы Одесский комитет большевиков.

— Когда нам объяснили, чего добиваются большевики, мы вспомнили слова барона Маннергейма и решили пойти за большевиками, — рассказывал ахтырский гусар Степан Долгий большевистским агитаторам.

Вскоре после выступления Юдовского в полк приехал лидер одесских меньшевиков профессор Сухов. На митинге Сухов, хорошо усвоивший ораторские приемы, говорил ахтырцам о революции и социализме, но сквозь шелуху громких фраз довольно явственно проглядывала физиономия самодовольного буржуа. Это впечатление усиливалось внешним видом оратора — сытого, холеного, одетого в добротное пальто.

— Мы еще не научились как следует делать буржуазную революцию, — твердил Сухов, — а большевики зовут нас к пролетарской революции. В стране отсталой и экономически обессиленной ввести социализм невозможно. Все надо делать постепенно, последовательно. Все придет в свое время.

Кто-то из гусар бросил реплику:

— Если бы у меня была хорошая шуба и вкусный обед, я бы, пожалуй, тоже подождал.

Реплика была встречена одобрением. Но оратор не оказался новичком в таких делах, он продолжал критиковать большевиков за то, что они выступают против продолжения войны, которая якобы должна «спасти страну от разрухи и хаоса».

— Вот вы, товарищ, сказали здесь о шубе и вкусном

обеде,— обратился Сухов к солдату, бросившему реплику.— Победоносно закончим войну — будет и шуба, и обед. А ведь многие вместо того, чтобы добиваться победы, бросили окопы...

— А вы их займите!

Трудно было представить солидного оратора в солдатском окопе. Послышались смех и свист. Сухова больше никто не захотел слушать.

Агитация среди ахтырских гусар затруднялась тем, что эскадроны размещались в нескольких селах, гусары жили на постое по 1—2 человека в хате. Группа матросов-алмазовцев, во главе которой был кочегар Борис Зеленченко, приложила немало усилий, чтобы собрать на митинг 1-й эскадрон ахтырцев. В конце своего выступления Зеленченко задал несколько вопросов, а гусары на них ответили хорошо.

— Вы за продолжение войны или за мир? — спрашивал матрос с «Алмаза».

— За мир! — отвечали гусары.

— За власть Советов или против?

— За Советы!

Как сообщала газета «Голос пролетария», предложенная алмазовцами резолюция о переходе власти к Советам, о приветствии петроградским рабочим, свергнувшим Керенского, была принята единогласно.

Перед Новым годом В. Юдовский и М. Томас еще раз побывали в полку. Одесский комитет обсудил их информацию. Было решено: раз солдаты за Советскую власть, а командир со штабом против, то необходимо изолировать командование полка. Выполнение этого решения поручалось члену судового комитета крейсера «Алмаз» Андрею Цыкину.

Андрей Цыкин установил связь с революционно настроенными ахтырцами, и в один из январских дней 1918 года гусары вместе с группой матросов арестовали коман-

Андрей Цыкин.

дем бороться против контрреволюционной Центральной рады»².

...Подполковник Поплавко, развивший в Одессе бурную деятельность по формированию националистических воинских частей, утром 11 декабря получил сообщение, что 7-й самокатный батальон признал власть Центральной рады и отдает себя в полное распоряжение местного командования. Под донесением стояла дата: 10 декабря 1917 года.

На радостях подполковник хотел было немедленно отправиться в расположение батальона, однако неотложные дела задержали его. Все же под вечер он вызвал автомобиль и поехал к самокатчикам.

Встреча, оказанная представителю Центральной рады, не очень обрадовала Поплавко. Офицеров никого не было. Пока разыскивали председателя солдатского комитета, подполковник ожидал в казарме, где большая группа солдат, не обращая внимания на посетителя, разучивала песню. Песня явно была не по душе представителю рады. Торжественно неслись слова:

Огласился весь мир песней дивной,
Песней равенства, братства, труда.

Будем армией мира мы сильной,
Нам не надо войны никогда.

Мы мечи перельем все на плуги,
Будем землю родную пахать.
И не царские мы больше слуги,
Стыдно грабить нам и убивать.

Молот в руки возьмем мы железный,
Будем царство свободы ковать.
Труд наш будет народу полезный,
Стыдно грабить нам и убивать!

Наконец, явился председатель комитета солдат Петр Немцов. Его слова совсем огорошили Поплавко.

— Наш батальон не признает Центральной рады,— заявил Немцов.— Мы отказываемся выполнять приказ об увольнении из части солдат—не украинцев. Все мы—большевики. Об этом я сообщил еще 6 декабря на заседании исполнительного комитета Совета военных депутатов.

Что же произошло? Ведь в утреннем донесении ясно говорилось, что самокатный батальон признал власть Центральной рады!

Оказалось, что 9 декабря у самокатчиков проходило собрание. После доклада Артема Кривошеева 250 солдат заявили, что они считают себя большевиками. В противовес им офицеры и военные чиновники батальона огласили свое письменное заявление о признании власти Центральной рады. Резолюцию солдат Кривошеев отвез на «Алмаз», а офицер Кныш офицерскую резолюцию доставил подполковнику Поплавко.

Комиссар Центральной рады покидал самокатчиков в неважном настроении. Его и здесь опередили большевистские агитаторы.

Силы революции в Одессе росли и крепились. Рабочие заводов и фабрик, железнодорожники были объединены в отряды и вооружены. Организованно выступали против

Центральной рады и ее органов моряки торгового флота. Еще 15 ноября, когда стало известно, что эсэро-меньшевистский Румчерод вступил в соглашение с Центральной радой, около 6 тысяч моряков Одесского отделения Всероссийского союза моряков и речников заявили, что они поддерживают восстание петроградских рабочих. 1 декабря моряки решительно предупредили, что если командование гайдамацких войск не прекратит провокационного выступления против Красной гвардии, то они не доставят в Одессу ни пуда грузов.

В декабре торговые моряки под всякими предложениями отказывались перевозить вооружение для гайдамацких частей и грузы для Одесской рады. В канун Нового года на радиостанцию «Алмаза» явился представитель Союза моряков Николай Кремлянский и попросил срочно передать председателю Совета Народных Комиссаров В. И. Ленину постановление Чрезвычайного делегатского собрания Союза торговых моряков. Ознакомившись с содержанием радиogramмы, секретарь судового комитета Андрей Цыкин разрешил радисту Василию Шишкану передать ее в Петроград. Моряки торговых судов Одесского порта сообщали Советскому правительству: «Принимая во внимание, что вопрос об уплате жалования денежными знаками связан с вопросом о власти, Чрезвычайное делегатское собрание Союза торговых моряков постановило: власть Украинской Центральной рады не признавать и от получения выпущенных ею денежных знаков отказаться»³.

Кремлянский сообщил Цыкину, что делегатское собрание моряков постановило объявить об этом всем политическим, демократическим и рабочим организациям, предлагая им присоединиться к такому решению.

МАТРОСЫ ЗАМЕНЯЮТ ОФИЦЕРОВ

Комиссар флотилии. На офицерских постах. Визит генерала Папа-Федорова на «Алмаз». Рождение Ревтрибунала. Козни националистов. Представители рады в трибунале.

21 декабря состоялось общее собрание моряков всех кораблей Одесского порта, которое избрало командующим Транспортной флотилии матроса-большевика Александра Попова. На этом же собрании комиссаром флотилии был избран Павел Кондренко.¹

Во флоте Павел Иванович Кондренко служил с 1913 года. Был он высокого роста, широкоплеч. Ходил быстро, твердой решительной походкой. Говорить много не любил, но говорил уверенно, страстно. Если был сильно взволнован, то немного заикался.

Об отваге и бесстрашии Кондренко знали на многих кораблях Черноморского флота. Рассказывали, что в 1914 году, при постановке минных заграждений у Босфора, на которых впоследствии подрвался германский линейный крейсер «Гебен», внезапно обнаружилось, что заградитель «Дунай» сам оказался вблизи плавучей мины. Все находившиеся на палубе оцепенели от неожиданности. Казалось, угрозу взрыва уже нельзя предотвратить. И в это время один за другим раздались два всплеска. Между кораблем и миной появились два матроса: Павел Кондренко и его близкий друг Григорий Дереза. Позже, когда опасность миновала, Дереза говорил товарищам:

— Стоял я рядом с Павлушей. Смотрю — он уже за бортом... Когда я оказался рядом с ним, он объяснил, что надо делать. Он же дока в минном деле.

Знали матросы и о том, что еще в августе на многотысячном митинге на Таможенной площади в Одессе Кондренко первым вышел и потребовал ухода реакционного адмирала Хоменко с поста командующего Транспортной флотилией. А когда морской комиссар Временного правительства Шрейдер тут же заявил, что правительство не может признать законным требование матросов, Кондренко бросил реплику, встреченную всеобщим одобрением:

— Тогда правительству придется уйти в отставку!

С минного заградителя «Дунай» Кондренко был переведен на «Алмаз», где его избрали председателем судового комитета. 20 октября 1917 года он был утвержден членом секции общественной безопасности Совета. 24 ноября Кондренко избирается членом исполкома Одесского Совета матросских и офицерских депутатов, а 15 декабря он уже стал председателем этого Совета.² И вот теперь его избрали комиссаром Транспортной флотилии.

Днем на «Алмазе» — в штабе флотилии и Совете матросских депутатов, вечером — на матросских и рабочих собраниях, до поздней ночи — в Румчероде и других организациях, везде поспевал, убеждал, приказывал, решал, спорил Кондренко. Так работали и другие его товарищи. Революция требовала огромной энергии и силы, она не признавала слабых и усталых.

Избрание на руководящие посты Транспортной флотилии рядовых матросов послужило сигналом для проведения выборов и на кораблях. Командиром «Алмаза» команда вновь избрала капитана 2-го ранга Б. Г. Андросова. Командиром «Синопа» вместо Зарудного был избран старший лейтенант Е. С. Рыбалтовский. Совет матросских депутатов уволил с Транспортной флотилии около 40 реакционных офицеров. Вместо них были назначены матросы.

Павел Иванович Кондренко.

— Народ знающий, надежный, не подведет,— отзывался Кондренко о назначенных.

И в самом деле, на «Алмазе», «Синопе» и на транспортных матросы, назначенные на офицерские должности, действовали энергично, с душой, полностью оправдывая оказанное им доверие. Когда кто-либо из начальствующего состава пытался опротестовать решение Совета, Кондренко говорил:

— Совет — высшая власть на местах, его решение можно обжаловать лишь в Совете Народных Комиссаров.

Желающих жаловаться в Петроград не находилось.

В 10 часов 30 минут утра 22 декабря на «Алмаз» прибыл генерал Папа-Федоров — командир военного порта Одессы. Найдя Кондренко, генерал стал метать громы и молнии по поводу «незаконных» действий Совета, назначившего на офицерские должности рядовых матросов. Визит Папа-Федорова был вызван главным образом тем, что накануне Совет назначил матроса Якова Оглоблина председателем, а матросов Антона Войцеховского и Петра Литовчина — членами комиссии по проверке расчетов за ремонт судов Транспортной флотилии. Папа-Федоров требовал, чтобы Совет не вмешивался в хозяйственные дела флотилии. Генерал явно опасался, что могут быть раскрыты неблагоприятные сделки с подрядчиками.

Долго Кондренко разъяснял генералу, что действиям и решениям Совета должны подчиняться все, в том числе и генералы, но Папа-Федоров стоял на своем. Покидая «Алмаз», он грозился, что еще «покажет», «проучит» и т. д., но власть была уже не у генерала, а у Совета.

Никаких насилий над увольняемыми офицерами матросы не чинили. Им объявляли, что они освобождаются от занимаемых должностей и в течение двух суток обязаны сдать дела назначенным вместо них матросам. Офицерам даже оказывалось содействие в выезде по месту жительства.

В Транспортной флотилии были офицеры, которые открыто заявляли, что ненавидят Советскую власть и не допустят, чтобы большевики распоряжались военными кораблями. Реакционное офицерство возглавляли генерал Папа-Федоров и начальник штаба флотилии капитан 1-го ранга Волькенау. В последних числах декабря Совет матросских депутатов распорядился арестовать этих и некоторых других высших офицеров. После двухдневного содержания на «Алмазе» арестованных выпустили, отобрав подписку о невыезде. Их должен был судить Революционный трибунал.

Интересна история этого трибунала. Патрулировавший в городе матросский отряд 2 декабря привел на «Алмаз» двух бывших царских офицеров, которые стреляли с крыши дома в отряд Красной гвардии на Старорезничной улице. Некоторые матросы требовали покончить с контрреволюционными офицерами на месте, но по настоянию старшего в отряде привели их в Совет матросских депутатов на «Алмаз».

— Чего с ними нянчиться? По рабочим гады палили! Народ требует пустить контрреволюцию в расход,— горячился Тимофей Верзунов. Его поддерживали и другие матросы.

— Вы знаете,— убеждал их Кондренко,— что не у большевиков искать защиты контрреволюционерам. Но пусть их виновность будет доказана судом. Пусть все убедятся в том, что эти офицеры шли с оружием против рабочих.

Кондренко удалось убедить матросов. Но кто же будет судить офицеров? И вот тут-то пришла мысль создать матросский революционный трибунал. Находившийся на «Алмазе» матрос-балтиец Яков Околотин рассказал о созданном на Балтике Революционном трибунале. Решили последовать примеру балтийцев. Совет матросских депутатов утвердил Революционный трибунал в составе пяти человек: Ивана Переверзева, Михаила Белого, Павла Кондрен-

ко, Семена Попова и Тараса Харченко. В тот же день Переверзев и Кондренко с отрядом матросов заняли помещение военно-морского суда в доме № 2 по Дерибасовской улице и трибунал приступил к работе.

Буржуазная рада ничего не могла поделаться с Революционным трибуналом. Он сразу приобрел известность. В нем разбирались дела контрреволюционных офицеров, представителей буржуазии, уличенных во враждебных народу действиях, владельцев заводов, которые обвинялись в издевательстве над рабочими. Сюда же попадали дела о растратчиках, спекулянтах и даже о разводе и признании прав на ребенка.

Судьи трибунала выносили приговоры, руководствуясь не только велениями революционной совести, но и интересами революции. Виновные приговаривались или к общественному порицанию или к тюремному заключению на разные сроки. Приговоры подлежали пересмотру после установления в Одессе Советской власти, поэтому даже по тяжчайшим преступлениям не выносилась высшая мера наказания. Судебное разбирательство было гласным, обвиняемому обеспечивалось право на защиту. Председатель трибунала обращался к сидевшим в зале с просьбой выступить обвинителями или защитниками. В печати сообщалось, что все средства, взыскиваемые трибуналом как штрафы, направляются на открытие школы-интерната имени Афанасия Матюшенко.

В морском трибунале рассматривалось дело бывшего механика «Синопа» капитана 1-го ранга Пономарева. Это был яркий монархист, сотрудничавший в черносотенной газете «Русская речь». Даже после Февральской революции он занимался рукоприкладством, терроризировал всю машинную команду броненосца. Когда победила Октябрьская революция, Пономарев сбежал с корабля, но в декабре матросы арестовали его на одной из улиц Одессы. Осужденный трибуналом к заключению в плавучей тюрьме, он пы-

тался бежать, на окрики караульных не остановился и был убит посланной вдогонку пулей.

Жильцы дома № 1 по Воронцовскому переулку сообщили в трибунал, что приказчик Коломиец избивает свою жену и ребенка, отказывается давать деньги на их содержание. На вызовы в трибунал Коломиец не являлся. Доставленный под конвсем, он на судебном разбирательстве дал обещание, что будет хорошо относиться к своей семье. Ему трибунал объявил публичное порицание.

Присвоив крупную сумму денег, из Петрограда в Одессу сбежал после Октябрьской революции чиновник министерства народного просвещения Терехов. Во время пирушек в ресторанах Терехов бахвалился своим поступком. Задержанный морским патрулем и доставленный в трибунал, он вел себя вызывающе. На протяжении двух дней велось разбирательство. Терехов с помощью адвокатов пытался доказать, что трибунал не правомочен его судить.

— Вы меня судите по принципу партийности и классовости. Времена могут измениться и тогда по этому принципу я буду судить вас,— угрожающе говорил Терехов в заключительном слове. Трибунал предложил Терехову в трехдневный срок внести в кассу трибунала похищенные им деньги для пересылки их в Петроград, а в случае неисполнения этого решения подвергнуть его тюремному заключению.

Многие дела (об убийстве купца Белика, о вымогательстве, о растрате лейтенантом Транспортной флотилии Куприяновым 155 рублей судовых денег и др.) морской трибунал направлял судебным следователям.

Когда Революционный трибунал приобрел популярность, его попытался прибрать к рукам Объединенный комитет по охране города*, возникший после декабрьских

* В комитет входило 5 представителей Совета рабочих депутатов, преимущественно большевиков, и 5 представителей Одесской рады. Комитет находился под сильным влиянием националистов.

событий. По указанию комитета Совет рабочих депутатов направил в трибунал 9 юристов с высшим образованием. Все они, за исключением одного, были меньшевиками. Через несколько дней юристы-меньшевики С. Витензон и А. Гросман подали в трибунал заявление о том, что они не могут работать вместе с матросами-большевиками, не знающими законов. В трибунале из 9 юристов остался только один — помощник присяжного поверенного А. Хмельницкий, он же председатель Одесского комитета РСДРП(б).

Предпринятая попытка превратить трибунал в обычный судебный орган провалилась. Трибунал продолжал действовать. Тогда комитет по охране города решил вовсе упразднить его по причине якобы «наступившего успокоения в городе». Чтобы сгладить нежелательное впечатление от такого решения, комитет, как сообщалось в газетах, счел своим долгом засвидетельствовать полезную работу членов Революционного трибунала.

Но Революционный трибунал не прекратил свое существование. Он меньше стал рассматривать частно-бытовых дел, а сосредоточился на борьбе с черносотенной контрреволюцией и на рассмотрении дел, связанных с морем. Ввиду большого количества дел, скопившихся в трибунале, 30 декабря на объединенном собрании команд «Алмаза», «Синопа» и «Ростислава» его состав был расширен до 14 человек.

Буржуазные газеты вели агитацию против Революционного трибунала, пытались оспаривать его право на судопроизводство. «Все нарушения частных и государственных интересов,— писал «Одесский листок»,— за которые карает Революционный трибунал, входят в сферу компетенции существующих судебных учреждений. Если же чрезвычайные обстоятельства требуют новых форм судопроизводства и новых юридических норм, то они должны устанавливаться законной судебной властью, а отнюдь не самочинно».

Моряки не обращали внимания на выступления буржу-

азной печати. Только однажды, после появления в меньшевистском «Южном рабочем» клеветнической корреспонденции о трибунале, последний предупредил редакторов-меньшевиков, что за клевету они могут очутиться на скамье подсудимых*.

В трибунал несколько раз приходили представители Центральной рады Поплавко, Вербицкий и Луценко, но судебные дела рассматривались непрерывно и им никак не удавалось встретиться с членами трибунала. Наконец, Поплавко все же встретился с Переверзевым. Беседа началась вполне корректно и мирно.

— Мы вас приглашали зайти для переговоров, но вы допустили невежливость к властям,— говорил Поплавко.— Мы же с вами живем рядом.

— Работы много. С утра до ночи идет судебное заседание,— отвечал Переверзев.— Что же вас интересует, чем можем быть вам полезны?

— Видите ли, деятельность матросского трибунала незаконна. Получается парадокс: вы представляете команду «Алмаза», а вторгаетесь в жизнь города.

— Ошибаетесь, гражданин подполковник. Революционный трибунал избран не только командой «Алмаза», но и матросами других судов. В трибунале есть представитель от рабочих.

— Но от какой власти вы действуете? Какими законоположениями руководствуется трибунал? На какие статьи вы ссылаетесь? — сыпал вопросы Поплавко.

— Революционный трибунал защищает завоевания Советской власти от посягательств контрреволюционных элементов. Наш закон называется революционной совестью, она и подсказывает, какую меру надо применить.

— Однако в Одессе Советской власти нет. Здесь власть

* Революционный трибунал действительно организовал судебный процесс над редакторами «Южного рабочего» в феврале 1918 года за клевету на Советскую власть.

другая. Вам же известно, что Одесса входит в УНР *, где властью является генеральный секретариат Центральной рады?

— А разве вам, гражданин офицер, не известно, что матросы военных кораблей и всей Транспортной флотилии не признают никакой другой власти, кроме Совета Народных Комиссаров? А что касается Одессы, то здесь тоже скоро будет Советская власть.

Заявление Переверзева вывело комиссара рады из равновесия. Поплавко стал угрожать, что он силой заставит трибунал прекратить свою деятельность, завтра же выставит у здания караул. На это Переверзев ответил, что гайдамацкому караулу матросы пропишут «боцманские капли», а комиссару рады посоветовал быть более осторожным, неровен час сам попадет в трибунал, а за подходящей статьей закона дело не станет!

Свою угрозу Поплавко в действие не привел. Через несколько дней председатель Одесской рады Луценко приехал на «Алмаз» с предложением включить в состав трибунала представителей Морской и Войсковой рад, но замысел националистов провалился. Им не удалось справиться с Революционным трибуналом ни силой, ни хитростью. **

* Так буржуазные украинские националисты называли Украину.

** Созданный матросами Революционный трибунал работал и после установления Советской власти, вплоть до прихода немецких оккупантов.

БУРЖУАЗИЯ МАНЕВРИРУЕТ

Объявление Одессы «вольным городом». Ошибка местных большевиков. Слово моряков о «вольном городе». Меньшевики подбираются к Красной гвардии.

Игнорируя справедливые требования Совета Народных Комиссаров РСФСР, предъявленные в манифесте к украинскому народу, Центральная рада установила на Украине жестокий террор. Ее войска разоружали красногвардейские отряды и революционные воинские части, разгоняли Советы, арестовывали и расстреливали большевиков. Рада запретила вывозить хлеб в северные губернии страны, где победила Советская власть, задерживала войска, посланные Советским правительством для разгрома калединской контрреволюции на Дону. Украинские буржуазные националисты пытались посеять рознь и недоверие между русским и украинским народами, отвлечь трудящихся Украины от борьбы за власть Советов.

Партия большевиков возглавила героическую борьбу украинских рабочих и крестьян против буржуазно-националистической Центральной рады. В Одессе и других городах юга Украины эта борьба протекала в очень сложных и тяжелых условиях. Здесь по указке иностранных империалистов произошло объединение националистической и белогвардейской контрреволюции. Совместными усилиями буржуазные националисты и белогвардейцы пытались раз-

громить большевистскую организацию и не допустить установления в Одессе власти Советов. Сломить сопротивление объединенной контрреволюции можно было лишь силой оружия. И Одесская партийная организация готовилась к вооруженной борьбе.

В самый разгар подготовки к вооруженному восстанию против националистических и белогвардейских войск неожиданно возникла новая трудность. Часть сил и внимания Одесской большевистской организации в этот ответственный момент была отвлечена на обсуждение вопроса о «вольном городе».

Как возникла мысль об объявлении Одессы «вольным городом»? Кто и в чьих интересах выдвинул эту идею?

16 декабря на объединенном заседании президиумов Советов рабочих, военных и крестьянских депутатов, на котором обсуждался вопрос о власти в Одессе, выступил прибывший из Киева представитель Центральной рады Голубович. Он намекнул: не спорьте о власти, объедините все общественные силы, подумайте о самоопределении Одессы, создайте в городе власть, опирающуюся и на Советы и на раду. Голубович подчеркнул, что Центральная рада, мол, тоже включает в себя Советы *.

Петр Старостин дал отпор Голубовичу.

— Если бы это было правдой, — говорил он, — то рада участвовала бы в работе II Всероссийского съезда Советов, не разоружала бы советские войска и красногвардейские отряды, не помогала бы царскому генералу Каледину дуть на Советы.

Не вступая в дискуссию о самоопределении, Старостин отметил, что раз предложение о самоопределении Одессы исходит не от Советского правительства, а от Центральной рады, то оно и выгодно ей.

* В действительности Центральная рада была образована в апреле 1917 года на конгрессе украинских буржуазных и мелкобуржуазных националистических партий.

Меньшевики, эсеры и националисты ухватились за высказанную Голубовичем идею. В газетах стали появляться заметки о «вольном городе», обсуждаться его «конституция», историки и экономисты начали разрабатывать условия самоопределения.

21 декабря объединенное заседание президиумов Советов утвердило резолюцию: «Принимая во внимание высказанное Центральной радой мнение, что Одесса может самоопределиться вольным городом, а также то, что это вполне совпадает с мнением Одесских Советов, они находят полезным по условиям момента объявить Одессу вольным городом Украинской народной республики. Для создания автономной власти в городе и определения взаимоотношений ее с Центральной радой отправить специальную делегацию в Киев»¹.

22 декабря был утвержден состав делегации для поездки в Киев во главе с большевиком И. Орловым и назначена коллегия по управлению городом. Газеты опубликовали состав комиссии по выработке «конституции» Одессы. Членами этой комиссии значились кадет Брайкевич, сенатор Блюменфельд, представители соглашательских партий.

Среди большевиков мнения разошлись: П. Старостин, В. Юдовский были решительно против участия в буржуазной затее, другие, во главе с председателем общегородского комитета А. Хмельницким, высказывались за «вольный город», вместе с соглашателями участвовали в обсуждении подброшенной националистами «идеи», втягивали в это обсуждение рабочих, солдат, матросов.

На заседании президиумов Советов 23 декабря было утверждено специальное «Положение об Одессе — вольном городе». Создавался секретариат, который был правомочен решать все вопросы, в том числе военные и дипломатические, выпускать займы, облагать население налогами. Доходы поступали в распоряжение секретариата и Центральной рады. Высшие учебные заведения содержались Цент-

ральной радой. Рада же должна была финансировать заводы, имеющие общегосударственное значение.

Положение о «вольном городе» зачитывал и обосновывал И. Орлов. Он утверждал, что самоопределение Одессы даст возможность быстрее устранить продовольственные трудности, уменьшить вмешательство Центральной рады в жизнь города. «Хотя мы и поступаемся некоторыми принципами Советской власти, но и в вольном городе другой власти, кроме Советов, не будет», — утверждал Орлов.

Петр Старостин возражал Орлову. Он считал, что при осуществлении предложенного проекта от Советской власти, в сущности, ничего не останется.

Против идеи «вольного города» выступил также большевик Фридрих Земит из латышской группы. Он заметил, что Совет занимается не тем, чем он должен заниматься в сложившейся обстановке.

— Жизнь идет мимо Совета, — говорил Земит, — массы теперь считают Совет говорильней.

Представитель моряков торгового флота большевик Н. А. Кремлянский утверждал, что не только Совет, но и политические партии плетутся в хвосте у масс.

С разоблачением маневра буржуазии выступал большевик К. Горелов. Он призывал рабочих к усилению борьбы за свои права, предложил прекратить переговоры с Центральной радой.

Все же большинством голосов объединенное заседание президиумов Советов утвердило «Положение о вольном городе Одессе».

Центральная рада благожелательно приняла официальное предложение делегации Одесского Совета. В адрес комиссара Центральной рады подполковника Поплавко 1 января 1918 года была направлена телеграмма: «Генеральный секретариат признал возможным создать коллегиальный секретариат как полномочную гражданскую власть в Одессе»².

После возвращения комиссии из Киева началась усиленная подготовка к осуществлению автономии Одессы. В своих выступлениях Орлов подчеркивал, что не следует обострять отношений с Центральной радой. По его мнению, представители рады на местах пересаливают, они, мол, «больше роялисты, чем сам король». Отсюда следовал вывод: Центральная рада не так уж плоха, с ней надо сотрудничать.

«Правительство» автономного «вольного города» Одессы, созданное 6 января 1918 года, немедленно уведомило Центральную раду о своем появлении на свет. Но, как говорится, гладко было на бумаге, но забыли про овраги. Идея «вольного города» не пользовалась популярностью среди одесских рабочих. Не поддерживали ее и военные моряки. На «Синопе» и «Ростиславе» по вопросу создания «объединенного секретариата» были приняты отрицательные резолюции. На «Алмазе» доклад об объявлении Одессы «вольным городом» сделал эсер офицер Куликов. Его засыпали вопросами:

— Кто от этого выиграет, если Одесса станет вольным городом?

— Почему другие города не объявляют автономии?

— Кому будет подчиняться власть в Одессе: Советам или Центральной раде?

Вразумительного ответа на вопросы докладчик дать не смог. Команда «Алмаза» единогласно признала, что обсуждение затуманенной идеи об объявлении Одессы вольным городом является несвоевременным и что сначала надо по примеру Петрограда взять власть в Одессе народу, а потом обсуждать другие дела.

Резолюции «Алмаза», «Синопа» и «Ростислава» явились поддержкой для той части Одесского большевистского комитета, которая считала, что вопрос об объявлении Одессы «вольным городом» отвлекает внимание рабочих от борьбы за власть Советов, сеет ложные иллюзии о возможно-

сти сотрудничества с буржуазной Центральной радой. С этим не могли согласиться ни рабочие, ни матросы. Их неблагожелательное отношение к идее «вольного города» нашло свое выражение в требовании референдума. По предложению Хмельницкого исполком Совета вынужден был создать комиссию для выработки плана проведения референдума.

Под шум словопрений о «вольном городе» меньшевики из Совета не оставляли надежды прибрать к своим рукам руководство Красной гвардией. На одном из заседаний исполкома Совета меньшевики Боркун и Фрид официально предложили устранить Чижикова с поста начальника Красной гвардии и вместо него назначить меньшевика Красного — члена культурно-просветительной секции Совета. Но это предложение не прошло.

Соглашатели всячески мешали Чижикову и другим большевикам готовить Красную гвардию к предстоящим боям с контрреволюционными силами. В частности, когда Чижиков решил оборудовать грузовой автомобиль для перевозки скорострельного оружия, исполком Совета вызвал Чижикова на заседание и потребовал, чтобы этот автомобиль был передан частному предпринимателю. На это Чижиков ответил, что он «костями ляжет, а автомобиль Совет не получит».

Когда меньшевикам из Совета стало известно, что моряки передали Чижикову для вооружения Красной гвардии три тысячи винтовок, они всполошились и поставили этот вопрос на заседании исполкома. Докладчик Фрид потребовал, чтобы немедленно были возвращены захваченные винтовки. Это предложение поддерживали другие члены исполкома. Заседание приняло решение: «Никакие выступления не могут иметь места без исполнительного комитета». Двум членам исполкома было поручено расследовать вопрос о винтовках.³

Меньшевики пытались протащить в Совете проект по-

становления о расформировании Красной гвардии, считая, что «вольному городу» не нужна вооруженная сила. Но коварный замысел соглашателей разоблачили большевики, и проект о ликвидации Красной гвардии был снят с повестки дня.

Пока меньшевики и эсеры пытались оставить рабочих Одессы безоружными и бездеятельными, подполковник Поплавко, выполняя указание Центральной рады, прилагал все усилия для разоружения воинских частей гарнизона, которые заявили о признании Советской власти. В эти воинские части являлись представители Войсковой рады, объявляли солдатам приказ о демобилизации и предлагали им разъехаться по домам.

Но и здесь контрреволюцию ожидала неудача. Солдаты воинских частей, подлежавших разоружению и демобилизации, решили оставаться на своих постах. Приближалось время решительной вооруженной схватки с буржуазией. Красногвардейцы, солдаты и матросы готовились к ней.

НАКАНУНЕ ВОССТАНИЯ

Собрание в ропитовской столовой. Военно-революционный комитет. Силы противника. Матросы готовятся к выступлению. Разговор по прямому проводу. «Прочь грязные руки». Эпизод с винтовками.

Нужен был центр, штаб, тот боевой революционный орган, который дал бы сигнал о выступлении, взял бы власть в свои руки. Но такого штаба в Одессе не было.

Побывавшие в гайдамацких куренях матросы поставили перед Советом матросских депутатов вопрос о создании революционного штаба из моряков военных кораблей. При обсуждении их предложения выявились две точки зрения: одни считали, что штаб должен состоять из узкого круга военных работников, другие настаивали на включении в него представителей Советов, Румчерода, Красной гвардии. Учитывая, что воинские части одесского гарнизона представляли значительную силу, а также то, что в исполкоме Совета военных депутатов находились и большевики, было поручено Артему Кривошееву выяснить по этому вопросу точку зрения исполкома Совета военных депутатов.

Днем 2 января 1918 года состоялось заседание Совета военных депутатов. Кривошеев сделал доклад о необходимости создания революционного штаба. Большинство членов исполкома — эсеры, меньшевики и украинские националисты, высказались против предложения матросов. Ис-

полком принял резолюцию: «Есть Совет военных депутатов, параллельного органа не создавать. Просить матросов применить все свои силы на укрепление силы Совета военных депутатов»¹.

Вечером того же дня в помещении «Политического клуба пересыпских рабочих на ул. Церковной, 4*» собрались члены общегородского комитета РСДРП(б), чтобы обсудить сложившуюся в городе обстановку и выработать план дальнейших действий. Заседание пришло к выводу, что необходимо немедленно создать военно-революционный штаб и возложить на него руководство борьбой за взятие власти в руки рабочих.

Утром 4-го января по одиночке и небольшими группами проходили в столовую судоремонтного завода РОПИТ представители фабрик и заводов. К 10 часам утра собралось около 120 человек от 49 предприятий города. Пришли также руководители Одесского комитета РСДРП(б), Румчереда, Совета матросских депутатов, большевики из исполкома Совета рабочих депутатов.

Этому собранию предшествовали важные события. Не получая два месяца заработной платы, рабочие судоремонтного завода РОПИТ направили в Петроград, где находилось правление Российского общества пароходств и торговли (РОПИТ), свою делегацию. Посланцы завода побывали и в Смольном, беседовали с Владимиром Ильичем Лениным. Когда они сообщили, что приехали хлопотать о деньгах для рабочих, В. И. Ленин, не отказывая в просьбе, все же посоветовал: «Деньги у вас, берите их сами».²

Делегаты возвратились домой и на общем собрании рассказали об ответе, полученном в Смольном. Рабочие правильно поняли слова Ильича и стали готовиться к борьбе за установление в Одессе Советской власти. 3 января 1918

* В воспоминаниях и статьях о борьбе за власть Советов в Одессе этот клуб обычно именуется Домом трудолюбия.

года состоялась массовая демонстрация рабочих завода. Более двух тысяч человек отправились к Воронцовскому дворцу, где находился Совет рабочих депутатов. Возле дворца их встретил П. Мизикевич. В краткой речи он призвал к борьбе за установление Советской власти. Затем демонстранты направились к зданию Румчерода. Здесь перед рабочими выступил председатель Румчерода В. Юдовский. Дальше они пошли к зданию Английского клуба, где находились местные органы Центральной рады. Выразив им гневный протест против антинародной политики рады, демонстранты вернулись на завод.

В тот же вечер председатель завкома РОПИТ Армен Агаларов* по поручению большевистской организации разослал по городу оповещения о созыве 4 января совещания для обсуждения политического момента.

Совещание открыл Армен Агаларов. С докладом выступил В. Юдовский.

— До сего времени, — сказал докладчик, — мы говорили, что власть должна перейти в руки Советов, но конкретных шагов к этому не предпринималось. Сейчас необходимо перейти от слов к делу, приступить к захвату власти. С этой целью нужно объединить силы рабочих, матросов и солдат.

Юдовский предложил создать при Румчероде военно-революционный комитет, который взял бы в свои руки руководство всеми мероприятиями по подготовке восстания против Центральной рады.

Секретарь Одесского комитета РСДРП(б) П. С. Заславский приветствовал собрание рабочих, самостоятельно поставивших вопрос о власти. Член исполкома Румчерода матрос Артем Кривошеев рассказал о настроениях солдат

* Агаларов Армен Львович, 1891 года рождения, член большевистской партии с марта 1917 года, рабочий-модельщик завода РОПИТ, впоследствии находился на партийной и хозяйственной работе.

в гайдамацких полках и выразил убеждение, что переход власти в руки Советов произойдет без пролития крови. Делегаты заводов и фабрик заявили, что пославшие их рабочие коллективы требуют немедленной передачи всей власти в руки Советов и объявления решительной борьбы с контрреволюцией.

На собрании был избран штаб по подготовке и проведению вооруженного восстания — Временный рабочий военно-революционный комитет. В его состав вошли В. Юдовский, С. Сергеев, М. Чижилов, А. Кривошеев, П. Мизикевич, Г. Ачканов, П. Кондренко, П. Лазарев и некоторые другие.

Военно-революционный комитет создал секции: военную, агитационную, транспортную и финансовую. Военную секцию возглавили Чижилов, Лазарев и Кондренко, агитационную — Кривошеев, Матяш и Скобло. Председателем военно-революционного комитета был избран Юдовский, секретарем — Сергеев. Командующим всеми береговыми отрядами на время восстания был назначен М. Чижилов, его заместителем — матрос С. Спиридонов. Руководство эскадрой военных кораблей и всеми судами Одесского порта было возложено на П. Кондренко. Для непосредственного руководства и координации боевых действий отрядов был создан Оперативный штаб из пяти человек: А. Кривошеева, Г. Ачканова, П. Лазарева, А. Трофимова и П. Кондренко.

Военно-революционный комитет первое время находился в Воронцовском дворце, затем перешел в помещение штаба Красной гвардии на Торговой улице.

В начале января 1918 года в городе происходили многочисленные митинги и собрания, на которых принимались резолюции с требованием немедленного перехода власти к Советам. До Одессы доходили вести о том, что киевские рабочие и солдаты, возмущенные террором и бесчинствами гайдамаков, стихийно выступили против националисти-

ческой контрреволюции. Одесские рабочие знали, что они не одиноки в борьбе с буржуазной радой.

На собраниях и митингах часто выступали представители моряков и воинских частей. Матросы от имени своих команд заявляли, что они не только поддержат выступление рабочих за Советскую власть, но первыми пойдут с оружием в руках в бой против контрреволюционной рады. Большое влияние на моряков оказало установление Советской власти в Севастополе в декабре 1917 года.

Момент для захвата власти был удачен: рабочие были вооружены, обучены военному делу, их поддерживали военные моряки и революционные воинские части. Под влиянием большевистской агитации гайдамацкие курени колебались.

Одесская партийная организация была уже не той, что несколько месяцев тому назад. Она выросла численно, окрепла идейно. Прибывшие из Петрограда работники, участвовали в Октябрьском вооруженном восстании. Они передали одесским большевикам ленинские указания — к вооруженному восстанию относиться, как к искусству.

Обсуждая 5 января 1918 года вопрос о подготовке к вооруженному восстанию, Одесский комитет РСДРП(б) учитывал, что в количественном отношении силы все же далеко не равны. На стороне Советов накануне восстания было около 5 тысяч человек в красногвардейских и вооруженных рабочих отрядах, 1500 военных моряков, 800 ахтырских гусаров и 400 солдат пулеметного батальона. Всего в революционных войсках насчитывалось до 8 тысяч человек. Им противостояли контрреволюционные вооруженные силы, насчитывавшие более 20 тысяч человек, в том числе 9000 гайдамаков, 2500 юнкеров и свыше 10 тысяч офицеров, съехавшихся в Одессу со всех фронтов.

В. Юдовский отметил высокие боевые и моральные качества Красной гвардии. В нее входили наиболее сознательные рабочие, в том числе много молодежи. Все они го-

товы были бесстрашно сражаться с превосходящими силами врага.

Особенно отличалась организованностью и дисциплиной Красная гвардия Железнодорожного района. Здесь во главе хорошо вооруженного и обученного отряда стояли стойкие большевики П. Мизикевич и В. Бессонов.

Классовую сплоченность красногвардейцев завода РОПИТ усиливали их производственные и дружеские связи. В отряд добровольно пошли люди, знавшие друг друга много лет. Некоторые рабочие вступали в Красную гвардию целыми семьями. В отряд пришли столяр Илья Григорьевич Сапельников и его два сына — слесарь Николай и токарь Григорий. Стали красногвардейцами три брата Семенюки — Василий, Павел и Константин, три брата Цымбалы — Павел, Василий и Тимофей, братья Самгины — Григорий и Иван; Михаил и Георгий Петерсы; Владимир, Дмитрий и Георгий Сисми. Вступила в Красную гвардию семья рабочего Ивана Осиповича Виншеля — отец и шестеро сыновей: Александр, Григорий, Иван, Федор, Михаил и Николай.

Ропитовским отрядом Красной гвардии командовал Александр Евстигнеевич Лаврушин* — революционер-профессионал, до Февральской революции долго находившийся в ссылке. В канун январских событий он работал на заводе слесарем. Лаврушина хорошо знали матросы, он неоднократно бывал на «Алмазе» и «Синопе». По поручению партийного комитета 2 января 1918 г. Лаврушин выступил с докладом о текущем моменте на крейсере «Память Меркурия».

Однако по своему социальному составу Красная гвардия не была однородной. Наряду с фабрично-заводскими рабочими в нее входило немало ремесленной и студенческой молодежи, не имевшей четких политических убежде-

* А. Е. Лаврушин был расстрелян денikinцами в 1919 году.

ний. В Красную гвардию многих юношей влекла революционная романтика, а иногда и то, что там выдавалось бесплатно обмундирование и питание. Время было голодное. Все это учитывал Военно-революционный комитет при расстановке сил, комплектовании боевых отрядов и назначении их командиров.

В соответствии с директивой Военно-революционного комитета готовился к вооруженному восстанию и Совет матросских депутатов. Во главе артиллеристов и строевых команд были поставлены надежные люди. Одновременно комплектовались матросские отряды для ведения боя на суше, выделялись командиры и комиссары в отряды рабочих.

Непосредственный участник Октябрьского вооруженного восстания в Петрограде, Володарский поставил перед Одесской большевистской организацией три главные задачи: во-первых, усилить политическую работу среди воинских частей и военных моряков; во-вторых, вести настойчивую агитацию в гайдамацких частях с целью их разложения; и, в-третьих, выработать конкретный план захвата власти.

С учетом местных условий и обстановки Военно-революционный комитет разработал основные положения плана, в котором воплощались важнейшие ленинские принципы подготовки и проведения вооруженного восстания.

В чем состоял этот план?

Всей подготовкой к восстанию руководит Военно-революционный комитет, состоящий исключительно из большевиков и примыкающих к ним. Комитет ставит задачу отрядам Красной гвардии, матросов и солдат. Для занятия наиболее важных пунктов города выделяются особо надежные и преданные революции отряды. Прежде всего они должны внезапно захватить центр — здание штаба Одесского военного округа, арсенал, телеграф, телефонную станцию, железнодорожные станции Одесса—Главная и Одес-

са—Товарная, и установить там вооруженную охрану, способную отразить наступление противника.

8 января состоялось заседание Военно-революционного комитета, на котором был определен момент начала вооруженного восстания — в ночь на 14 января, с субботы на воскресенье. Эта дата не была случайной: верхушка местных органов Центральной рады и офицерство обычно по субботам устраивали балы и увеселительные вечера. Решено было застигнуть их врасплох.

В плане восстания важное место отводилось военным кораблям Черноморского флота. Линкорам «Синопу» и «Ростиславу» надлежало расположиться на рейде напротив Среднего и Большого Фонтанов, взять на прицел гайдамацкие курени и юнкерское училище. «Ростиславу» поручалось обстрелять крейсер «Память Меркурия», в случае, если он вздумал бы поддержать контрреволюционные силы. Комиссар Транспортной флотилии Кондренко распорядился, чтобы все матросы «Алмаза», «Синопа», «Ростислава», «Дуная» и других революционных кораблей были сведены в отряды. На кораблях оставлялись только те, кто был необходим для обслуживания орудий и несения вахты.

Для координирования боевых действий оперативный штаб по руководству восстанием перешел на крейсер «Алмаз». Здесь была налажена связь с военными кораблями, со штабом Красной гвардии и Севастополем.

Еще 2 января комиссар флотилии Кондренко разговаривал с «Алмаза» по прямому проводу с исполняющим обязанности главного комиссара Центрофлота Колышевским.

Кондренко: Не может ли Центрофлот прислать в Одессу линкор «Волю» или другой, такого же типа?

Колышевский: Сегодня будет объединенное заседание Совета и Центрофлота, я о вашей просьбе доложу. Может быть, крейсер «Память Меркурия» отозвать в Севастополь?

Кондренко: Нет, не следует. Дела с ним налаживаются. По крайней мере мне так кажется. Мы его держим под контролем.

Колышевский: А какое сейчас у вас положение?

Кондренко: Неплохое. Но если придет линкор «Воля» — будет совсем хорошее.

Сообщение об этом разговоре в несколько более полном виде опубликовали одесские газеты.

8 января на Платоновском молу состоялось собрание матросов «Алмаза», «Синопа», «Ростислава» и вольнонаемных моряков Транспортной флотилии. Были заслушаны доклады Старостина, Кондренко и Попова. Принятая резолюция гласила: «Мы, черноморцы, заявляем, что, помня заветы лейтенанта Шмидта, мы будем за угнетенный люд Украины и Великороссии, а посему мы приветствуем Совет военных, рабочих, крестьянских и матросских депутатов, созданный из украинской бедноты в гор. Харькове. Буржуазной же Киевской раде и генеральному секретариату, связавшим себя с контрреволюционером Калединым и союзными империалистами, заявляем: «Прочь грязные руки!»³.

Накануне восстания в Военно-революционный комитет стали приходить делегации воинских частей, в том числе и гайдамацких, с заявлениями о поддержке Советской власти. 12 января делегация 1-го пластунского полка сообщила, что полк выходит из подчинения комиссару Центральной рады Поплавко и присоединяется к Военно-революционному комитету. Пулеметная сотня, солдаты 7-й и 8-й сотен 2-го пластунского полка через своих делегатов заверили, что они в любую минуту готовы с оружием в руках поддержать рабочих.

Комитет получил резолюцию митинга украинских солдат-пулеметчиков о том, что они против рабочих и крестьян не пойдут, Центральной раде повиноваться отказываются. «Напротив, — говорилось в резолюции, — будем до послед-

ней капли крови защищать только трудовой народ, выразителем мнений которого считаем Совет Народных Комиссаров и действительно Народную Украинскую Раду, находящуюся в г. Харькове»⁴.

Все эти заявления свидетельствовали о том, что нелегкий труд агитаторов-большевиков, часто рисковавших жизнью в гайдамацких куренях, увенчался блестящим успехом.

За несколько дней до начала вооруженного восстания матросы передали одесской Красной гвардии большое количество оружия. А случилось это так.

На крейсере «Память Меркурия» находилось 3000 новеньких винтовок и полный комплект патронов к ним. Это оружие было тайно доставлено на крейсер представителями Центральной рады. Что это за груз и для кого он предназначался, знал только судовой комитет крейсера. Дело в том, что Центральная рада в это время заключила тайное соглашение с татарско-мусульманским правительством Крыма о совместной борьбе против Советской власти. Винтовки и предназначались командованию буржуазно-националистических войск Крыма.

Но шила в мешке не утаишь. Многие матросы крейсера выражали недовольство тем, что оружие будет использовано для борьбы против рабочих и крестьян. На корабле стали стихийно возникать митинги, матросы требовали передать винтовки Центрофлоту. Для обсуждения этого вопроса 7 января 1918 года собрался судовой комитет. На заседание пришли и два представителя Центральной рады, сопровождавшие оружие. Голоса разделились, часть членов комитета поддержала требование матросов. Тогда судовой комитет решил обратиться за указанием в Центрофлот. Был составлен текст радиogramмы. Радиостанция в это время работала только на «Алмазе». Сюда и доставили радиogramму, в которой говорилось: «...Просим точных указаний о дальнейшем назначении этих винтовок. Команда предлагает, если возможно, на транспорте переправить вин-

товки в Севастополь для раздачи судовым комитетам-командам. Просим срочно ответить к 10 часам утра 8 января». ⁵.

На «Алмазе» без ведома комиссара Кондренко ни одна радиограмма не отправлялась. Когда комиссару доложили об этой радиограмме, он приказал ее временно задержать.

Поступить иначе он не мог. Приближались решающие дни борьбы за установление Советской власти в Одессе. Нехватка оружия была самым уязвимым местом в подготовке к восстанию. Кондренко хорошо знал, каким тяжелым и сложным путем шел Черноморский флот к большевизму. Засилие мелкобуржуазного эсерства в Черноморском флоте наложило отпечаток на деятельность всех организаций флота, в том числе и выборного Центрофлота. Несмотря на то, что в составе Центрофлота находились и большевики, он все же проявлял мелкобуржуазную дряблость и беспринципность. Кондренко понимал, что не прояви он решительности, граничащей с превышением власти, оружие может попасть в руки врагов революции.

Спустя два дня с «Алмаза» сообщили председателю судового комитета крейсера «Память Меркурия» Деревянко, что из Центрофлота якобы поступило распоряжение передать 3000 винтовок в распоряжение комиссара Транспортной флотилии Кондренко. Перед этим Кондренко действительно разговаривал по прямому проводу с главным комиссаром Черноморского флота Роменцем, просил его оставить винтовки и патроны в Одессе. Последний согласился. Но формально на передачу оружия все же требовалось согласие Центрофлота..

Кондренко предложил судовому комитету «Памяти Меркурия» передать винтовки в его распоряжение не позднее 9 часов утра 12 января. На «Памяти Меркурия» понимали, что они не могут не выполнить приказа комиссара флотилии. Однако представители Центральной рады, на-

ходившиеся на судне, решительно возражали против передачи винтовок «большевистскому комиссару». В адрес Центрофлота они направили телеграмму: «Комиссия просит точный ответ, от кого поступило распоряжение о выдаче 3000 винтовок комиссару Кондренко. Мы завтра сдаем в 9 часов. Просим срочно ответ»⁶.

Выполнение операции по изъятию винтовок и патронов с крейсера «Память Меркурия» взял на себя А. Кривошеев. С отрядом ростиславцев он явился на корабль. Одновременно к борту «Памяти Меркурия» подошла баржа. Судовой комитет стал было отказываться выполнить распоряжение комиссара флотилии, заявляя, что у него нет официального указания «своего» правительства и нет еще ответа Центрофлота. Но этим возражениям положило конец категорическое требование Кривошеева:

— Нам валять дурака некогда. Если из вашей головы нельзя выбить контрреволюционную дурь словами, то она через час будет выбита десятидюймовыми орудиями «Ростислава». Винтовки предлагаю немедленно погрузить на баржу.

Это отрезвило сторонников Центральной рады. Вскоре нагруженная оружием баржа была уведена и передана в распоряжение командира Красной гвардии Чижикова.

Когда операция по изъятию оружия завершилась, из Центрофлота, наконец, пришел ответ: «Распоряжений о выдаче 3000 винтовок комиссару Кондренко не поступало, а было распоряжение от комиссара Черноморского флота Роменца с подтверждением Совета военных и рабочих депутатов погрузить 3000 винтовок на первый идущий в Севастополь транспорт для доставки в Севастополь».⁷

Комиссару Кондренко пришлось послать в Севастополь объяснение по поводу случившегося: «Ввиду очень серьезного положения был принужден раздать винтовки, на что имел согласие тов. Роменца во время переговоров по прямому проводу. Постараюсь достать другие и выслать»⁸.

Судовой комитет «Алмаза» имел непосредственные связи с рабочими одесских заводов, содействовал их вооружению. За оружием на «Алмаз» ездил слесарь завода Гена Иван Харламбат — председатель Пересыпского Совета рабочих депутатов. Он увез 100 винтовок. Получили оружие и рабочие завода Вычача и Варшавского — Иванковский и Савинь. Тесную связь с моряками держали рабочие завода РОПИТ. Большевики Николай Александрович, Армен Агаларов, Степан Коскин-Гавриков получили на «Алмазе» для Красной гвардии винтовки и патроны. К тому же судовые комитеты «Алмаза» и «Синопа» выделили строевых унтер-офицеров для обучения военному делу рабочих заводов РОПИТ, Гена и других. В канун восстания на многих промышленных предприятиях Одессы можно было видеть матросов, обучающих красногвардейцев обращению с оружием и тактике ведения боя.

СВЕРШИЛОСЬ!

*Когда над городом спустились сумерки. «Бал поневоле».
Все идет точно по плану. Противник в растерянности.
Словор националистов.*

Вечером 13 января, когда над городом спустились сумерки, к зданию штаба Красной гвардии на Торговой улице, где расположился Военно-революционный комитет, стали подходить вооруженные отряды красногвардейцев и военных моряков. Весь ревком был в сборе. Здесь же находились члены оперативного штаба А. Кривошеев, П. Лазарев и Г. Ачканов. В тихой, но торжественно-напряженной обстановке шло распределение отрядов по важнейшим объектам, которые намечалось занять в первую очередь. Комитет назначил комиссаров в отряды, которые должны были занять банк, казначейство, телеграф и почту. На них возлагалась ответственность за сохранность ценностей. Комиссары должны были также обеспечить бесперебойную работу этих государственных учреждений уже при новой, Советской власти.

В полночь отряд матросов во главе с машинным унтер-офицером алмазовцем Василием Бабанским подошел к зданию Одесского военного округа на Пироговской улице. Внезапно увидев перед собой военных моряков, часовые не оказали сопротивления. В сопровождении одного из караульных матросы вошли в кабинет дежурного офицера и

разоружили его. В огромном зале в это время проходил бал-концерт, на котором было много офицеров с дамами. Неожиданное появление вооруженного отряда моряков застало их врасплох. Опасаясь за дам и гостей, никто из офицеров не оказал сопротивления. Всех присутствовавших на балу матросы успокоили, предложили офицерам сдать личное оружие.

— Поймите, господа,— сказал Бабанский,— на улицах города сейчас происходит революция, подвергать ваши жизни опасности мы не имеем права. Продолжайте веселиться, оркестру приказано играть до утра. Все выходы из помещения штаба округа охраняются матросами.

Только один офицер, ранив выстрелом из револьвера матроса, пытался выбраться из помещения штаба, но был задержан. Оркестр играл, «бал поневоле» продолжался. Утром на смену матросам явились ахтырцы. Участников бала отпустили по домам, заручившись честным словом офицеров, что они не будут сражаться против рабочих.

Соединенный отряд матросов и красногвардейцев около часу ночи занял помещение Одесского казначейства на Херсонской улице. Начальник караула выстрелами из пистолета ранил двух красногвардейцев, солдаты же сами сложили оружие.

Под руководством П. Мизикевича бойцы железнодорожной Красной гвардии и матросы заняли вокзал Одессы-Главную. Петлюровский караул не сопротивлялся, но наотрез отказался покинуть помещение до утра.

У арсенала в конце Дальницкой улицы отряд пулеметного батальона под командованием прапорщика Александра Курганова окликнули часовые.

— Смена караула,— пояснил Курганов.

— Пароль?

— Пароля нет, а сменить должны.

— Никак не можем.

— Не будете же вы, хлопцы, с нами биться?

— Биться не будем, а уйти не можем. Сами понимаете, пост!

— Тогда давайте стоять вместе. Вы от рады, а мы от революционного комитета.

— Вместе можно, заходите!

Когда отряд расположился в арсенале, Курганов предложил гайдамакам:

— Идите, хлопцы, спать. Мы постоим без вас.

Гайдамакам ничего не оставалось, как подчиниться.

Здание Центрального городского телеграфа и почтамта имело два выхода: на Садовую и Коблевскую улицы. Оба выхода усиленно охранялись. Караульное помещение было в подвальной части телеграфа, в нем постоянно находилось 60 солдат. По плану Военно-революционного комитета почтамт должен был занять отряд, в состав которого входило 50 вооруженных членов латышской группы большевиков и 30 матросов с «Ростислава». Командиром отряда был назначен моряк Карл Зедин*, комиссаром — руководитель латышской группы Фридрих Земит.

Комиссар отряда еще днем установил связь с младшим механиком телеграфа большевиком Николаем Павловым, который вместе с другими работниками должен был разо-

Карл Зедин.

* Карл Зедин — сын латышского крестьянина. В 1904 году окончил морское училище, сдал экзамены на звание штурмана дальнего плавания. В 1905 году вступил в РСДРП. Участвовал в Октябрьском вооруженном восстании в Петрограде. В ноябре 1917 года вместе с А. Железняковым и И. Шерстобитовым был назначен членом военнополитического отдела Верховной коллегии Морского министерства и в декабре 1917 года направлен в Черноморский флот. Из Севастополя в Одессу Зедин прибыл накануне Январского восстания.

ружить внутреннюю охрану и к полночи открыть восставшим вход в здание.

Отряд К. Зедина действовал точно по плану. Бесшумно были сняты наружные часовые. Павлов со своими товарищами разоружил охрану в аппаратной и в вестибюле. Внезапно ворвавшись с тремя матросами в караульное помещение, комиссар отряда Земит командовал гайдамакам не двигаться, объявил им, что помещение окружено красногвардейцами и матросами.

— В городе установлена Советская власть,— сказал Земит,— по ее поручению обезоруживается прежний караул и назначается новый.

Гайдамаки заявили, что согласны подчиниться. До утра они были оставлены в караульном помещении.

Оставив в карауле нескольких дружинников и поздравив смену работников телеграфа с переходом власти к Советам, Земит отправился выполнять следующее задание. Еще с вечера Военно-революционный комитет назначил его комиссаром Государственного банка. Помещение Одесского отделения банка было легко занято красногвардейцами в час ночи.

Матросы и отряд Красной гвардии завода РОПИТ, овладевшие Английским клубом — резиденцией Одесской украинской рады, не встретили там никакого сопротивления, зато на городской телефонной станции гайдамаки открыли стрельбу. При этом один красногвардеец был ранен. Без единого выстрела были захвачены оружейные мастерские. Находившаяся там вооруженная охрана в результате проведенной членом бюро Военной организации РСДРП(б) Пантелеймоном Шустовым разъяснительной работы была на стороне одесских рабочих.

Во втором часу ночи в оперативный штаб Военно-революционного комитета прибыл последний связной от отряда, занявшего помещение Бульварного участка на Преображенской улице. Все боевые задания по овладению важней-

шими пунктами города были выполнены быстро, четко и почти без кровопролития.

В эту же ночь по постановлению Военно-революционного комитета были арестованы командир гайдамацкой дивизии атаман Васильев, начальник одесской милиции правый эсер Китников и ряд других контрреволюционно настроенных офицеров.

Грсногласный салют морских орудий возвестил о переходе в городе власти в руки Советов.

Утром 14 января 1918 года «Голос пролетария» вышел с воззванием Военно-революционного комитета к трудящимся и всем жителям Одессы. В нем сообщалось, что власть в городе перешла к Советам рабочих, солдатских, матросских и крестьянских депутатов. Даже буржуазные газеты вынуждены были признать, что переход власти к Советам совершился почти бескровно. «Одесский листок» 15 января писал: «Происшедший в Одессе в ночь на воскресенье переворот в одном отношении весьма аналогичен идейно связанной с ним Октябрьской революцией в Петрограде. Власть перешла в руки военно-революционного комитета без особых усилий и почти без выстрелов. К полуночи отряды красногвардейцев и матросов начали занимать ряд государственных учреждений, причем ничуть не стесняя нормальной жизни этих учреждений».

Переход власти к революционному комитету Румчерода привел в растерянность одесских представителей Центральной рады. В решающий момент гайдамацкие части оказались разбросанными по городу, офицеры в ночь под воскресенье отсутствовали в казармах, а начальник гарнизона Поплавко укатил в Киев.

Чеховский, которого Поплавко оставил своим заместителем, днем 14 января явился в исполком Совета рабочих депутатов. От имени Центральной рады он предложил еще один, новый план объединения всех властей Одессы — Совета, Городской думы и Одесской украинской рады. Чехов-

ский заявил, что в городе может быть власть Советов, но все свои решения они должны предварительно согласовывать с думой и радой.

Несмотря на свое враждебное отношение к происшедшим ночью событиям, меньшевики и эсеры из президиума исполкома не согласились с предложением Чеховского. Они понимали, что в новой обстановке, когда все важнейшие пункты города заняты рабочими и матросами, им надо во что бы то ни стало удержаться у власти. Поэтому пойти на открытое сотрудничество с Центральной радой они не решались, тем более, что в скором времени предстояли новые выборы в Советы.

Получив неутешительный ответ в президиуме Совета, Чеховский назначил на вторую половину дня гарнизонное собрание. Но на него явились только представители гайдамацких частей, а от военных моряков не было никого. В то же время в здании городской думы состоялось общее собрание Совета рабочих депутатов и представителей армии и флота. Секретарь Одесского комитета РСДРП(б) Заславский от имени большевиков и левых эсеров предложил резолюцию об организации власти в Одессе.¹ Председатель одесского комитета меньшевиков Коробов выступил против предложения Заславского. Он и ряд других депутатов-меньшевиков настаивали на создании объединенного секретариата и признании Одессы «вольным городом».

Борьба по вопросу о характере новой власти была очень острой. Меньшевики упорно сопротивлялись передаче власти Советам. Однако большинством голосов собрание все же приняло резолюцию об установлении в Одессе Советской власти и признании Украинского Советского правительства. «Вся полнота власти в Одессе,— говорилось в резолюции,— принадлежит Совету рабочих, солдатских, матросских и крестьянских депутатов, а полнота власти в области — Центральному исполнительному комитету Румчерода. Признать, что вышеозначенные организации в осущес-

ствлении государственной власти подчинены Совету Народных Комиссаров и Харьковской Народной Раде». ²

Поздним вечером Чеховский прибыл на «Алмаз». Здесь между ним и секретарем судебного комитета Цыкиным произошел такой разговор:

— Комиссар Центральной рады и начальник гарнизона подполковник Поплавко уехал в Киев, меня он оставил своим заместителем. Сегодня я назначил гарнизонное собрание, предполагая обсудить на нем вопрос, как нам вместе лучше жить в городе, но вы не пришли,— сетовал Чеховский.— А нам ведь нужно договориться.

— Гражданин Чеховский, скажите, пожалуйста, какую раду вы признаете: харьковскую или киевскую? — напрямик задал вопрос Цыкин.

— Киевскую, конечно! — ответил тот.

— Нам с киевской радой не по пути,— отрезал матрос. На том они и расстались.

После этого Чеховский созвал совещание командиров гайдамацких частей, руководителей учреждений и органов Центральной рады. Он сообщил им, что договориться о сотрудничестве с Советом рабочих депутатов нельзя и что матросы военных кораблей всецело на стороне восставших рабочих.

— Что нам теперь следует предпринять? — обратился Чеховский к участникам совещания.

И решение было принято: силой оружия вернуть все занятые ночью революционными частями стратегические пункты, восстановить в городе прежние порядки. Буржуазные украинские националисты не хотели без боя уступить власть Советам.

БОИ НА УЛИЦАХ ОДЕССЫ

Ультиматум гайдамаков. Бои за опорные пункты. Подвиги героев. Моряки разоблачают провокацию. Делегация меркурьевцев. Отряд Карапанова. В ревком. Победа! «Нейтральный центр».

Воскресный день 14 января выдался по-настоящему весенним, солнечным днем, который в середине зимы может дать только благодатная Одесса. Прошел он спокойно. Вечером в городе были открыты театры, работали кафе, трамвай совершал свое обычное движение, а на Дерибасовской улице и на бульваре, как обычно, фланировала публика. В клубе Красной гвардии для красногвардейцев показывали спектакль.

Но не было спокойно на «Алмазе», в оперативном штабе восстания. В 11 часов вечера во все отряды Красной гвардии отправились связные с тревожной вестью. Штаб сообщал, что командование гайдамацких войск предъявило Военно-революционному комитету ультиматум: освободить помещение штаба военного округа, станцию Одессу-Главную, телеграф и другие важные объекты, создать в городе «народно-социалистическую» коалиционную власть с обязательным участием представителей Центральной рады¹.

Военно-революционный комитет допустил большую ошибку. Ограничившись арестом командира гайдамацкой дивизии атамана Васильева, ревком не принял мер к раз-

оружению частей, которые находились на стороне Центральной рады. Штаб националистических войск воспользовался этим, привел верные ему части в боевую готовность и, не ожидая ответа на свой ультиматум, на рассвете 15 января начал боевые действия на улицах города.

Здание штаба военного округа охранял объединенный отряд красногвардейцев табачной фабрики Попова, матросов и ахтырских гусаров под командованием рабочего Наума Соболя и гусара Владислава Зелинского. В половине четвертого утра в направлении штаба вышли два броневомобиля, за которыми двигались гайдамаки. Донесение об этом немедленно передали по телефону в оперативный штаб на «Алмаз».

К аппарату подошел Кривошеев:

— Приказ ревкома — здание штаба не сдавать. Там находятся прямые телеграфные и телефонные провода. Не допускайте, чтобы они достались врагу.

С рассветом броневики и укрывшиеся за ними гайдамаки открыли пулеметный и ружейный огонь. Защитники штаба мужественно отбивали непрерывные атаки, неоднократно совершали вылазки. На углу Пироговской улицы и Семинарского переуллка пали сраженные насмерть ахтырцы Гавриил Приходько и Григорий Кавура, были ранены матросы Егор Николаенко и Александр Левантцев.

Тем временем юнкера захватили вокзал Одессу-Главную и превратили его в свой опорный пункт. Установленные на крыше здания пулеметы простреливали Пушкинскую улицу.

Уже начало боев между революционными отрядами и гайдамацкими частями показало, что контрреволюция пытается во что бы то ни стало вернуть себе важнейшие стратегические пункты города. Наиболее сильные бои происходили в районе штаба Одесского военного округа, вокзала Одессы-Главной, на подступах к штабу Красной гвардии, Центральному почтамту, банкам.

Оперативный штаб по руководству восстанием координировал боевые действия революционных сил. Отражая атаки противника, Красная гвардия, матросы и революционные части гарнизона одновременно сосредоточивали силы для нанесения удара по опорным пунктам гайдамаков и офицеров. Отряды рабочих наступали в направлении станции Одессы-Товарной, матросы заходили гайдамакам во фланг со стороны Французского бульвара. Железнодорожная Красная гвардия закрепились в районе станции Одессы-Малой.

На Софиевской улице рабочие Пересыпи с утра строили баррикады. Красногвардейцы отражали атаки офицерского отряда, засевшего во дворце шаха персидского и пытавшегося прорваться к штабу Красной гвардии на Торговой улице. Здесь были убиты красногвардейцы братья Афанасий и Степан Ергиевы и тяжело ранены матросы с «Ростислава» Ефим Жеребилов и Николай Куренков. Шли также ожесточенные бои на Преображенской улице и на Александровском проспекте.

В два часа дня на Пушкинской улице появился гайдамацкий броневедомитель. Он медленно двигался и из двух пулеметов вел шквальный огонь. На углу Троицкой он столкнулся с отрядом моряков. С криками «ура» матросы бросились к броневедомителю. Вперед вырвался матрос с ленточкой «Алмаз». Он упал, сраженный пулеметной очередью, но до этого все же успел бросить гранату. Пулеметы сразу умолкли, поврежденный броневедомитель остановился. В нем оказались офицеры.

Бесстрашным героем, вступившим в единоборство с броневедомителем, был кочегар 2-й статьи Семен Лазаревич Которабай. Всего несколько дней до этого, выступая на судовом собрании, он от имени машинной команды заявил, что все машинисты и кочегары готовы с оружием в руках поддержать выступление одесских рабочих в борьбе за власть Советов.

Бронеавтомобиль моряки на буксире притащили с Пушкинской улицы на Платоновский мол, отремонтировали, называли его «Алмазом» и на следующий день он уже вступил в бой на стороне революционных сил².

На крыше дома № 34 по Тираспольской улице бывший начальник сыскного отделения жандармерии Смолеев с двумя офицерами устроил засаду и из пулемета стрелял по красногвардейцам. Матрос Григорий Плюта с миноносца «Жаркий» и булочник Георгий Любченко при попытке пробраться на крышу дома были убиты наповал. Но матросам с «Ростислава» Стефану Строгову, Савелию Крюкову, Антону Мусиенко и железнодорожнику Степану Чернышеву все же удалось захватить Смолеева и отправить его на «Синоп».

Около четырех часов дня гайдамаки подступили к станции Одессе-Малой. Красногвардейские отряды железнодорожников во главе с Владимиром Бессоновым, Василием Морозом и Семеном Островским оказали упорное сопротивление. Им на подмогу вышел бронепоезд «Заамурец», на котором находился Павел Мизикевич.

13 декабря 1917 года бронепоезд «Заамурец» поступил в Одесские главные железнодорожные мастерские с фронта для ремонта. Рабочие под различными предлогами задерживали окончание работ, рассчитывая использовать его для борьбы против гайдамаков. К началу восстания бронепоезд был отремонтирован и под командованием Мизикевича вступил в бой. Шквальным огнем бронепоезд рассеял наступавших гайдамаков и обстрелял казармы 3-го пластунского полка. Атака противника в районе станции Одессы-Малой захлебнулась, гайдамаки залегли у пробочного завода и на Сахалинчике.

Одним из отрядов моряков командовал председатель судового комитета транспорта № 109 большевик Борис Гумперт. На Итальянском бульваре морякам пришлось вступить в бой с офицерским отрядом, который втрое пре-

Борис Гумперт.

восходил силы матросов. Пятичасовой бой завершился победой моряков. Бежавшие офицеры рассеялись по дворам и с чердачных укрытий вели огонь по всем, кто появлялся на бульваре.

Днем 15 января войска Центральной рады заняли район Пушкинской, Ришельевской и Екатерининской улиц вплоть до Полицейской и продолжали наступление по Канатной. Сказывался большой перевес сил врагов революции.

Одесский комитет большевиков обратился к коммунистам и всем трудящимся с воззванием: «Революция требует баррикадных бойцов. Все силы, все средства отдайте на защиту Советской власти. К революционной стойкости и дисциплине!»

Уличные бои оказали влияние на команду «Памяти Меркурия». Около двух часов дня в Румчерод прибыла делегация с крейсера и сообщила о своей готовности поддержать Советскую власть.

После полудня стали распространяться слухи, что гайдамаки согласны заключить перемирие, если матросы уйдут на свои корабли. Вскоре с таким предложением на «Алмаз» прибыло два парламентаря. Кривошеев сообщил им, что в Одесский комитет доставлены секретные документы, обнаруженные в штабе округа и в других захваченных революционными отрядами учреждениях Центральной рады, из которых явствует, что контрреволюционное офицерство вместе с одесскими главарями Центральной рады договорилось о ликвидации Советов, уничтожении большевиков и восстановлении старого режима. Поэтому мирные переговоры, объяснил Кривошеев, возможны толь-

ко после разгрома офицерско-юнкерских частей и ареста руководителей Одесской рады.

Офицерские отряды вечером 15 января, поддержанные артиллерийским огнем гайдамаков, продвинулись дальше в центр города. Сложилась такая обстановка: порт, часть территории от порта до Полицейской улицы, а также рабочие окраины — Пересыпь, Слободка, Молдаванка, Ближние и Дальние Мельницы, находились в руках Красной гвардии и матросов. Гайдамаки, офицеры и юнкера занимали район Александровского парка и часть города от Полицейской улицы до Среднего Фонтана.

15 января было самым критическим днем. В ходе боев контрреволюция добилась заметных успехов. Командование гайдамацких частей уже подготовило воззвание к оттесненным к порту вооруженным отрядам рабочих, предлагая им сложить оружие и разойтись по домам, а матросам вернуться на свои корабли.

Вечером оперативный штаб принял решение снять легкие орудия с кораблей, поставить их на деревянные лафеты и передать сражающимся отрядам. Если гайдамаки и офицеры будут продолжать обстреливать рабочих и матросские отряды из артиллерии, то открыть по контрреволюции огонь из судовых батарей.

Представителям команд «Алмаза», «Синопа» и «Ростислава» Кондренко сообщил о провокационных слухах, распространяемых контрреволюционными агентами с целью разобщить моряков и красногвардейцев. Так, к вечеру 15 января по городу поползли слухи, будто матросы ведут переговоры с гайдамаками и хотят за спиной Красной гвардии сговориться с ними. Различные темные личности распространяли среди гайдамаков клеветнические измышления о том, что матросы якобы срывают портреты великого украинского писателя Т. Г. Шевченко, уничтожают украинские книги и т. д.

Провокационные измышления о матросах были направ-

лены к тому, чтобы поднять боевой дух гайдамаков. Следовало разоблачить клевету и доказать, что матросы не имеют никаких других интересов, кроме интересов трудового народа и ни на какой сговор с контрреволюцией не пойдут.

Совещание моряков утвердило предварительные условия мирных переговоров с гайдамаками. Военные моряки заявили, что они согласятся вести мирные переговоры лишь при таких условиях:

Части Центральной рады обязаны возвратиться в свои казармы. Весь командный состав должен быть арестован. Каждая сотня избирает по два рядовых солдата и направляет их на «Алмаз» в оперативный штаб для выработки окончательных условий о мире. Устанавливается контроль на железной дороге с тем, чтобы ни один контрреволюционер не смог безнаказанно уехать из Одессы. Гайдамацким куреням или присоединиться к рабочим и матросам или, в крайнем случае, соблюдать нейтралитет.

Полный текст этих условий был немедленно отправлен в редакции «Голоса революции», «Голоса пролетария» и других одесских газет. На следующий день, 16 января, эти условия под заголовком «Ультиматум моряков» были опубликованы.

Как только в Одессе начались баррикадные бои, местные эсеров-меньшевистские лидеры заявили о создании так называемого «Нейтрального центра». Инициаторами этой затеи были левые эсеры, входившие в Румчерод. С утра 15 января в Крымскую гостиницу около Сабанеева моста, где обосновался «Нейтральный центр», потянулись представители всех многочисленных соглашательских организаций и перепуганные обыватели самых различных политических оттенков. На дверях гостиничных номеров появились наскоро написанные таблички: «Социал-демократы-меньшевики», «Социалисты-революционеры-максималисты», «Паолей-цион», «Бунд», «Партия мирового рассвета» и другие.

«В Крымской гостинице находится петлюровско-офицерский центр, координирующий боевые действия войск Центральной рады. Надо немедленно его арестовать»,—сообщил телефонограммой на «Алмаз» председатель судебного комитета транспорта № 102 Петр Андрианов, командир сводного матросского отряда. При этом он особо подчеркнул, что эти данные достоверны.

Крымская гостиница находилась в районе, контролируемом революционными войсками. Сообщение Андрианова вызвало недоумение в оперативном штабе. В гостиницу срочно направились члены судебного комитета «Алмаза» Сергей Нечин и Иван Неверов. Там они застали довольно живописную картину. Не очень просторные номера были до отказа заполнены лицами в чиновничьих мундирах, визитках, в офицерских шинелях. И всюду без умолку говорили, спорили, доказывали.

В номере с табличкой: «Руководство Нейтрального центра» алмазовцы ознакомились с «программой» новой политической коалиции. Вручая копию документа матросам, представитель «центра» заявил, что это официальное послание, требующее немедленного ответа революционного штаба большевиков.

В «программе» говорилось, что Военно-революционный комитет не должен пользоваться автомобилями городского Красного Креста, обязан заблаговременно сообщать «Нейтральному центру» участки, по которым предполагается вести артиллерийскую стрельбу, не пользоваться продовольствием, которое развозится на грузовиках «Нейтрального центра», прекратить военные действия, как только будут получены известия, что гайдамаки вернулись в свои казармы и т. д.

И хотя ряд пунктов этого своеобразного документа скорее напоминал ультиматум, чем просьбу, на «Алмазе» не стали к этому придирааться и сообщили меньшевистско-эсеровскому «центру», что его требования не вызывают

возражений. А на всякий случай в здании Крымской гостиницы был установлен морской патруль.

Утром 16 января на кораблях остались только вахтенные и артиллерийская прислуга. Несколько сотен матросов ушло на подкрепление рабочих отрядов. Вскоре заговорили орудия «Синопа», «Ростислава» и «Алмаза». Их огонь по гайдамацким куренями корректировался гидропланами и телефонной связью.

Уличные бои разгорелись с новой силой. Военно-революционный комитет обратился с воззванием к жителям Одессы, в котором говорилось: «Все, кому дорога революция, должны открыто и честно стать на сторону революционного народа»³.

Отряды красногвардейцев, матросов и революционных частей гарнизона начали наступление в районе улиц Пушкинской, Ришельевской, Екатерининской, Канатной, Преображенской. Одновременно перешли в наступление отряды железнодорожной Красной гвардии.

Боевой дружиной торгового флота, насчитывавшей более ста человек, командовал Сергей Степанов. Штаб дружины находился при Союзе моряков на Деволановской улице. Торговые моряки вступили в бой с гайдамаками в районе Александровского парка и продвигались в направлении вокзала Одессы-Главной.

Отряд матросов с «Алмаза» под командованием Иосифа Косова вел бой на Полицейской улице, поблизости от городской телефонной станции.

Мужественно сражался с гайдамаками вооруженный отряд рабочих судоремонтного завода РОПИТ, которым командовал Александр Лаврушин. Ропитовцы стойко отбивали атаки врага на стыке улиц Торговой и Софиевской, в районе штаба Красной гвардии. Отряд не только отстоял занятые позиции, но перешел в наступление, продвинулся к Привозу, а затем и к вокзалу Одессы-Главной. Сам Лаврушин с непокрытой головой, с охотничьим ружьем все

время находился во главе отряда, бесстрашно рвался вперед. Выйдя к вокзалу, ропитовцы соединились здесь с матросами «Алмаза» и сражались бок о бок с ними.

Рядом с алмазовцами и ропитовцами находился еще один красногвардейский отряд под командованием Василия Стародубенко. Неожиданно на его позиции со стороны вокзала двинулся петлюровский бронеавтомобиль. Под ураганным пулеметным огнем некоторые красногвардейцы дрогнули, стали отходить. В эту трудную минуту, с криками «Умрем, но не отступим!» вперед бросились моряки с «Алмаза». Кто-то из матросов подбежал вплотную к бронеавтомобилю и бросил под него одну за другой две бомбы-лимонки. Броневику опрокинулся. Подоспевшие матросы и рабочие подняли броневик, выволокли из него трупы офицеров, заменили желто-голубой флаг красным и повели в бой, помогая своим товарищам. Это был второй бронеавтомобиль, отбитый у противника.

Храбро сражался отряд Красной гвардии под командованием рабочего Петра Липового. С двумя десятками бойцов он укрепился в здании банка и отбивал яростные атаки отряда юнкеров. В бою Липовой был ранен в голову, но не покинул отряд.

В районе табачной фабрики Попова произошла заминка. Здесь находилась сильно укрепленная позиция неприятеля, охранявшего подступы к вокзалу. Несколько раз красногвардейцы бросались вперед, но с большими потерями откатывались назад. Ряды их редели. И вдруг до уставших бойцов донеслось:

— Чижигов, Чижигов едет!

Под неприятельскими выстрелами грузовик развернулся, — на нем оказался Чижигов со скорострельной пушкой. Один за другим раздались несколько оглушительных выстрелов. Снаряды рвались на неприятельской позиции, где не ожидали такого сюрприза. Пример командира Красной гвардии воодушевил красногвардейцев и они приступом

взяли укрепления гайдамаков. А Чижиков уже умчался на другой участок, туда, где трудно приходилось гвардии.

Ожесточенный бой шел в районе Артиллерийского переулка, возле бывших казарм Модлинского полка на 2-ой станции Большефонтанской дороги. Здесь сражался сводный Болградский отряд против третьего батальона 2-го пластунского полка, усиленного офицерской частью. Болградский отряд, численностью около 500 человек, во главе с членом комитета VI армии Калистратом Саджая и председателем комитета 458-го Суджанского полка прапорщиком Георгием Софроновым только 15 января прибыл по вызову Румчерода из Измаила.

Командир отряда Г. П. Софронов, член большевистской партии с 1912 года, и комиссар К. Г. Саджая, член большевистской партии с 1915 года, имели задание сначала захватить гайдамацкий бронедивизион, стоявший в Аккермане*, а затем двигаться к Одессе на помощь Красной гвардии. Однако броневики из Аккермана внезапно были переброшены в Одессу. Огорченные неудачей болгардцы тоже отправились в Одессу и прибыли в город в разгар сражения.

Нанеся решительный удар по опорным пунктам врага на Французском бульваре, болгардцы закрепились на Ботанической улице. К вечеру стала ощущаться нехватка боеприпасов. Небольшой запас патронов находился на пароходе, на котором прибыли болгардцы. Но к нему пробраться можно было только с боем, так как в тылу отряда находились укрепленные пункты гайдамаков. Тогда было принято смелое решение. Вечером прапорщик Иван Максимов с группой солдат в 60 человек отправился в распоряжение 2-го пластунского полка на углу Ботанической улицы и Артиллерийского переулка. Встретившись с командиром полка штабс-капитаном Орловым, прапорщик Максимов сооб-

* Ныне г. Белгород-Днестровский.

шил, что его отряд в 100 человек только что прибыл с Румынского фронта для борьбы с большевиками. В подтверждение своих слов Максимов предъявил офицерский документ. Далее он рассказал, что, прорываясь в центр города, его отряд израсходовал все боеприпасы.

Штабс-капитан Орлов связался по телефону с командиром бригады полковником Мазуренко, который командовал гайдамацкими войсками после ареста атамана Васильева. Мазуренко приказал снабдить группу Максимова патронами и поставить его передовым на боевом участке юго-восточнее казарм Модлинского полка, т. е. против основных сил Болградского отряда. В полночь группа Максимова, снабженная боеприпасами, без всяких препятствий соединилась со своим отрядом. А на утро болгарцы, оттеснив гайдамаков к их казармам, перешли в наступление на офицерский отряд в Ботаническом саду и выбили его из укрепленного участка.

Во второй половине дня 16 ноября особенно ожесточенный характер носил бой за здание штаба военного округа. Офицерской части удалось с тыла прорваться во двор штаба и занять небольшое служебное строение. Штабс-капитан Осмоловский, командир офицерского отряда, поспешил передать своему командованию, что здание штаба округа «очищено от большевиков». В лагере контрреволюции сообщение было расценено как решающая победа. В вечернем издании «Одесской почты» появилась информация об этом. Но пока печаталась газета, защитники штаба отбили атаку офицеров и захватили в плен самого Осмоловского.

После того, как «Синоп», «Ростислав» и «Алмаз» своим огнем поддержали наступление революционных отрядов, команда «Памяти Меркурия» направила на «Алмаз» делегацию, уполномоченную заявить, что крейсер готов выступить в поддержку восстания. В два часа дня орудия «Памяти Меркурия» были наведены на казармы гайдамацких и офицерских частей. Делегацию принял Кривошеев. Он

попросил уточнить, как понимать слова «готовы поддерживать рабочих», означают ли они, что крейсер «Память Меркурия», если потребуется, откроет огонь по гайдацким куреням.

— Наши орудия наведены на курени, но стрелять нам неудобно, — заявила делегация. — Украинские матросы не могут стрелять в украинских солдат.

Не было достаточно времени разъяснять меркурьевцам классовую сущность контрреволюционной гайдаматчины. Договорились, что «Память Меркурия» пошлет свои патрули для охраны города от уголовного мира. После этого судовой комитет крейсера передал в Севастополь радиogramму Центрофлоту: «Мы на стороне революционного штаба. «Ростислав» стрелял, мы готовы, но не стреляли»⁴.

Сводным отрядом, занявшим участок возле Чумного кладбища командовали член президиума Совета солдатских депутатов Алексей Холопов и матрос Афанасий Карапанов. Им предстояло выйти по Водопроводному переулку к линии железной дороги, соединиться там с железнодорожной Красной гвардией и вести наступление в двух направлениях — на вокзал Одессу-Главную и на Саперные казармы, где засели офицеры.

В Водопроводном переулке противник сопротивлялся слабо, однако возле самой железнодорожной линии окопались гайдамаки и юнкера. Их пулеметы простреливали кинжальным огнем все подступы к станции Одессе-Малой. Бой продолжался два часа, но отряду продвинуться не удалось. Тогда Холопов и Карапанов разделили отряд на две группы. Одна во главе с Холоповым осталась на прежней позиции, а с другой Карапанов вышел через территорию маслобойного завода к 5-ому Бассейновому переулку. Группа Карапанова оказалась в тылу засевших в районе Водопроводного переулка гайдамаков и неожиданно бросилась в атаку. Карапанов первым ворвался в укрепления неприятеля, его примеру последовали остальные. Враг не выдер-

жал атаки и бежал, большая группа гайдамаков сдалась в плен. В бою Карапанов был смертельно ранен, но сумел еще пробежать несколько шагов и с возгласом «Вперед!» упал. Подоспевшие матросы увидели, что он уже мертв. Радость победы была омрачена гибелью командира. Матросы на руках принесли тело Карапанова в порт.

После полудня 16 января центральная часть города была очищена от гайдамацких и офицерских частей. Бой переместился в привокзальный район. Лишь большой отряд офицеров все еще занимал дворец персидского шаха (ул. Гоголя, 2), находясь в тылу рабочих отрядов. Этот дворец сам по себе был олицетворением реакции. Царское правительство построило его для иранского шаха Мохаммеда Али, свергнутого народом в период иранской революции 1905—1911 гг. и поселившегося в Одессе. Дворец находился в очень удобном для обороны месте, на восточной возвышенности, террасой спускавшейся к морю.

Оперативный штаб принял решение осадить дворец и добиться капитуляции офицеров. В случае отказа—обстрелять здание из корабельных орудий. Выполнение этого задания поручалось отряду рабочих Пересыпи.

Вечером 16 января в оперативный штаб стали поступать сообщения о том, что отдельные группы гайдамаков прекращают стрельбу и через своих парламентаров заявляют, что больше не будут сражаться с красногвардейцами и моряками.

Поздно ночью Военно-революционный комитет в полном составе собрался в здании Румчерода. Ревкомовцы, днем находившиеся на боевых участках, сделали краткие сообщения о ходе боев, о потерях, которые понесли красногвардейские отряды и военные моряки. Из информации стало ясно, что капитулировали мелкие группы гайдамаков, в которых не было офицеров. При выработке тактической задачи на 17 января обнаружились разные точки зрения. Ряд членов комитета высказался за то, чтобы продолжать

бой за овладение каждой улицей, каждым кварталом города с уже занятых позиций.

— Надо теснить противника, чтобы он уходил из центра на окраины, а потом с окраин мы его отбросим в окрестности Одессы и дальше.

— С таким тактическим планом нельзя согласиться, — заявил Петр Лазарев. — Вооруженное восстание может затянуться на неопределенное время. Но допустим, что через несколько дней мы выгоним гайдамаков из окраин в пригородные села. А что же дальше? Как будем там вести борьбу с противником? Его ни в коем случае нельзя выпускать из города. Не следует забывать, что вокруг Одессы расположены немецкие колонии. Кулаки поддержат гайдамаков, враг наберется сил и снова пойдет на город. Есть еще одно важное обстоятельство. Гайдамацкие части продолжают сопротивляться потому, что чувствуют крепкую поддержку со стороны юнкеров и офицеров. Пехотное и артиллерийское училище — это база не только юнкеров, но и царских офицеров. Надо зайти в тыл противнику, сосредоточить главные силы на штурме военных училищ. Возьмем офицерский бастион — гайдамаки поднимут белый флаг...

Предложение Лазарева поддержали Кривошеев, Кондренко, Ачканов, Попов, Шерстобитов. Остальные члены ревкома отказались от прежней точки зрения. Тут же договорились, что штурм военных училищ надо начать внезапно, не дожидаясь утра. Выполнение этой задачи возложили на отряд военных моряков под командованием матроса с минного заградителя «Дунай» Федора Мокшина, на интернациональный отряд под командованием Миклоша Мельчоха и красногвардейский отряд во главе с младшим унтер-офицером Трофимом Жуковским.

Чтобы противник не смог сосредоточить свои силы на защите военных училищ, решено было одновременно предпринять наступление на вокзал Одессу-Главную и в районе штаба военного округа на Пироговской.

Штурм вокзала Одессы-Главной. (С картины художника М. Муцельмахера).

Перед закрытием совещания Кондренко сделал сообщение:

— Получена радиограмма Петлюры о том, что Центральная рада приняла закон о создании флота УНР. С момента провозглашения этого закона корабли Черного и Азовского морей должны поднять желто-блакитный флаг. Как будем выполнять закон Петлюры? — в шутку спросил он.

Не успел еще Кондренко закончить, как поднялся Скобло.

— Закон обходить нельзя. Закон свят, да Петлюра — супостат. Поэтому вношу предложение: закон в море утопить, а петлюровцев пленить, — закончил Скобло под смех присутствующих.

Члены ревкома отправились на свои участки, в оперативном штабе, который теперь расположился в здании Румчереда, остались Ачканов, Кривошеев, Лазарев и связные.

Ровно в 5 часов утра красногвардейцы, военные моряки и солдаты интернационального отряда пошли на штурм пехотного, артиллерийского и юнкерского училищ. Короткое, но кровопролитное сражение окончилось победой революционных отрядов. Офицеры и юнкера, увидев безнадежность своего положения, отошли.

Смешанный отряд рабочих и матросов под командованием Макара Чижикова бросился через Привокзальную площадь к зданию вокзала, где очень выгодную позицию занимали юнкера. Алмазовцы первыми ворвались в вестибюль. Враг не выдержал стремительного натиска и в панике бросился бежать. В этом бою погиб командир отряда матрос Василий Бабанский. Он был убит офицером из-за колонны уже в самом здании.

Через час после занятия вокзала были разбиты и офицерские части, засевшие в районе штаба военного округа.

Офицеры и гайдамаки, чувствуя, что им не удастся победить в открытом бою, стали применять различные коварные приемы. Они установили пулеметы на колокольнях Успенского собора, Херсонского и Архангело-Михайловского монастырей и обстреливали оттуда красногвардейские отряды и мирное население.

Возле Афонского подворья на Новорыбной улице находился небольшой отряд студенческой молодежи во главе с Иваном Савулькиным. А на углу Канатной и Большой Арнаутской забаррикадировался офицерский отряд. Офицеры подослали к молодежному отряду уличного мальчишку с просьбой якобы от матросов немедленно прийти к ним на помощь. Ничего не подозревавшие студенты поднялись и пошли на Канатную. А там была устроена ловушка, отряд попал под перекрестный огонь. Савулькин отстреливался, пока были патроны, потом поднял белый платок, но его

застрелили уже безоружного. «Слишком молод, чтобы защищать свои идеи с ораторской трибуны, он пошел на улицу с оружием в руках защищать революцию», — писала о Савулькине газета «Голос революции».

А вот другой эпизод. Военные моряки с боем подошли к юнкерскому училищу на Итальянском бульваре. Засевшим в нем офицерам и юнкерам был предъявлен ультиматум о сдаче. Неожиданно во дворе неизвестно откуда появилась группа матросов.

— Братва, за нами, сюда! — размахивая бескозыркой, громко кричал долговязый матрос с рыжеватой шевелюрой.

Наступавшие решили, что матросы пробрались во двор училища каким-то другим путем и поспешили к ним на помощь. Однако тотчас из окон затрещали пулеметы. Многие военные моряки были убиты и тяжело ранены. Оказалось, что юнкера переоделись в морскую форму и устроили провокацию.

Под вечер красногвардейцы и матросы начали штурм дворца персидского шаха. Осажденные яростно отстреливались из пулеметов, забрасывали атакующих бомбами, но и здесь решительное наступление революционных войск увенчалось успехом. Вскоре дворец был очищен от офицерского отряда.

В уличных схватках отличилась боевая дружина Союза социалистической рабочей молодежи под командованием большевика Семена Урицкого. Она вступила в бой 15 января у лесного склада со стороны дома Судебных установлений*. Вместе с матросами дружинники участвовали в штурме вокзала. Другая группа молодежи продвигалась к Итальянскому бульвару, где находилось юнкерское училище. В бою за училище погиб Алексей Златопольский — один из организаторов Союза Соцмола в Одессе.

Несмотря на ожесточенные бои в городе регулярно вы-

* Ныне здание управления Одесской железной дороги.

ходили большевистские газеты «Голос пролетария» и «Голос революции». Даже когда типография «Голоса пролетария» была захвачена противником, газета вышла вовремя—была отпечатана в другой типографии. Большую храбрость проявляли подростки-разносчики газет. О них писали в газетах, их называли «одесскими Гаврошами». С кипами экстренных выпусков в руках они храбро носились по «линии фронта», выкрикивая:

- Победа Красной гвардии над гайдамаками!
- Экстренные телеграммы!
- Почти весь город занят нашими!
- Геройский подвиг матросов!

Эти победные возгласы юных агитаторов воодушевляли защитников революции.

Особенно хорошо знали красногвардейцы и матросы подростка Федю Житкова. Он бесстрашно перебегал с одной улицы на другую, каким-то чудом удавалось ему пробираться буквально под градом пуль. Когда у Феди спрашивали, что за талисман спасает его, он весело отвечал: «Вот гляньте, «Голосом пролетария» называется!» И передав бойцам пачки газет, мчался дальше.

В последний день восстания гайдамацкая пуля сразила героя-газетчика. Он был убит на улице Жуковского. «Голос пролетария» и «Голос революции» посвятили памяти Феди Житкова специальные сообщения.

Выпуск газет и листовок в дни боев обеспечивал А. К. Воронский. Как он ухитрялся это делать — трудно сказать. Несколько раз распространялся слух, что Воронский убит, но он оказывался цел и невредим.*

После полудня 17 января в некоторых частях города еще продолжалась стрельба, а возле театра «Лиры» на углу

* Воронский Александр Константинович, член большевистской партии с 1904 года. После победы Советской власти был председателем Одесского Совета рабочих депутатов. Делегат X съезда РКП(б). Позднее редактор журнала «Красная новь».

Преображенской и Успенской улиц состоялся многолюдный митинг. Прибывшие на грузовике матросы с «Алмаза» сообщили о победе Советской власти, о том, что делегаты гайдамацких частей приняли условия капитуляции и признали Военно-революционный комитет единственной законной властью в городе. Речи ораторов были покрыты криками «ура» и аплодисментами.

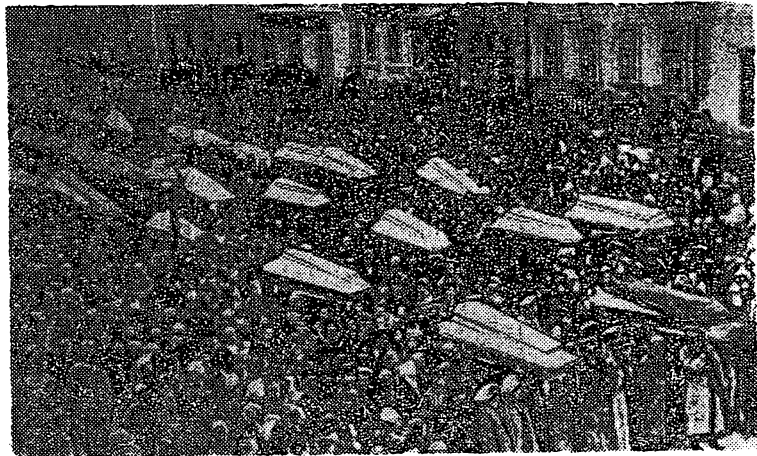
В адрес Совета Народных Комиссаров В. И. Ленину была отправлена телеграмма за подписью Юдовского: «После вооруженной борьбы одесского пролетариата, частей Одесского гарнизона и матросов Черноморского флота, продолжавшейся три дня, власть в Одессе перешла в руки Центрального Исполнительного Комитета Советов солдатских, рабочих и крестьянских депутатов Румынского фронта и Одесской области. Необходимо прислать представителей Совета Народных Комиссаров в качестве представителей центральной власти»⁵.

18 января газета «Голос пролетария» оповестила об окончательной победе вооруженного восстания в Одессе. «Баррикадный бой окончен,— писала газета,—революционный трудовой народ Одессы отстоял свое рабоче-крестьянское дело... Рабочие, солдаты и матросы разбили наголову прислужников помещиков и буржуазии».

В тот же день радиостанция «Алмаза» передала в Петроград и Севастополь радиограмму: «Контрреволюционное движение в Одессе подавлено. Организуется власть Советов. Город спокоен. Комиссар Кондренко»⁶.

В другой радиограмме, отправленной с «Алмаза» Украинскому Советскому правительству в Харьков, излагалась просьба о присылке в Одессу представителя Украинского Советского правительства.⁷

В январских боях рабочий класс Одессы, революционные моряки и солдаты под руководством большевистской организации разгромили превосходящие силы контрреволюции и завоевали себе право на свободную жизнь. В барри-

Похороны героев, погибших в борьбе за Советскую власть в Одессе во время Январского вооруженного восстания.

кадных боях на самых опасных участках находились большевики и соцмоловцы. Имена многих из них уже названы в книге, но это только небольшая частица закаленного авангарда бойцов, сражавшихся за установление власти Советов в Одессе. Можно бы многое рассказать о делегате VI съезда РСДРП(б) Артуре Зиффельде, секретаре Молдаванского райкома Якове Карпе, о члене ЦИК Румчерода Сергее Калининe, о красногвардейцах-ропитовцах Армене Агаларове, Дмитрие Мельникове и Василии Филюшкине (Васютине), об организаторе отряда Красной гвардии на заводе ЮРТА Дмитрие Сидорове, о членах бюро Военной организации при Одесском комитете РСДРП(б) Аркадии Бурле и Льве Жмудском, о железнодорожниках Петре Косареве, Петре Забудкине и Владимире Бессонове, о Владимире Рудницком и Михаиле Трюхе, об активных участниках январских боев работницах Варваре Майоровой,

Елизавете Левинской, боевой подруге Григория Скобло — Агафье Федоровне, и о многих других. Их жизнь и борьба за Советскую власть заслуживает отдельного рассказа.

21 января революционная Одесса хоронила героев, отдавших свою жизнь за Советскую власть. Весь город был в трауре. Улицы, по которым проходила траурная процессия, были запружены до предела. Рабочие, матросы и солдаты несли на плечах 117 цинковых гробов. Бесчисленное множество венков, красных полотнищ с траурными лентами, торжественное шествие многих тысяч вооруженных пролетариев представляли одновременно картину великой скорби и демонстрацию грозной революционной силы.

Похороны состоялись на Куликовом поле.

Командир отряда матросов алмазовец Василий Бабанский был похоронен 20 января на военном кладбище. Как сообщили газеты, похороны Бабанского состоялись «при большом скоплении матросов, стоящих в Одесском порту военных кораблей и рабочих... При опускании гроба был произведен салют».

ИНТЕРНАЦИОНАЛИСТЫ

«Будем рады вашей помощи, товарищи!» Румынский морской отряд. Олеко Дундич. На помощь интернационалистам. Под флагом солидарности.

В январские дни 1918 года вместе с рабочими, солдатами и матросами на баррикадах Одессы за власть Советов сражались румынский, чешский и сербский отряды, входившие в интернациональное подразделение Красной гвардии. Подразделением командовал венгр Миклош Мельчош. Румынский отряд возглавлял Георге Стройчиу, чешский — Адольф Шипек, сербский — Олеко Дундич.

В интернациональном подразделении находились также венгерские и польские бойцы. Всего в нем насчитывалось около 800 человек. Большинство бойцов составляли военнопленные, но были среди них и рабочие румынских предприятий, эвакуированных во время войны в Одессу, матросы румынских судов, поляки, работавшие на стекольных заводах.

Накануне вооруженного восстания в Одесский партийный комитет пришла группа военнопленных во главе с чехом Адольфом Шипеком. Они заявили, что хотят помочь одесским пролетариям в борьбе за власть Советов. В комитете пришедшим сказали: «Будем рады вашей помощи, товарищи!» и дали указание штабу Красной гвардии выдать им оружие.

Иной путь привел на баррикады Одессы румынских ин-

тернационалистов. В Одесском порту находилось много румынских торговых судов. Их матросы постоянно общались с русскими военными и торговыми моряками, от них узнавали о революционных событиях, происходивших в стране. Среди трудящихся румынской национальности вела разъяснительную работу группа румынских революционеров, стоявших на марксистско-ленинских позициях, — Михаил Бужор, Альтер Залик, Александру Николау и Георге Стройчу.

Адольф Шипек.

На II съезде Румчерода А. Николау говорил:

— Знайте, товарищи, что румынский народ смотрит на русскую революцию как на свою избавительницу. Румынский народ, угнетаемый королем и помещиками, видит единственную надежду на освобождение в победе русской революции и обращается к русскому народу с просьбой о спасении.

На съезде Румчерода произошла встреча Александру Николау с Артемом Кривошеевым. Последний и предложил создать в Одессе вооруженный отряд из румынских рабочих и моряков.

— У пролетариата и матросов Одессы есть достаточно вооруженных сил, — говорил он Николау, — но создание румынского революционного отряда будет иметь большое моральное значение. В городе живут люди многих национальностей. Если они заявят о своей поддержке революционных рабочих Одессы, то наша победа придет легче и быстрее.

Они договорились, что все вопросы, связанные с созда-

нием румынского морского отряда, будут рассмотрены в Совете матросских депутатов.

16 декабря Александру Николау и румынский матрос Георге Стройчиу явились на «Алмаз». Условились о проведении митинга румынских рабочих и матросов. Через несколько дней более 1500 румын собралось на Платоновском молу. Александру Николау рассказал им о развитии революции в России, об Октябрьском вооруженном восстании и призвал румынских трудящихся пойти по пути русских рабочих.

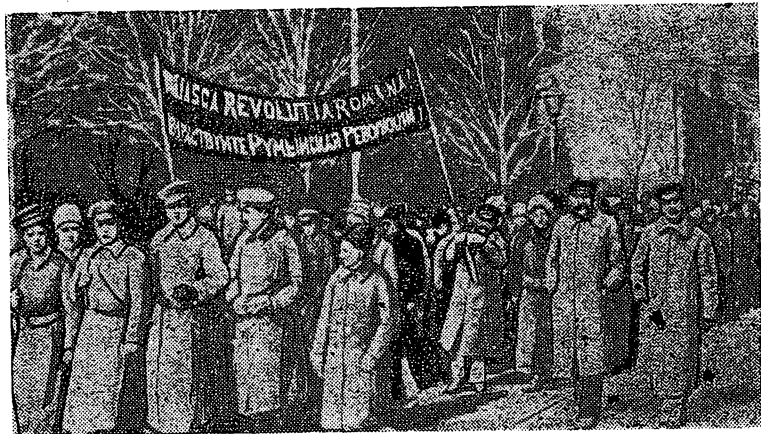
— Революция — не увеселительная прогулка, — говорил Николау, — на нее надо смотреть со всей серьезностью. Революция не обходится без жертв и лишений. И тот, кто решил идти на борьбу, не должен искать легкого пути.

После Николау слово взял секретарь Одесского комитета РСДРП(б) Заславский. Затем выступил матрос Василий Бабанский. Его речь переводил бессарабец Ион Мельнико. Заявление Бабанского о том, что матросы флагманского корабля Транспортной флотилии Черного моря «Алмаз» считают моряков румынских торговых судов своими братьями и готовы вместе с ними сражаться за мировую пролетарскую революцию, было встречено бурными аплодисментами.

Речи ораторов произвели на участников митинга глубокое впечатление. Многие румыны решили немедленно вступить в революционный батальон.

В дни Январского восстания румынский отряд вместе с красногвардейцами сражался в районе станции Одесса-Малая. В отбитом у гайдамаков станционном здании состоялся летучий митинг. Выступивший на нем солдат Михай Василиу, обратившись к красногвардейцам, сказал:

— Нас никто не посылал сюда, мы сами взяли оружие и добровольно пришли помочь вам изгнать буржуев и помещиков. Сегодня румынские матросы пролили свою кровь за русскую революцию, а завтра, возможно, вам придется

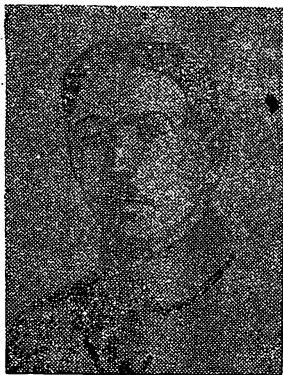
Бойцы румынского батальона на улицах
Одессы.

помогать нам. Так и должны всегда поступать рабочие люди.

Интересна также дальнейшая судьба отряда. После установления в Одессе советской власти румынские моряки участвовали в боях возле города Бендеры против румынских королевских войск, оккупировавших Бессарабию. Вместе с матросами «Алмаза» и «Синопа» отряд сражался против австро-германских интервентов возле станции Слободка.

Когда австро-германские войска в начале марта 1918 г. пришли в Одессу, им удалось арестовать группу бойцов отряда, намеревавшихся переправиться к себе на родину. Нашелся предатель, сообщивший охранке оккупантов, что в числе арестованных находятся активные участники борьбы против немецких войск.

Арестованных перевели в изолированное помещение. Им было объявлено, что по постановлению военно-полевого су-

Олеко Дундич.

да утром следующего дня их расстреляют. В последнюю ночь никто не мог уснуть. Все заключенные решили умереть так же мужественно, как сражались против врага. Перед рассветом отворилась дверь, и в камеру вошел неизвестный. Он вывел заключенных в соседнее помещение, оттуда по веревочной лестнице спустил их вниз и через полчаса они были в полной безопасности.

— Кто был наш спаситель, как удалось ему тайком проникнуть к нам, что случилось со стражей, мы так и не узнали. Известно только то, что это русский товарищ, — рассказывал впоследствии Илие Пинку, один из приговоренных к расстрелу румынских моряков.

Большую помощь революционным силам Одессы оказал сражавшийся в интернациональном подразделении сербский отряд под командованием Олеко Дундича.

Будучи раненым, Олеко Дундич попал в плен к австрийцам, бежал от них через Карпаты и в 1916 году прибыл в Одессу, где в то время находился Сербский добровольческий корпус, входивший в состав русской армии. В один из полков этого корпуса и вступил подпоручик Дундич.

В сербском полку господствовали жестокие порядки. Заметив, что солдаты проникаются революционными идеями, командование ввело телесные наказания. Дундич был очевидцем жестоких избиений солдат. Один из ближайших друзей Дундича Эмилий Чопп * рассказывает:

* Эмилий Чопп — в настоящее время находится на пенсии, проживает в г. Оренбурге.

«Помню, как подействовала на нас расправа над одним из солдат, отлучившимся куда-то без разрешения. По приказу полковника Поповича ему перед строем нанесли 25 ударов палкой. А когда он вернулся из госпиталя, мы увидели изуродованное тело. Солдат хромал, не мог наклониться.

Однажды ко мне подошел Олеко Дундич и спросил:

— Как ты смотришь, Эмилий, на все это?

— Как смотрю?! Такого в русской армии уже нет.

А вскоре экзекуции был подвергнут огромный детина, красавец Мендич. Результат — хромота, уныние, замкнутость.

После второй экзекуции Дундич пришел ко мне взволнованный, в сердцах бросил на пол фуражку и заявил:

— Нет, так больше не должно быть. Надо что-то делать.

Вскоре в полку была создана революционная организация, в которую вошли Олеко Дундич, я, Стойко Ратков * и другие. Прошло немного времени и при очередной встрече Дундич с удовлетворением говорил:

— Наша пропаганда делает свое дело... Полк становится иным».

22 марта 1917 года командир Сербского добровольческого корпуса, расквартированного в окрестностях Одессы, «отрешил от должности» 25 офицеров-добровольцев. Среди них находился и Олеко Дундич. Эти офицеры заявили, что они больше не желают служить сербскому королю. Олеко Дундич одним из первых публично, в присутствии офицеров штаба полка сказал, что он предпочитает остаться в России, чем продолжать службу в сербских королевских войсках. Всех «отрешенных» офицеров командование корпуса намеревалось выслать в Австрию.

* Стойко Ратков — впоследствии активный работник «Иностранной коллегии» в Одессе, в настоящее время проживает в Югославии.

— В Одессе сейчас две власти: одна буржуазная, а другая — рабочая, — говорил своим товарищам Олеко Дундич. — Обратимся за помощью в Совет, он не допустит выдачи нас на кровавую расправу австрийскому правительству.

23 марта делегация сербских офицеров посетила Одесский Совет рабочих депутатов. Сербь сообщили, что они хотят остаться в России, помогать русским рабочим в их революционной борьбе. В оставленном ими официальном заявлении говорилось: «Сербь австрийскоподданные, с возникновением войны по своим национальным убеждениям перебежавшие в Россию, высылаются сейчас в Австрию, где их ждут палачи, а поэтому обращаются к Совету за защитой».¹

Совет направил письмо сербских офицеров в газету «Солдатская мысль», которая опубликовала его на следующий день. Письмо вызвало горячий отклик. В редакции одесских газет немедленно посыпались отклики-протесты частей местного гарнизона, матросов, рабочих. Возмущение реакционными действиями командования Сербского добровольческого корпуса было настолько велико, что последнее вынуждено было направить в «Солдатскую мысль» письмо, в котором сообщалось, что сербские офицеры-добровольцы не высылаются в Австрию, а препровождены к Одесскому уездному воинскому начальнику для удаления их из Одессы как «недостаточно благонадежных», посягнувших на «основные военные принципы и правила».²

Спустя несколько дней после этого инцидента стало известно, что сербские части должны покинуть Россию и выехать к себе на родину. Однако многие солдаты и офицеры уходили из своих полков и оставались в России. Вместе с большой группой соотечественников отказался покинуть Россию и Олеко Дундич. В разговоре с товарищами о возвращении домой Дундич заявил:

— Сейчас это невозможно. Надо до конца доводить ре-

волюцию в России. Видимо, надолго придется распрощаться с родиной. Ну, а если там возникнет революция, за нами дело не станет.

После победы Октябрьского вооруженного восстания в Петрограде Дундич решительно стал на сторону Советской власти. Он сформировал в Одессе отряд из революционно настроенных сербских солдат, который вместе с другими интернационалистами сражался с гайдаками и офицерскими частями.³

В полдень 16 января оперативный штаб на «Алмазе» получил сообщение, что интернациональное подразделение под командованием Миклоша Мельчоха попало в тяжелое положение. Зашедшие в тыл гайдамаков со стороны 4-й станции Большого Фонтана интернационалисты были атакованы значительно превосходящими силами противника. Отойдя к поселку Дмитриевке, интернационалисты окопались и в течение нескольких часов отражали яростные атаки.

Интернациональный отряд нуждался в срочном подкреплении, но в резерве не было ни одного отряда, все они находились на боевых позициях. В порту имелись только две небольшие вооруженные группы — рабочих завода Анатра и торговых моряков. Перед командирами групп рабочим-красногвардейцем Петром Коробовым и матросом Лукой Супряженко была поставлена боевая задача — помочь интернационалистам, и через полчаса отряд, усиленный освободившимися от вахты матросами «Алмаза», отправился в город.

Между 2-й и 3-й станциями Большого Фонтана находился небольшой завод Южнорусского торгового акционерного общества авиации (ЮРТА). Завод имел важное значение как стратегический пункт, так как находился в тылу школы прапорщиков и вблизи артиллерийского училища. Сюда направился отряд, спешивший на помощь бойцам Миклоша Мельчоха. К заводу отряд прибыл без каких-либо препятствий. Дальше можно было двигаться двумя

Семен Лунев.

путями: через виноградники подойти к месту расположения интернационального подразделения или же по Большефонтанской дороге выйти во фланг неприятельских войск. Избран был второй путь.

Возле поселка Чубаевка отряд рабочих и моряков был обстрелян гайдаками. Группы Коробова и Супряженко вступили в бой, отвлекая на себя неприятеля, а алмазовцы под командованием машиниста Семена Лунева ударили с левого фланга. Раненого Лунева сменил матрос Ларион Зеня. Вско-

ре был ранен и Зеня, но он не оставил поля боя.

Получив подкрепление, интернационалисты перешли в наступление. К вечеру гайдаки вынуждены были отойти к своим курням. Участок между Дмитриевкой и Чубаевкой был полностью очищен от противника. В схватке погибли командир анатровской группы Петр Коробов и матрос Николай Куренков.

В этом бою отличился и сербский отряд Олеко Дундича. Унтер-офицер Милан Лазарев сумел проникнуть в артиллерийское училище, где беспрепятственно осмотрел все наскоро сооруженные укрепления, беседовал с офицерами и солдатами. Он установил, что училище и прилегающую к нему территорию защищает отряд прапорщиков, только-только произведенных из юнкеров, в количестве свыше 400 человек. Получив необходимые данные о противнике, отряд Дундича вместе с прибывшими на подмогу красногвардейцами и матросами внезапной атакой нанес такой стремительный удар, что прапорщики после короткого сопротивления вынуждены были сложить оружие. В атаке были ра-

нены Олеко Дундич, Милан Лазарев, Жура Дрожич и Светозар Дронов.

Участие сербского революционного отряда в январских боях за установление Советской власти в Одессе, а также несение им службы по охране города после победы над войсками Центральной рады были специально отмечены в приказе от 1 февраля 1918 года * комиссаром по охране города Д. Гурьевым.

Под командованием Миклоша Мельчоха мужественно сражались также польские солдаты, находившиеся в Одессе после демобилизации. В бою был убит Станислав Боровский и ранен Бронислав Бадер. И уже после разгрома петлюровцев погиб бывший улан Ян Краковецкий. Во время демонстрации, посвященной установлению Советской власти в Одессе, он шел с красным знаменем во главе колонн. На Ришельевской улице предательским выстрелом из слухового окна Краковецкий был сражен наповал.

Так плечом к плечу с русскими и украинцами в рядах Красной гвардии г. Одессы храбро сражались против врагов революции многие славные сыны румынского, сербского, польского, венгерского и других народов. Еще в первые дни социалистической революции мостовые Одессы были обгажены кровью представителей братских народов.

* Все даты до 1 февраля 1918 года даются по старому стилю, с 1-го февраля — по новому стилю.

ТРЕВОЖНОЕ ВРЕМЯ

После боя. Строительство новой жизни. Трудности и ошибки. Тревожные вести с Дуная. Инициатива и стойкость. Борьба с заговорами. Заявление алмазовцев. Нити заговора ведут к меркурьевцам. Воззвание к интеллигенции.

18 января от имени Военно-революционного комитета в газете «Голос пролетария» были опубликованы основы мирного договора с капитулировавшими гайдамаками. На первых порах властью, ведавшей порядком в городе, являлся Военно-революционный комитет. Его председателем 19 января был избран матрос А. Т. Кривошеев. Наиболее важные общественные и государственные учреждения охранялись красногвардейцами и матросами. Охрана центра города возлагалась на Ахтырский полк.

В обращении к населению Военно-революционный комитет писал:

«Советская власть в ближайшие дни, объединив весь трудовой народ Одессы, вступит в свои полные права. Сейчас же Временный революционный комитет призывает всех вас, товарищи и граждане, приступить к восстановлению нормальной жизни.

Общими усилиями всего трудового населения водрузим прочно знамя нашей революции над г. Одессой и да будет она оплотом рабочей и крестьянской власти на Юге»¹.

На следующий день после прекращения боев рядовые гайдамаки разъезжали на тачанках по городу без оружия с белыми флагами и кричали, обращаясь к красногвардейцам:

— Нас обдурили! Ми теж всі за Радянську владу! Давайте миритися!

На «Алмаз» приехал голова полковой рады 2-го пластунского полка старший урядник Големка. Он передал следующее заявление:

«Собрание членов полковых и сотенных рад Украинских частей просит Совет матросских депутатов довести до сведения всех военных и вольнонаемных моряков, что Украинская дивизия * фактически не хотела принимать участия в боях, поэтому рабочие и матросы мирным путем заняли все учреждения города. Стоящим у власти Одесской Украинской рады Луценко и Вербицкому и комиссару Центральной рады полковнику Поплавко это не было приятно и они поспешили объявить войну, повели агитацию среди гайдамаков и часть из них втянули в бой. Когда гайдамаки явились на место боя, то им стало ясно, что под видом гайдамаков засели офицеры и юнкера, ничего общего не имеющие с Украинской дивизией».

Големка сообщил, что такое же заявление он передал Военно-революционному комитету для сведения граждан Одессы.²

После установления Советской власти партийная организация Одессы уделила большое внимание укреплению новых органов власти и привлечению к их деятельности трудящихся города и области. Немедленно были проведены перевыборы Одесского Совета рабочих депутатов, в котором до последних дней заправляли меньшевики и эсеры. В новоизбранном Совете и его руководящих органах значительно преобладали большевики и им сочувствующие.

* В состав Украинской пешей дивизии, созданной в декабре 1917 года, входили: 1-й и 2-й гайдамацкие пластунские полки, 270-й и 277-й пехотные запасные Украинские полки, 1-й гайдамацкий конный полк, сводный пулеметный полк и Одесская артиллерийская украинская бригада.

Центральный исполнительный комитет Румчерода избрал Одесский Совет народных комиссаров во главе с В. Г. Юдовским. Для руководства отдельными участками государственной и хозяйственной деятельности были созданы комиссариаты: труда, почты и телеграфа, юстиции, финансов, печати, промышленности и торговли, продовольствия, образования, морских сил и др. Комиссариаты возглавили большевики П. И. Старостин, Г. П. Ачканов, Л. И. Рузер, А. И. Хмельницкий, П. И. Кондренко, С. М. Жвиф и другие.

Совнарком и комиссариаты Одессы в своей практической деятельности руководствовались постановлениями Совета Народных Комиссаров РСФСР и Советского правительства Украины. Комиссариат труда объявил недействительными все распоряжения Временного правительства и Центральной рады в области рабочего законодательства, наметил меры по переводу промышленности с военного на мирное производство и ликвидации безработицы. На фабриках и заводах был введен восьмичасовой рабочий день, запрещен детский труд. Комиссариат обязал владельцев предприятий признать рабочий контроль на производстве и предупредил их, что за нарушение прав трудящихся промышленники будут привлекаться к строгой ответственности. Вводилось социальное страхование рабочих, улучшались их жилищные условия. Многие семьи из подвалов переселялись в квартиры, которые ранее принадлежали богачам.

Советские органы повели решительную борьбу с саботажем буржуазии, ставшей на путь массового закрытия фабрик и заводов. Наиболее злостных саботажников судил Революционный трибунал. Были опубликованы декреты о национализации некоторых крупных предприятий, о борьбе со спекуляцией, прекращении деятельности черносотенных организаций, закрытии реакционных газет.

Налаживая жизнь в городе, Одесский партийный коми-

тет одновременно уделял большое внимание и селу. В уезды выехали представители и агитаторы комитета для разъяснения крестьянству смысла происшедших в городе событий и для организации подвоза в Одессу продовольствия. Под руководством большевиков крестьяне осуществляли ленинский декрет о земле, забирали и делили между собой помещичьи земли.

Большую помощь Одессе в восстановлении разрушенного войной хозяйства оказало Советское правительство РСФСР. При первой же представившейся возможности Совнарком отпустил для нужд города 60 миллионов рублей. Центральный Комитет внимательно следил за работой Одесской партийной организации, помогал ей советами, указывал на допущенные ошибки. ЦК продолжал укреплять Одесскую организацию кадрами, особенно работниками, знающими военное дело.

С каждым днем все более восстанавливалась деятельность промышленности и транспорта, укреплялся революционный порядок в городе. Молодая Советская власть делала первые шаги по ликвидации безработицы, налаживанию здравоохранения. Состоялись многочисленные собрания и митинги, для населения устраивались публичные лекции и доклады. Политическая обстановка в это время характеризовалась бурным подъемом революционного настроения трудящихся масс.

Однако положение Одессы было тяжелым. Оно объяснялось общей ситуацией, в которой находились тогда Украинская Советская Республика и Советская Россия. Государственное и хозяйственное строительство осуществлялось в условиях ожесточенной борьбы с внутренними и внешними врагами революции. Меньшевики, эсеры, кадеты, буржуазные националисты пытались сорвать мирные переговоры с Германией, стремились расчленить страну на отдельные, изолированные друг от друга части.

В первых числах января 1918 года войска королевско-

боярской Румынии вторглись на территорию Бессарабии и стали продвигаться в направлении Одессы. Советское правительство предложило румынскому правительству мирным путем урегулировать советско-румынские отношения, но это предложение было отвергнуто.

В условиях начала вооруженной интервенции был принят по инициативе В. И. Ленина декрет Совнаркома РСФСР о создании Рабоче-Крестьянской Красной Армии. Советское правительство Украины решило организовать народно-революционную социалистическую армию. 24 января 1918 года был издан приказ по Одесскому военному округу о порядке формирования частей Красной Армии. В ее ряды влились отряды Красной гвардии и матросов, а также воинские части бывшего Румынского фронта. Одесский партийный комитет приступил к комплектованию Ленинского батальона. Создавалась также особая армия Одесского округа под командованием П. С. Лазарева, в состав которой входили конно-разведывательный отряд Г. Котовского, бронированный поезд во главе с комиссаром Я. Околотиным и другие части.

В этот период в Одессе существовал Совет рабочих депутатов, действовал Румчерод, как высший руководящий и контролирующий орган власти, и был создан Совет народных комиссаров с комиссариатами. При столь сложной структуре органов Советской власти страдало общее дело.

Организуя Советскую власть в городе, одесские большевики пошли по пути копирования центральных органов государственной власти. Создание Одесского Совнаркома и комиссариатов, в том числе и комиссариата по иностранным делам, свидетельствовало о том, что местные работники еще не отрешились от ошибочных взглядов, приведших к объявлению Одессы «вольным городом».

В деятельности Совета рабочих депутатов, Румчерода и Совета народных комиссаров отсутствовала согласованность. Комиссариаты были слабо связаны с массами, ко-

миссары единолично решали вопросы, издавали многочисленные приказы, которые часто не выполнялись.

В Одессе было много уголовного элемента, и органам власти не удалось установить в городе полного порядка. Часто случались налеты и грабежи. Характерен такой факт. 13 февраля 1918 года команда «Синопа» устраивала вечер в пользу народного просвещения. Она обратилась через газеты к ворам и налетчикам с предложением не совершать в эту ночь грабежей. В ответ на обращение на «Синоп» явились представители «ассоциации» карманных воров и сделали судовому комитету заявление: «Мы, представители воров города Одессы, даем вам обещание, что в этот день ни одного грабежа не совершим: мы сами будем патрулировать в городе и предупреждать грабежи». А в газетах появилось официальное извещение от имени воров: «Граждане! Идите смело на бал-маскарад. Оставляйте двери открытыми, в эту ночь мы не работаем».

Действительно, ночь прошла спокойно. Но сам этот факт говорил о ненормальной обстановке в городе.

Контрреволюционные элементы нередко использовали в своих целях налетчиков и грабителей. Борьба с уголовным миром отнимала много сил у молодой Советской власти.

Разгромив в Одессе националистическую контрреволюцию, революционные войска вынуждены были сразу же вступить в тяжелые бои с объединенными силами румынских и белогвардейских войск, к которым присоединились гайдамаки. 22 января 1918 года ЦИК Румчерода постановил считать себя в состоянии войны с королевской Румынией.

26 января между советскими и румынскими войсками было заключено перемирие на 48 часов. Командование революционных отрядов в обращении к румынскому народу, переданному по радио, заявило, что советские войска вынуждены были воевать против румынского королевского правительства, которое организовало нападение на Бесса-

рабию, а румынских рабочих и крестьян считают своими братьями.³

Тем временем враждебные элементы стали распространять в Одессе слухи о том, что город будет сдан румынам без боя. Дошли они и до Севастополя. Главный комиссар Черноморского флота Роменец вызвал по прямому проводу Кондренко и Зедина.

— Какое у вас сейчас положение? — поинтересовался Роменец.

— В Одессе в общем спокойно, — доложил Кондренко. — Перемирие с румынами кончилось. Вероятно, возобновятся военные действия. Организуем отряды добровольцев для посылки на фронт.

— Товарищ Кондренко, к нам доходят слухи, что Одесса не собирается сопротивляться врагу. В чем дело?

— Это лживые слухи, их распространяют трусливые мещане. Всех, кто занимается сплетнями, арестовываем. Скажите, где теперь Шерстобитов? — в свою очередь спросил Кондренко. — Он обещал мне, что скоро организует отряд матросов и придет в Одессу нам на помощь.

— Шерстобитов с агитаторами отправился в Феодосию, Керчь и Мариуполь для формирования отряда. Надеемся, что к концу этой недели будет создан отряд в 6—7 тысяч человек.

— Выступление Центральной рады и румынских властей создало у нас сложную обстановку гражданской войны. С нетерпением жду Шерстобитова. У вас есть прямая телеграфная связь с Петроградом?

— Да.

— Прошу вас попросите Петроград, чтобы нам в Одессу прислали хорошего стратега и человека опытного в международных делах. Еще раз повторяю, что перемирие истекло и вряд ли будет продлено.

— Сейчас передам вашу просьбу Совету Народных Комиссаров в Петроград, — пообещал Роменец. — Нуждае-

тес ли вы в «Ростиславе»? Может быть, временно мы его направим на другой участок?

— Нельзя! В «Ростиславе» здесь острая нужда,— возразил Кондренко.— Я прошу вас выслать нам еще хотя бы один миноносец и мелководные катера, которые я просил раньше. Медлить нельзя ни минуты. Только что Зедин разговаривал с комиссаром охраны Аккермана. Он сообщил, что гайдамаки и румынские войска вошли в город и арестовывают членов Совета.

— Отряд будет на этой неделе. Катера и миноносец постараемся выслать.

Командование румынских войск использовало перемирие для подтягивания резервов. Противник пытался овладеть кораблями Дунайской советской флотилии. Румыно-боярские войска стали захватывать придунайские города — Рени, Измаил, Килию, Вилково.

17 февраля в Одессу прибыл комиссар Дунайской флотилии А. Г. Железняков. * Поздно ночью на «Алмазе» открылось заседание исполкома Совета матросских депутатов и представителей судовых комитетов. Обсуждался вопрос о событиях под Вилково в связи с отходом кораблей Дунайской флотилии и занятием города королевскими войсками. А. Г. Железняков говорил:

— Обстановка на Дунае резко ухудшилась. В конце января румынские войска, поддержанные монархистом Щербачевым, заняли Измаил и Килию. На улицах этих городов появились городовые и полицейские старого режима. Началась настоящая охота на военных моряков. За каждого матроса Щербачев обещал выдавать 1000 рублей. Схваченные немедленно расстреливаются.

Представители судовых комитетов, обсудив сообщение Железнякова, заявили, что матросы готовы на кораблях и

* Анатолий Григорьевич Железняков — матрос Балтийского флота, герой гражданской войны, смертельно ранен 26 июля 1919 года в бою.

Анатолий Железняков.

на сухопутном фронте самоотверженно сражаться против войск Румынии.

Участники заседания покидали «Алмаз» на рассвете. А утром в помещении Нового театра состоялось собрание моряков судов Одесского рейда. С огромным вниманием вслушивались матросы в слова Железнякова, сообщившего об оставлении Дунайской флотилией устья Дуная и о причинах отступления.

— Балтийцы, — говорил в заключение Железняков, — в ответ на приказ о демобилизации заявили, что пока останется хотя бы один контрреволюционер, они будут находиться на своих постах и защищать революцию. А что черноморские моряки?

Отвечая на этот вопрос, представители кораблей в своих речах заявляли, что они твердо следуют примеру балтийцев.

25 февраля А. Г. Железняков был назначен Советским правительством командующим морскими силами, действовавшими против румынских войск. Его штаб разместился на «Алмазе».

Чувствуя свою неизбежную гибель, буржуазно-националистическая Центральная рада вступила в тайный сговор с немецкими империалистами. Еще 27 января 1918 года она подписала с Германией и Австро-Венгрией договор, прикрываясь которым германские империалисты стали захватывать украинские города и села. Они рассчитывали оторвать Украину от Советской России, захватить ее богатства и поработить украинский народ.

Захватнический поход австро-немецких оккупантов и

наступательные операции румынских королевских войск окрыляли контрреволюцию. В Одессе подняли голову провокаторы, сеятели паники, спекулянты. Обострению обстановки в городе способствовали газеты «Одесские новости», «Одесский листок», меньшевистская газета «Южный рабочий», которые, несмотря на открыто враждебные выступления и подстрекательство против Советской власти, не были закрыты. В городе все еще продолжали находиться большие группы офицеров царской армии. Хотя черносотенные организации и были официально распущены, но некоторые из них ушли в подполье. Открыто существовал «Союз георгиевских кавалеров», где нашли себе пристанище контрреволюционные элементы.

Много хлопот было с Советом безработных, во главе которого стоял анархист Хаим Рыт. Этому совету удалось повести за собой значительную часть безработных Одессы. Под его крылышком пригрелось немало различных антисоветских элементов. Совет занимался вымогательством, требовал предоставления безработным во всех столовых и ресторанах бесплатных обедов, организовывал демонстрации под лозунгом: «Вся власть в Одессе — Совету безработных!»

По городу усиленно циркулировали слухи, что Советы в Одессе переживают последние дни, что вот-вот власть вновь перейдет к Городской думе.

Разобщенность в действиях Совета депутатов, Румчерода и Одесского Совета народных комиссаров дальше становилась нетерпимой. По инициативе Одесского комитета РСДРП(б) в феврале несколько заседаний Румчерода было посвящено обсуждению вопроса об укреплении органов власти. Обсуждение показало, что у ряда работников все еще нет четкого представления о том, что надо сделать для повышения роли Советов.

— Неурядицы происходят из-за отсутствия власти, — справедливо заявлял Скобло. — Есть одни приказы, а под-

линой власти нет. Надо предварительно вести агитацию, а затем уже приказывать.

Железняков выдвигал как одну из первоочередных задач — усиление помощи Красной Армии, вовлечение рабочих в армию.

— Дело не в количестве, а в качестве,— говорил Железняков.— Армия больных душой и телом не будет сильна. Но для того, чтобы привлечь добровольцев, необходимо обеспечить их семьи.

На принятии более решительных мер настаивал Кондренко. Он предлагал обложить буржуазию контрибуцией, выселить ее из центра города, а в освободившихся домах поселить рабочих.

— Кризис власти,— утверждал Юдовский,— возник вследствие того, что мы поздно и плохо объединились с Советами. Необходимо тесно объединиться с местными Советами. Там сидят наши же товарищи, разделяющие точку зрения большинства Румчерода.

В результате обсуждения вопроса об упрочении власти Одесский комитет РСДРП(б) принял ряд важных мер. Совет народных комиссаров г. Одессы преобразовывался в областной орган власти. Исполком Одесского Совета рабочих депутатов сосредоточил свое внимание на удовлетворении нужд города. Более четко определялись взаимоотношения между Румчеродом и Советом народных комиссаров. Роль последнего значительно повышалась. Если раньше один и тот же вопрос можно было решать в Совнаркоме и в Румчероде, что вносило неразбериху и обезличку, то теперь все вопросы, связанные с мирным строительством, решались только в Совнаркоме. Румчерод оставался контролирующим органом и уделял больше внимания военным вопросам и внешней политике.

Было признано целесообразным, чтобы функции председателя Совнаркома и Румчерода осуществлялись разными лицами. Если до этого председателем Совнаркома и

председателем Румчерода был В. Г. Юдовский, то теперь Юдовский сосредотачивался на работе в Румчероде, а председателем Совнаркома был назначен П. И. Старостин.

Важным мероприятием явилось создание комиссии по борьбе с контрреволюцией. Эта комиссия размещалась на «Алмазе» и в своей деятельности опиралась на команду крейсера.

20 февраля Одесский комитет провел на «Алмазе» совещание представителей городских властей и команд кораблей, на котором обсуждались меры по усилению борьбы с саботажем буржуазии и провокациями. Было принято решение: всех офицеров царской армии, не пожелавших вступить в Советские войска, отправить из Одессы на кораблях в Феодосию и Николаев.

В этот же день в здании Городского театра собралось около двух тысяч офицеров, решивших предъявить Совету рабочих депутатов подобие ультиматума. В адрес Советской власти раздавались угрозы, прибывших представителей Совета внутрь здания не пропустили, на требование покинуть театр и разойтись последовал категорический отказ. Тогда исполком Совета обратился к судовому комитету «Алмаза» с просьбой помочь освободить помещение театра от непрошенных гостей. На крейсере немедленно были сформированы отряды. Увидев, что матросы накапливаются у театра, офицеры спешно разошлись.⁴

21-22 февраля банды уголовников и других темных личностей совершили нападения на винные склады и в городе начались пьяные дебоши. 24 февраля на «Алмазе» после обсуждения доклада Кондренко представители судовых комитетов приняли постановление: «Все вино, находящееся в Одессе, уничтожить на местах. Спирт же, необходимый для медицинских и технических надобностей, свезти в одно место по указанию Совета народных комиссаров г. Одессы и поставить усиленный караул».⁵

Отряды военных моряков и Красной гвардии тотчас

приступили к уничтожению запасов вина. Особенно много спиртных напитков было уничтожено в подвалах на Греческой, Прохоровской и Большой Арнаутской улицах.

Чтобы навести порядок в городе, Совет народных комиссаров постановил объявить Одессу на осадном положении. Эта мера должна была сыграть положительную роль в борьбе с контрреволюцией. Однако уже 26 февраля по настоянию меньшевиков исполком Совета рабочих депутатов решил снять осадное положение, поскольку оно якобы не приносит ожидаемых результатов.

В ночь на 2 марта по постановлению Румчерода были арестованы 69 представителей крупной буржуазии. Это следовало сделать значительно раньше. Судовой комитет «Алмаза» еще в начале февраля обратился в Румчерод с предложением изолировать наиболее реакционно настроенную группу крупной буржуазии, но принятие решения задержалось по каким-то причинам. После ареста главарей одесской буржуазии газеты враждебного революционному направлению подняли шумную кампанию в их защиту, и 4 марта все арестованные были освобождены.

Нерешительность и колебания, проявленные с введением и снятием осадного положения, с арестом и освобождением заправил крупной буржуазии, не способствовали укреплению порядка и дисциплины в городе.

Активная поддержка командой «Алмаза» революционных мероприятий высоко подняли авторитет и влияние алмазовцев среди всех военных и торговых моряков. Теперь, если надо было привлечь матросов к выполнению какого-либо задания, местные власти устанавливали связь прежде всего с «Алмазом».

Румчерод и Одесский Совет рабочих депутатов наладили тесный контакт с Советом матросских депутатов. На «Алмазе» часто проводились совещания, в которых участвовали руководители одесских большевиков Старостин и Юдовский. Для охраны города на крейсере был создан спе-

циальный отряд, который находился в непосредственном подчинении А. Кривошеева.

Буржуазная печать подняла шумиху, распространяя клевету и различные небылицы о моряках. Тон в нападках на матросов задавала меньшевистская газета «Южный рабочий». Она старалась не пропустить ни одного удобного случая, чтобы не лягнуть «Алмаз» и алмазовцев. Буржуазные и соглашательские газеты писали, что на «Алмазе» расстреливают и выбрасывают в море каждого, кто туда попадет, что многие десятки белогвардейских офицеров и представителей одесской буржуазии уже находятся на морском дне.

В «Одесских новостях» и «Одесском листке» под заголовком «Тайны «Алмаза» появились сообщения «из достоверных источников» о том, что водолаз, спустившийся на морское дно около «Алмаза», будто увидел там целый «митинг» утопленников с привязанным к ногам балластом. От испуга водолаз якобы сошел с ума. Нашлись даже «очевидцы», знавшие этого водолаза.

Городская дума, все еще продолжавшая свое существование, поставила на обсуждение вопрос «о бессудных казнях на «Алмазе», но посетившая крейсер думская делегация ничего предосудительного на нем не обнаружила. Однако провокационные слухи, подогреваемые «Южным рабочим», продолжали распространяться. Тогда в газетах 3 марта было опубликовано «Заявление команды «Алмаза». В нем говорилось:

«Ввиду того, что в последнее время в Одессе распространяются самые нелепые и лживые слухи о нашем корабле, весь судовой состав «Алмаза» считает своею обязанностью осветить истинное положение вещей, дать разъяснение всему одесскому населению и снять позорящие корабль лживые наветы, так как все то ужасное, что говорят об «Алмазе», есть одна вопиющая неправда...

Весь судовой состав «Алмаза» заявляет, что до сего момента на нашем корабле не пролилось ни единой капли крови, ни

одной жизни не было отнято на «Алмазе», ни одного насилия не было совершено.

Мы, алмазовцы, знаем, что все эти ужасные слухи распространяются двояким образом. С одной стороны, любители всяких сенсаций и сплетен, шумихи, бездельники, болтуны в кофейнях и на перекрестках жадно ловят всякую ложь и распространяют дальше, конечно, с прибавлением и «от себя». Другой же источник — это провокация, которая уже вполне обдуманно и намеренно стремится подорвать доверие к кораблю, который является в Одессе одним из оплотов революции». ⁶

Доставлялись ли на «Алмаз», где находилась комиссия по борьбе с контрреволюцией, арестованные черносотенцы, налетчики, спекулянты, различные темные личности? Да, доставлялись и довольно часто. Но там их не держали ни одного дня, на крейсере даже не было для этого соответствующего помещения. Всех задержанных и доставленных на «Алмаз» немедленно отправляли оттуда в революционный трибунал или в тюрьму.

Враждебные нападки буржуазных газет по адресу моряков продолжались и после заявления команды крейсера. Тогда судовой комитет «Алмаза» вошел с официальным ходатайством в Совет народных комиссаров о закрытии газет «Одесские новости», «Одесский листок» и «Одесская почта», как главных распространителей клеветы и провокаций. Комиссары согласились с предложением судового комитета. 8 марта «Одесские новости» вышли с сообщением: «В три часа ночи получено с «Алмаза» распоряжение, что «Одесские новости» временно закрываются до особого распоряжения». Такие же распоряжения были направлены и остальным реакционным газетам.

Служил на «Алмазе» матрос Сергей Ткачук, по специальности комендор. Он состоял в судовом оркестре, мог играть на любом музыкальном инструменте, довольно сносно пел, знал множество затейливых фокусов, которыми на до-

суге развлекал матросов. Была у Ткачука еще одна страсть — книги. И если у судового библиотекаря фельдшера Белова можно было получить только душевспасительные брошюры, то у Ткачука к услугам любого матроса имелись произведения Толстого, Чехова, Короленко. После Февральской революции стало известно, что Ткачук давал читать некоторым своим товарищам и нелегальные книжки.

В сентябре 1917 года Ткачук попал в одну историю. В то время на «Алмазе» находились лейтенанты английской службы Г. Бишон, Е. Колинг и капитан Р. Тинтон, бежавшие из турецкого плена. Ткачук, самостоятельно изучавший английский язык, все свободное время старался проводить с Колингом, который держался весьма просто. Однажды он в шутливой форме сказал англичанину:

— Мы с Николашкой разделались, пора и вам кончать со своим королем. Начинайте, мы вам поможем!

Разговор этот услышал Р. Тинтон. Он немедленно заявил командиру крейсера Киселеву протест, обвинив русского матроса в подстрекательстве к свержению английского короля. В связи с таким дипломатическим демаршем за Ткачуком закрепилась кличка «дипломат».

Об английских моряках и их конфликте с Ткачуком можно было бы не упоминать, если бы с этим матросом не было связано одно важное событие.

В первых числах февраля 1918 года, получив увольнение на берег, Ткачук прогуливался около ресторана «Французский» на Екатерининской улице. Ему по какому-то делу

Сергей Ткачук.

надо было встретиться со знакомым музыкантом. Побеседовав с товарищем, Ткачук уже хотел было распрощаться, как к ним подошел один человек в полувоенном костюме. Разговорились, зашли в ресторан. Новый знакомый решил угостить моряка. За столиком он пытался выведать у Ткачука некоторые подробности о порядках на «Алмазе», интересовался, есть ли у него знакомые матросы с «Синоп». Это вызвало у Ткачука подозрение и он задержал незнакомца.

Матрос с «Синоп» Александр Кривобок узнал в задержанном офицера, который, переодевшись в матросскую форму, во время боя 16 января находился во дворе юнкерского училища на Итальянском бульваре и завлек матросов в ловушку. Офицера арестовали и доставили на «Синоп». У него обнаружили документ, из которого было видно, что задержанный имеет связь с подпольной монархической организацией. Он вынужден был признать, что является участником контрреволюционного заговора против Советской власти. В заговоре участвовали многие офицеры местного гарнизона, организовавшие «Союз спасения Родины». Они ставили своей целью взорвать линкор «Синоп» и крейсер «Алмаз», убить видных членов Румчерода и руководителей революционных матросских организаций. Для осуществления своих планов заговорщики намеревались подкупить некоторых матросов с «Алмаза» и «Синоп». Этим, в частности, и попытался заняться светловолосый офицер, познакомившись с Сергеем Ткачуком.

Большинство участников заговора было арестовано.

— Первый раз я монархию свергал, во второй раз меня английская монархия чуть не свалила, а в третий раз — хотели привлечь меня для восстановления монархии, — шутил говорил о себе Ткачук.

Не прошло и нескольких дней после раскрытия монархического заговора «Союза спасения родины», как был обнаружен диверсионно-шпионский центр в особняке Котля-

ровских на углу улиц Садовой и Петра Великого. На доме находилась вывеска: «Школа анархистов имени Франциска Ферраро», а в действительности под этой вывеской действовала контрреволюционная организация, ставившая своей целью свержение Советской власти в Одессе. На средства капиталистов она печатала и распространяла воззвания и листовки, накапливала оружие. Боевая дружина Одесского комитета партии случайно обнаружила на транспорте № 56 орудия, снаряды, винтовки. Об этом было немедленно сообщено в Румчерод и на крейсер «Алмаз». Расследование показало, что это оружие предназначалось для «Школы анархистов».

На следствии выяснилось, что со «школой» были связаны и некоторые офицеры крейсера «Память Меркурия». Кондренко, согласовав вопрос с Румчеродом, потребовал от Центрофлота немедленно отозвать крейсер из Одессы. Положение в городе было настолько сложным, что времени для глубокого расследования фактов не хватало, поэтому решение об отзыве крейсера «Память Меркурия» было правильным.

Однако команда крейсера восприняла это болезненно. Состоялось общесудовое собрание. В принятой резолюции говорилось: «Мы, команда крейсера «Память Меркурия» протестуем и выражаем порицание товарищу Кондренко за то, что он, не разбираясь в деталях, смотрит только поверхностно на политические настроения команды... Нам очень обидно и жаль, что товарищ Кондренко... передал в Центрофлот, чтобы нас убрали с Одесского рейда».⁷

Эту резолюцию опубликовали все буржуазные одесские газеты. Не зная подлинных причин отзыва крейсера, местная пресса строила различные догадки, на комиссара Кондренко буржуазные писатели пытались набросить тень. Меньшевистский «Южный рабочий» в передовых статьях и корреспонденциях поливал грязью «Алмаз» и лично Кондренко.

После ухода «Памяти Меркурия» в Севастополь газета «Голос революции» выступила в защиту Кондренко. Она опубликовала сообщение: «Исполнительный комитет Совета матросских депутатов Одесского порта поставил в известность весь Черноморский флот, что резолюция команды крейсера «Память Меркурия» в той части, где ею выносятся порицание комиссару Одесского порта товарищу Кондренко совершенно не соответствует действительности. Исполнительный комитет заявляет, что тов. Кондренко стоял и стоит на высоте положения, работая неустанно на великое пролетарское дело революции». ⁸

Во второй половине февраля в Одессе был раскрыт еще один заговор против Советской власти. Доставленные на «Алмаз» заговорщики — белогвардейские офицеры и румынские шпионы Мунтенеску, Петреску и Димитреску, были переправлены в Военный трибунал, где под тяжестью неопровержимых улик сознались в том, что имели связь с находившимся в Кишиневе генералом Браштану.

Этот генерал на второй день после победы Советской власти в Одессе заявил:

— Мы поддерживаем Киевскую раду. Поражение ее войск в Одессе, конечно, весьма неприятный факт, но наши войска уже двинуты на Одессу. Бендеры должны сегодня пасть, за ними — Тирасполь, а потом уже черед за Одессой. И ее мы возьмем. Тогда покажем большевикам, что с нами нужно считаться.

В трудных условиях борьбы с внутренней контрреволюцией и иностранными интервентами Совнарком и Румчерод не могли уделить должного внимания работе среди крестьянства. Из Ананьевского, Балтского и других уездов стали поступать жалобы крестьян на притеснения кулаков и помещиков. Возвратившиеся из деревни матросы Афанасий Волошко и Нестор Атаманчук рассказали Артему Кривошееву, избранному заместителем председателя Румчерода, что во многих селах Ананьевского уезда кулацко-

помещичьи элементы установили свое засилье, местные Советы им попустительствуют. В ряде Советов засели кулаки, спекулянты и другие темные личности.

Неурядица и разруха царили во многих селах Балтского уезда. Села кишели дезертирами, процветало винокурение. Интеллигенции на селе было мало, и она не проявляла никакой активности. Школы не работали.

Кривошеев поставил на заседании Румчерода вопрос об оказании помощи селу. Спустя некоторое время из Одессы в уезды выехали группы рабочих и матросов для оказания помощи местным организациям в наведении революционного порядка. Кривошеев решил поднять на борьбу против темноты и суеверий интеллигенцию. Вскоре в одесских газетах было напечатано «Воззвание матроса Кривошеева к интеллигенции». Кривошеев писал, что интеллигенции, людям культуры не к лицу мириться с бескультурьем, темнотой, предрассудками, пассивно относиться к тем, кто сеет невежество и суеверия среди крестьян.

«Итак, товарищи,— призывал он,— собирайтесь, обсуждайте, организовывайтесь и скорее принимайтесь за работу. Пусть на ниве народной свободы расцветет новое, свободное и славное поколение, пусть не вырастают наши дети такими, как выросли мы, пусть это грядущее поколение, наши дети, не увидит своими невинными глазами тех ужасов, которые видели мы...»⁹.

Обращение Кривошеева к интеллигенции было услышано. Через несколько дней в газетах появились отклики городских учителей и врачей, желавших поехать на работу в деревню.

Из Одессы на село направлялись агитаторы. Особенно часто разъезжали по волостям агитатор Григорий Скобло, матросы-алмазовцы Иосиф Косов, Андрей Цыкин, Алексей Клименко и многие другие.

Из сел в Одессу стали приезжать делегации крестьян. Они просили помощи в борьбе с остатками петлюровских

банд. Из села Дивизия Аккерманского уезда в первых числах февраля прибыла делегация просить Румчерод помощи для борьбы с румынскими захватчиками. Делегация была настойчивой. Ее не удовлетворил ответ, что Одесса не может оказать просимую ими помощь. Показывая на видневшиеся из окна военные корабли на рейде, один из делегатов сказал:

— Вон они стоят броненосцы без дела. Дайте нам один.

— Броненосцами Румчерод не распоряжается. Ими командует штаб, он на «Алмазе», езжайте туда.

На «Алмазе» делегация снова повторила свою просьбу и только тогда покинула крейсер, когда Кондренко пообещал прислать миноносец с отрядом военных моряков.

— Ничего, миноносец тоже корабль подходящий,— успокаивали себя делегаты.

„ПОГИБНЕМ, НО ПОБЕДИМ!“

Обращение к матросам. «Победа или смерть!» За дисциплину и законность. Интервью Кондренко. Моряки выполняют условия мирного договора.

Одесский Совет народных комиссаров, обсуждая в конце февраля создавшуюся обстановку, решил обратиться к военным морякам с просьбой дополнительно создать отряды для охраны революционной законности в городе и борьбы с враждебными вылазками контрреволюционных элементов. Было признано целесообразным созвать собрание моряков, чтобы рассказать им о положении в Одессе.

Собрание состоялось 1 марта в Новом театре. С докладом о текущем моменте выступил Юдовский.

— Товарищи! Одесса в опасности, — говорил он. — Я не утверждаю, конечно, что если враг возьмет Одессу, погибнет революция. Но Одессой нужно дорожить, она — важный морской пункт. Для удержания города необходима твердая власть. Не такая власть, при которой каждая партия и каждая организация считает себя вправе поступать как угодно и ничего не делать для защиты завоеваний революции. В столь тяжелый для Одессы момент я обращаюсь к вам, товарищи матросы, с единственной просьбой — дайте нам силу, ибо без нее мы не можем ручаться за будущее, которое, быть может, настанет через день-два.¹

После Юдовского слово взял Кондренко. Он отметил, что напряженность в Одессе усугубляется грабежами,

пьянством, налетами, которые стали частым явлением. К тому же далеко не все матросы честно выполняют свой долг.

— Я издал приказ,— сообщил Кондренко,— не стрелять в порту и предложил комитетам задерживать всех стреляющих, а между тем бесцельная стрельба продолжается, комитеты бездействуют. Меня вызвали сегодня на вокзал. Оказалось, что матрос с двумя бомбами разогнал служащих вокзала. Население Одессы ждет от нас помощи, надеется, что мы его сумеем защитить от иностранных захватчиков, а у нас в собственном доме еще не наведен порядок. Мы должны оправдать доверие рабочих Одессы, с которыми вместе бились за власть Советов. Надо объявить беспощадную борьбу нарушителям дисциплины и законности. Если вы мне верите, если хотите, чтобы я работал, то окажите мне поддержку. В противном случае я тут же снимаю с себя полномочия.

В ответ на это раздались громкие крики: «Мы верим! Оставайся, мы поддержим!». Весь зал бурно приветствовал Кондренко.

На трибуну вышел А. Г. Железняков. От имени балтийцев он приветствовал моряков Черноморского флота.

— Исполнилась годовщина нашей революционной борьбы,— говорил оратор.— Мы несколько уклонились от своих обязанностей, считая, что революция достаточно закреплена... Но это ошибка! Гайдамаки вместе с австрийцами и германцами напали на нас, чтобы уничтожить революцию. Они заняли Киев и намереваются отрезать нас от севера страны. Перед нами проблема: победить или умереть. Нас, балтийцев, в Одессе всего 15 человек, но мы вместе с вами пойдем на врага с революционным лозунгом: «Победа или смерть!»².

Пламенная речь Железнякова вызвала овацию матросов. После выступлений еще нескольких моряков собрание приняло резолюцию:

«Товарищу Кондренко вынести благодарность за его деятельность и впредь приходить ему на помощь, когда это требуют интересы рабочих, крестьян, солдат и матросов. Начать беспощадную борьбу с пьянством. Самым решительным образом бороться против самочинных обысков, арестов и реквизиций, всемерно стремиться к укреплению революционного порядка в городе. Всеми силами способствовать мобилизации революционных войск для борьбы с контрреволюцией и иноземными войсками, посягнувшими на революционные завоевания народа. Решительно бороться против провокаций, разоблачая и беспощадно преследуя негодяев и провокаторов, вносящих рознь в революционные ряды. Поддерживать всеми мерами власть народных комиссаров гор. Одессы и одобрить все их мероприятия»³.

Совет матросских депутатов немедленно приступил к осуществлению принятого решения. В помощь комиссару по охране порядка в городе Д. Гурьеву было выделено 300 военных моряков.

В то время в Одессе магической силой обладали мандаты. С мандатом можно было пройти куда угодно, без него — шагу нельзя было ступить. Этим пользовался уголовный мир. В одной из типографий были изготовлены фальшивые бланки мандатов со штампом судового комитета «Алмаза». Переодевшись в матросскую форму, налетчики являлись в учреждения и на частные квартиры. Предъявив фиктивные мандаты, они производили обыски и «реквизировали» приглянувшиеся им вещи и ценности. Таким образом, совершаемые уголовниками злодеяния нередко приписывались матросам.

Отряды матросов выловили и изолировали несколько таких бандитских шайк, терроризировавших население. Военно-революционный трибунал вынес пойманному на месте преступления провокаторам-уголовникам суровый, но вполне заслуженный приговор — приговорил к расстрелу.

В начале марта корреспонденты ряда одесских газет посетили «Алмаз» и попросили интервью у Кондренко. Беседа велась вокруг вопросов, волновавших население Одессы.

В о п р о с. В городе распространяются слухи о том, что военные корабли ушли из Одессы. Насколько это достоверно?

О т в е т. Эти слухи неправдоподобны. В Одесском порту продолжает находиться броненосец «Синоп» и, как видите, крейсер «Алмаз» тоже здесь.

В о п р о с. Не ожидаете ли из Севастополя подкрепление?

О т в е т. Вчера я разговаривал по прямому проводу с Севастополем, обещали прислать еще корабли. В ближайшие дни ожидается возвращение линкора «Ростислав».

В о п р о с. Что ожидает Одессу в связи с возможным приближением неприятеля?

О т в е т. Скажу вам только о решении моряков, о котором сам знаю. Моряки постановили защищать Одессу до последней возможности.

В о п р о с. Вы отвечаете как председатель судового комитета «Алмаза» или как комиссар флота?

О т в е т. Настроение у всех моряков одинаковое. Все они готовы погибнуть, но победить. Поэтому я говорю от имени военных моряков всех судов, стоящих в Одессе.

На следующий день газеты сообщали: «Виднейший представитель корабля, занимающий ответственный пост, пользующийся авторитетом и влиянием в морских организациях, прекрасно знакомый с их настроением, трезво оценивающий всё «про» и «contra», на заданные ему ясные и определенные вопросы столь же ясно и определенно дал исчерпывающий ответ: Нет никаких тревожных симптомов. Население напрасно беспокоится. Настроение моряков бодрое, ясное и спокойное». ⁴

Но положение на фронте было тяжелым. Австро-германские войска продолжали продвигаться на юг Украины. Остатки старой армии и наспех сформированные отряды рабочих, моряков и красногвардейцев не могли сдержать неприятеля.

3-го марта, после захвата германскими войсками Жмеринки, Кондренко обратился в Центрофлот с радиограммой, в которой сообщал об угрозе, нависшей над Одессой: с севера — со стороны австро-германцев, и с юга — со стороны боярской Румынии. Помимо «Ростислава» он просил выслать для защиты Одессы еще хотя бы один линейный корабль старого типа — «Иоанн Златоуст» или «Евстафий».

Приход «Ростислава» и других кораблей задерживался. Это вновь дало враждебным элементам повод для распространения провокационных слухов о том, что моряки бросили Одессу, поэтому, мол, и рабочие не должны ее защищать. В адрес Центрофлота Кондренко одну за другой слал тревожные радиограммы: «Необходим приход «Ростислава» немедленно», «Срочно пришлите «Ростислав». В случае его запоздания слагаю с себя ответственность за последствия»⁵.

Наконец, «Ростислав» дал о себе знать. Радиостанция «Алмаза» приняла радиограмму: «Иду в Одессу, прошу зажечь Цареградский маяк». Но двумя днями раньше на «Алмазе» было принято известие о заключении между Россией и Германией Брестского мира. Это сообщение встревожило матросов. Раз заключен мир, рассуждали они, значит военные корабли Советской России не могут участвовать в боях с австро-германскими войсками. Но немцы, пользуясь предательством Центральной рады, наступали на Одессу, и матросы заявили, что они живыми не отдадут город неприятелю. Если же корабли вступят в бой, нарушат условия мира, то этим могут воспользоваться немцы для наступления на молодую Советскую республику. На некоторых кораблях Транспортной флотилии были приняты резолюции против заключения мира с Германией, команды требовали объявить австро-германским оккупантам гражданскую войну.

Для обсуждения сложившейся обстановки 5 марта в порту собрались представители моряков всех военных ко-

раблей. На собрание пришли Старостин и Юдовский. Кондренко призвал моряков со всей серьезностью отнестись к обсуждаемому вопросу.

Докладчик Юдовский объяснил участникам собрания, почему Советское правительство вынуждено было подписать тяжелые условия Брестского мира. Вслед за ним слово получил Старостин:

— Коммунисты во главе с Лениным идут на тяжелые жертвы лишь бы отстоять, сохранить Советскую власть. Я призываю моряков поддержать решение о заключении мира с Германией. Все военные корабли должны оставить Одессу и уйти в порты Советской России.

Затем выступили моряки. Они одобрили решение Советского правительства о подписании мира. Была принята резолюция, в которой подчеркивалось, что Советская власть может сохраниться только при условии заключения мира. Ввиду этого моряки согласились увести свои корабли из Одессы.

Поправка Кривошеева к этой резолюции гласила о том, что все корабли на Черном море, как военные, так и торговые, должны считаться собственностью Российской Советской Республики. Поправку приняли. Собрание постановило передать резолюцию на обсуждение команд.

Однако обсуждение этой резолюции на судах Транспортной флотилии показало, что команды некоторых кораблей, в том числе двух миноносцев, не согласны увести из Одессы корабли и решили вступить в бой с австро-германскими захватчиками.

Создалось очень сложное положение. Черноморский флот не мог участвовать в борьбе против оккупантов. Германские империалисты после заключения Брестского договора прекратили продвижение в пределы Советской России и по зову Центральной рады двинули свои войска на Украину. Но они по-прежнему искали повод для оккупации страны и в случае участия военных кораблей в боях за

Одессу могли воспользоваться этим для нового продвижения в глубь России.

По заданию Советского правительства в Одессу срочно выехал из Севастополя почти весь руководящий состав Центрофлота во главе с его новым председателем Е. Шелестуном. На судах были проведены собрания команд. Большевики приложили немало усилий, чтобы доказать матросским массам необходимость соблюдения кораблями Черноморского флота условий Брестского мира. Они разъяснили морякам опубликованные в «Правде» статьи В. И. Ленина «О революционной фразе», «Несчастный мир», «Мир или война», «О чесотке», «Страшное и чудовищное», в которых Владимир Ильич с большой убедительностью и революционной страстью разоблачал гибельную, авантюристическую политику Троцкого и «левых коммунистов», требовавших прекратить мирные переговоры с Германией и объявить ей революционную войну.

Матросские массы поняли мудрость ленинской тактики. соотношение сил было явно не в пользу Советской республики, требовалось время для накопления сил, чтобы одержать победу в новых решающих битвах, а для этого необходимо было временно отступить, получить передышку, выиграть время.

Как показали последующие события, германские империалисты действительно искали повод захватить Черноморский флот и Черноморское побережье. Когда оккупанты вторглись в Крым и подошли к Севастополю, Советское правительство для спасения флота решило перевести его в Новороссийск. Кайзеровское командование ультимативно потребовало возвращения флота в Севастополь, утверждая, что он якобы участвовал в боях против немецких войск в Одессе, чем нарушил Брестский мир. Интервенты заявили, что если флот немедленно не возвратится в Севастополь, то они будут продолжать наступление по Черноморскому побережью.

По этому поводу В. И. Ленин написал протест германскому правительству и убедительно разоблачил несостоятельность выдвинутых утверждений. «Ни одного разу ни в одном документе германское правительство не заявляло нам о том, будто наш флот участвовал в боях против немецких войск на Украине»,⁶ — писал Владимир Ильич. Опираясь на официальные документы, Ленин показал, что Брестский мир нарушила не Советская республика, а сами немцы.

ЭВАКУАЦИЯ

Оккупанты наступают. Клятва моряков. Единственный путь спасения революции. Совещание комиссаров. Условия эвакуации. Приказ Муравьева. «Алмаз» покидает Одессу.

Вымуштрованные и вооруженные до зубов австро-германские, румынские и петлюровские войска продолжали наступать в Одесском направлении. Ожесточенные бои развернулись вдоль железнодорожной линии Жмеринка-Вапнярка-Слободка. Советские войска оказывали героическое сопротивление захватчикам, но под напором крупных сил врага вынуждены были отходить.

6 марта на «Алмазе» состоялось совещание всех комиссаров Одессы с участием председателей судовых комитетов. Обсуждался вопрос о порядке эвакуации военных и торговых судов из города. Некоторые восприняли эвакуацию как сдачу Одессы без боя. Около часу ночи, когда совещание еще продолжалось, с «Ростислава» возвратился Кондренко и сообщил, что многие матросы с «Ростислава», «Синопа» и других кораблей решили сойти с оружием в руках на берег и влиться в ряды защитников Одессы. Кондренко высказал свое мнение:

— Соблюдение флотом условий мира не означает, что Одесса должна сдаться на милость победителя. Население Одессы, гарнизон, не теряя ни одного дня, должны организовать отпор врагу. Моряки будут сражаться в первых рядах.

Большинство участников совещания согласилось с мнением Кондренко.

Утром 7 марта моряки «Алмаза», «Синопа» и «Ростислава» встретились с бойцами некоторых воинских частей, сформированных в Одессе в феврале 1918 года, и договорились о совместном выступлении против австро-германских оккупантов. В опубликованном сообщении говорилось: «Объединенное заседание военных моряков, 1-го Советского драгунского полка и 1-го Ленинского батальона вынесло резолюцию защищать революционные завоевания до последнего солдата и призывает трудовое население на помощь»¹

В Одессе спешно формировались вооруженные отряды. Для объединения всех революционных вооруженных сил и для организации обороны города был создан Чрезвычайный революционный штаб рабочих и матросов. Разместился он во дворце шаха персидского по ул. Гоголя, № 2, в том самом здании, которое в последний день январских боев штурмом захватили рабочие и матросы. *

Одесский комитет большевиков постановил обсудить вопрос о военном положении Одессы на заводах и фабриках, на кораблях и в частях гарнизона. Бурно проходило пленарное заседание Совета рабочих депутатов, созванное 8 марта. Докладчик Старостин рассказал о героическом сопротивлении советских отрядов нашествию вражеских войск, о подвиге батареи мичмана Лященко, об отряде моряков «Синопа», «Ростислава» и «Алмаза» под командованием матроса Спиридонова, мужественно отражавшем атаки оккупантов в районе нижнего Днестра.

— На фронте ждут от нас поддержки, — говорил Старостин. — Оставлять фронт без подкрепления — это зна-

* На третий день после окончания январских боев бывший шах персидский Моххамед-Али пришел на «Алмаз» и настаивал, чтобы ему вернули дворец, так как он «политический эмигрант» и «пострадал» за свободу.

чит обрекать наших товарищей на смерть, значит предать революцию. Все рабочие, как один человек, должны выступить на защиту Одессы. Слишком много сил и жертв мы отдали, чтобы теперь сдавать город без боя.

Докладчика поддержали представители заводов Беллино-Фендериха, РОПИТ, союза торговых моряков и другие. Большинство ораторов высказалось за объявление всеобщей мобилизации для защиты Одессы. Лишь незначительная часть выступавших, находясь под влиянием соглашателей, требовала сдачи города оккупантам.

Горячо прозвучала речь Кондренко. Он сообщил, что в Одессу в ближайшие дни прибудет крупный отряд матросов из Севастополя, что ожидается также прибытие отряда Шерстобитова. Кондренко довел до сведения всех присутствовавших, что на общем собрании команды «Алмаза» принята резолюция защищать город до последней капли крови, для чего создаются сухопутные отряды моряков.

— Сегодня ночью,— говорил Кондренко,— мы созываем объединенное собрание моряков всех судов, стоящих на Одесском рейде. На нем будет обсуждаться резолюция команды «Алмаза». Могу утверждать, что моряки поддержат и осуществят резолюцию, ибо не для того матросы дрались в январе, чтобы потом запросто отдать врагу все свои завоевания.

Большинством голосов (296 — «за», 77 — «против») пленарное заседание Совета приняло постановление о немедленной всеобщей мобилизации.

В тот же день, в 11 часов вечера на «Ростиславе» состоялось собрание моряков «Алмаза», «Синопа», «Ростислава» и вспомогательных судов. После доклада Кондренко была принята резолюция, в которой говорилось: «Мы, нижеподписавшиеся команды, клянемся защищать город до последней капли крови».

В. И. Ленин внимательно следил за событиями в Одессе. Между Румчеродом и Советским правительством в Пет-

рограде была установлена постоянная связь. Румчерод просил Советское правительство передавать ему директивы по радио ввиду ненадежности телеграфа. Свои сообщения Румчерод передавал в Петроград через радиостанцию «Алмаза». Точно так же поддерживалась связь и с правительством Советской Украины.

После захвата австро-германскими войсками Киева на Одесском направлении сложилась очень тяжелая обстановка. На заседании Совнаркома РСФСР обсуждался вопрос о положении в Одессе. Принятое постановление было передано в Одессу в два адреса — Совету матросских депутатов (Совдепу флота) и Одесскому совнаркому. Советское правительство требовало немедленно приступить к вывозке из города запасов хлеба, металла, ценностей государственного банка, к эвакуации наиболее важных учреждений. Все, чего нельзя было вывезти (имелось в виду оборудование предприятий), рекомендовалось в последнюю минуту отступления привести в негодность. Совет Народных Комиссаров считал необходимым объявить Одессу на осадном положении, привлечь все взрослое население к рытью окопов, беспощадно подавлять всякое проявление контрреволюционной деятельности.²

В постановлении были четко сформулированы главные задачи, которые ставило Советское правительство перед революционным пролетариатом Одессы. Первая — максимально затормозить продвижение врага, отступить без паники, организованно. Объединить силы частей Красной Армии, военных моряков и вооруженных рабочих и в наиболее выгодные моменты наносить удары по врагу. Вторая задача — не дать оккупантам, в случае оставления Одессы, ни хлеба, ни металла.

Постановление Советского правительства приняли к немедленному исполнению. Была создана эвакуационная комиссия с местом пребывания на «Алмазе». Командиры всех находившихся в Одессе судов Транспортной флотилии

сообщили комиссии о состоянии и готовности плавсредств к обеспечению эвакуации. Комиссар по морским делам Кондренко запросил дополнительные транспорты из Севастополя. Но планомерную эвакуацию полностью провести не удалось. Капитаны многих транспортов сообщали о неисправности двигателей, об отсутствии угля, неукомплектованности экипажей и т. д. Мешали эвакуации и враждебные элементы.

В полночь 8 марта в кают-компания «Алмаза» началось совещание народных комиссаров Одессы и представителей морских организаций, созданное Одесским партийным комитетом. После долгих прений участники совещания пришли к выводу, что вступать в военную схватку на улицах города с более сильным врагом нецелесообразно. В Центрофлот была отправлена радиограмма: «Вышлите в Одессу все имеющиеся у вас миноносцы, транспорты, буксирные средства для эвакуации Одессы. Предложите ледоколу в Мариуполе идти срочно в Одессу. Комиссар Кондренко».³

10 марта собрался штаб Красной гвардии. Чижигов информировал работников штаба, что военные моряки создают отряды, сходят на берег и будут защищать Одессу от иноземных захватчиков. На заседании выступили В. Стародубенко, С. Соколов, П. Харлампат, В. Свицерский, П. Путный и другие члены исполкома штаба Красной гвардии. Все они говорили о необходимости дать отпор интервентам. Чижигов внес предложение:

— Надо обратиться к рабочим и крестьянам с воззванием, рассказать им о том, что немецкие интервенты идут на Одессу, чтобы восстановить старые порядки, снова посадить нам на шею буржуев. Что касается Красной гвардии, то она будет сражаться против наступающего врага.

В постановлении штаба Красной гвардии говорилось: «Приветствовать товарищей моряков военного флота, плечом к плечу дравшихся с красногвардейцами против вар-

варских отрядов контрреволюционной рады. Призываем всех товарищей рабочих и крестьян встать под Красное знамя труда и общими силами отразить черного врага». ⁴

На военных кораблях были оставлены малочисленные команды, которые осуществляли уход судов из Одессы. Из остальных матросов создавались отряды и отправлялись на фронт. На борьбу против австро-германских оккупантов уходили и вооруженные отряды рабочих Одессы.

10 марта газета «Голос пролетария» вышла с аншлагом на всю страницу: «Революция в опасности! Настал час решительного боя за классовые интересы пролетариата».

«К оружию!» — с таким воззванием обратился к трудящимся города Чрезвычайный революционный штаб рабочих и матросов. Штаб призвал рабочих оставить заводы и выступить на защиту пролетарской революции, оказать поддержку тем, кто на фронте борется против оккупантов. Воззвание заканчивалось боевым призывом: «Все под ружье! К высшей организованности и революционной дисциплине! За власть Советов! За социализм! За Третий Интернационал!» ⁵

Приближение австро-германских войск к Одессе ободрило местную буржуазию, она пустила в ход все средства лжи и клеветы. Нашлись провокаторы и предатели, были и малосознательные люди, поддавшиеся провокационным слухам. В этой напряженной обстановке активизировали свою деятельность соглашатели. Под влиянием демагогической эсеро-меньшевистской пропаганды, направленной на ослабление единства рабочих, революционных матросов и солдат, заколебалась некоторая часть трудового населения Одессы.

Бои с оккупантами уже происходили на подступах к Одессе. 12 марта, во вторник, советские учреждения, подлежащие эвакуации, перешли на корабли. В тот же день «Голос революции» опубликовал приказ Совета народных комиссаров Одессы, в котором объявлялось, что вся пол-

нота власти в городе передана Верховной Коллегии в составе Брашевана, Зайцева, Кондренко, Раузе и Юдовского. В постановлении указывалось, что отныне все распоряжения по области и фронту исходят лишь от Верховной Коллегии. Командование 3-й Советской Армией, защищавшей Одессу, возлагалось на П. С. Лазарева.

Верховная Коллегия завершила создание отрядов рабочих и матросов, которые были включены в состав Красной Армии, обеспечила организованный отход советских войск на новые позиции, взяла в свои руки руководство эвакуацией.

Поздно вечером 12 марта на «Алмаз» явились представители Одесской думы меньшевик Левковский и кадет Станчинский. Они заявили, что городское самоуправление возобновило свою деятельность, вступило в контакт с командованием австро-германских войск и просит команды военных кораблей не вести артиллерийского обстрела города.

— Завтра мы снова посылаем делегацию к командованию немецких войск. Поэтому мы хотим знать, какое решение примет флот,— пояснил причину визита Станчинский.— Дума постановила Одессу сдать.

Кондренко пообещал дать ответ только после консультации с местными советскими органами, не раньше утра следующего дня. На ночь делегацию поместили в каюту. *

— Моряки горят желанием защищать Одессу от империалистов,— заявил утром Кондренко представителям буржуазии.— Но Советское правительство заключило с Германией мир и мы получили директиву не вступать в бой. Передайте своим новым хозяевам, что флот выпол-

* «Одесские новости» и другие буржуазные газеты на следующий день клеветнически писали, что Кондренко хотел увезти представителей городского самоуправления в Севастополь.

нит условия мира и не откроет огня, если, конечно оккупанты, со своей стороны, не дадут к этому повода.

Чтобы не возникло никаких кривотолков, Кондренко вручил Левковскому о Станчинскому официальный ответ:

«Флот обязуется не открывать военных действий при следующих условиях:

1) Если будет дано обязательство не мешать эвакуации плавучих средств флота и выходу транспортов.

2) Всем находящимся на берегу морякам обеспечивается неприкосновенность.

3) Власти обеспечивают и устраивают выезд всем оставшимся в городе морякам, которые того пожелают»⁶.

Делегация думы покинула «Алмаз» и пообещала сообщить ответ немецкого командования. Буржуазные газеты опубликовали заявление военных моряков.

13 марта в зале Городской думы состоялось собрание представителей различных организаций и учреждений города. На нем было объявлено, что немецкое командование приняло условия, выдвинутые флотским комиссаром. На «Алмаз» снова отправилась делегация думы, которая передала матросам ответ австро-германцев.

Кондренко находился в очень затруднительном положении. Понимая, что участие флота в борьбе с оккупантами неизбежно вызовет осложнения во взаимоотношениях между Советской Россией и Германией, он твердо решил увести корабли из Одессы. Однако главнокомандующий Муравьев* требовал, чтобы военные суда вступили в бой с немцами и открыли артиллерийский огонь по городу. Уже когда корабли были на рейде и готовились отплыть в Севастополь, Муравьев вновь по радио передал Конд-

* Муравьев М. А. — левый эсер. В феврале 1918 года он и его армия были причислены в распоряжение Румынской верховной коллегии для поддержки революционных отрядов в Бессарабии на русско-румынском фронте. Впоследствии изменил Советской власти.

ренко и всем судовым комитетам: «Еще раз подтверждаю и приказываю привести в исполнение мой приказ об уничтожении Одессы».

Аналогичный приказ Муравьев отдал и сухопутным войскам. Об этом рассказывает в своих воспоминаниях командарм 1-го ранга И. Э. Якир. «Приказ у нас был главнокомандующего Муравьева. Такой, примерно, приказ, точно не упомнишь: «В тыл нам вышли немцы без предупреждения. В Киеве бой с Украинской радой. Связь с центром революции Питером утеряна. Приказываю доблестной особой армии погрузиться в эшелоны и двинуться на Одессу, Вознесенск и далее на север. Всю артиллерию иметь погруженной на платформах, в годном к бою состоянии. При переходе мимо Одессы из всей имеющейся артиллерии открыть огонь по буржуазной, националистической и аристократической части города, разрушив таковую и поддержав в этом деле наш доблестный героический флот».⁷

Далее И. Э. Якир пишет, что он не собирался выполнять авантюристический приказ Муравьева, но опасался, что этот приказ могут выполнить корабли Черноморского флота.

Однако Кондренко не поддался требованиям и угрозам Муравьева. Он сообщил ему, что артиллерийский обстрел города может быть произведен только после подтверждения приказа Петроградом и Центрофлотом. На это у Кондренко были веские мотивы. Во-первых, он руководствовался указаниями Одесского комитета партии об оставлении города без боя, во-вторых, в разрушении жилых кварталов Одессы он не видел никакого смысла, и, в-третьих, до моряков уже дошли сведения об авантюристических замашках Муравьева.

На рассвете 13 марта стал накрапывать мелкий весенний дождь. На рейде стояли «Алмаз», «Синоп» и «Ростислав». С причалов порта на транспорты грузились вой-

ска 3-й Советской Армии под командованием Лазарева. Из всей армии осталось только около 2000 бойцов.

На легковом автомобиле в порт приехал член судового комитета «Алмаза» Черников. Весь в грязи — только что с фронта. Сообщил, что немцы уже заняли станцию Одессу-Заставу.

Прибыл поезд с ранеными матросами и красногвардейцами. Их доставили из-под Слабодки и Бирзулы, где произошли кровопролитные бои с гайдаками и австро-германскими войсками. Стали известны героические подвиги моряков.

Отважно сражались матросы под командованием мичмана Василия Лященко и Карла Зедина. Этот отряд прибыл для борьбы с немецкими захватчиками из Севастополя. Он был хорошо вооружен, имел артиллерийскую батарею. Правда, среди севастопольцев было несколько человек, которые своим поведением компрометировали звание моряка. Можно было, как это предлагали некоторые, изгнать нарушителей из отряда. Но комиссар Зедин лично побеседовал с каждым недисциплинированным моряком. По рассказам одного матроса, смысл этих бесед был таков:

— Почему вы называете себя моряками? Лишь потому, что на вас морская форма? Или, быть может, на том основании, что вы усвоили морскую науку? Нет, это еще недостаточно для моряка. Кроме всего этого, моряку надо иметь чистую совесть и любовь к морю. Тот, кто полюбил море, — уже моряк в душе. А настоящий моряк никогда не опозорит своего звания. Если вы настоящие моряки, то с вами больше не случится позора. Но если вы думаете иначе, то сегодня же ночью уходите из отряда. Завтра утром мы идем в атаку.

Никто из отряда не ушел.

В районе станции Слободка севастопольцев с двух сторон обошли немецкие и петлюровские части. Моряки при-

няли решение — в плен не сдаваться, сопротивляться до последнего человека. Когда весь оружейный расчет вышел из строя, мичман Лященко сам стал к пушке. Немцы направили на Лященко ураганный огонь. Он получил уже третье ранение, а орудие все стреляло и стреляло. После четвертого ранения мичман Лященко упал замертво. Оставшись без патронов, матросы бросились на противника врукопашную. Почти весь отряд погиб. Только 16 морякам во главе с Карлом Зединым удалось вырваться из окружения. Все они были ранены.

На станции Бирзула Зедин принял командование бронеплощадкой и продолжал залпами пушек сдерживать оккупантов. Так продолжалось до самой Одессы. На одиннадцатый день боев Зедин прибыл в Одессу и раненый был доставлен на «Алмаз».

В ночь на 14 марта все военные корабли и суда Транспортной флотилии покинули Одесский рейд и направились в Севастополь и другие порты Крыма. На рейде оставался только «Алмаз». В 15 часов Кондренко направил Центрофлоту телеграмму:

«Одесса оставлена Советскими войсками, а в силу этого и Советами и комиссарами. 90 грузовых и легковых автомобилей с германцами заняли Дальницкую. Эвакуации и выходу судов пока не мешали. Гидро их, летавшее над рейдом, было обстреляно. Имеем сношение лишь с городским самоуправлением».⁸

Эвакуация прошла нормально. Команды всех кораблей показали высокую дисциплинированность и организованность. Когда корабли уже вышли на внешний рейд, с одного миноносца поступила просьба: «Председателю судового комитета «Алмаза» Кондренко. Разрешите открыть огонь по городу». Кондренко ответил: «Не разрешаю». И это послужило сдерживающим началом даже для тех моряков, которые никак не хотели примириться с мыслью об оставлении Одессы без боя.

На исходе дня 15 марта 1918 года командир крейсера «Алмаз» отдал приказ сняться с якоря.

«Алмаз» покинул берега Одессы. Но еще долго его имя не сходило со страниц одесских газет. 10 апреля «Одесские новости» сообщили, что измаильская радиостанция перехватила радиограмму о том, что якобы у Крымского побережья крейсер наскочил на мину и потерпел аварию. На следующий день эта же газета писала: «Помещенная нами вчера заметка об «Алмазе» вызвала ряд толков в местных морских кругах. Оказалось, аварии не было, «Алмаз» направился в рейс Севастополь—Керчь».

Спустя некоторое время в заметке «Кондренко оставил «Алмаз» «Одесские новости» сообщали, что «большевистский комиссар флота решил ликвидировать всю работу в качестве члена комитета «Алмаза» и перевелся в Центрофлот». Затем в газете снова появилась заметка под заголовком: «Где «Алмаз»?»

«Алмаз» в Керчи. Все мы живы и здоровы. Собираемся в Одессу». Эта телеграмма, переданная с крейсера и опубликованная в одесских газетах, у одних вызвала радость и надежду на скорое освобождение от оккупации, у других — беспокойство и страх.

Но «Алмазу» не суждено было вернуться в Одессу. Поставленный на ремонт у причала морского завода в Севастополе, он был захвачен немцами, вторгшимися в Крым. Но до этого вся команда сошла на берег и вступила в Красную Армию.

После захвата Одессы австро-германскими оккупантами буржуазная печать вновь подняла вокруг «Алмаза» шумную возню. Под крикливыми заголовками газеты сообщали о мнимых зверствах на «Алмазе», печатали фамилии якобы замученных там и выброшенных в море.

19 марта «Одесские новости» объявили, что военноморской суд приступает к исследованию морского дна для извлечения оттуда трупов «зверски убитых матросами

различных лиц». А 20 марта эта же газета вынуждена была признать, что водолазы, обойдя дно на местах стоянки «Алмаза» и «Синопа», не обнаружили ни одного трупа. 21 марта газета сообщила, что вместо трупов на морском дне обнаружена трехдюймовая пушка. Газета признала, что «работы проводились с особой интенсивностью», однако ничего предосудительного обнаружить не удалось. Все одесские газеты напечатали сообщение: «По сведениям из компетентных источников на «Алмазе» убийств совершено не было».

Так сами же авторы «тайны» «Алмаза» вынуждены были разоблачить свою стряпню.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Отгремели сражения, ушли в историю незабываемые годы гражданской войны. Миновали овеянные романтикой труда первые пятилетки. В годы Великой Отечественной войны наша Родина выдержала еще одно величайшее испытание. Появились новые бессмертные подвиги и герои. Но в памяти старожилов Одессы по-прежнему живы воспоминания об отважных матросах крейсера «Алмаз», которые залпами судовой артиллерии возвестили о приходе Октября в Одессу и стойко защищали власть Советов. И когда на бывшем Куликовом поле, ныне площади имени Октябрьской революции, садовник, сажая цветы, находит позеленевшую винтовочную гильзу, он, пожалуй, может разглядеть

В простом кусочке меди,
На поле пролежавшем столько дней,
Красногвардейцев,
Рвущихся к победе,
И залпы гайдамацких куреней.
И ненависть бойца в прищуре глаза,
И возле штаба — сбитого орла,
И бескозырки крейсера «Алмаза»,
И тех, которых выюга замела.

Замечательные люди были на «Алмазе»! Своими боевыми подвигами, а часто и ценой жизни, создавали они революционную славу своему кораблю. Читателей, веро-

ятно, интересуется дальнейшая судьба крейсера, членов его экипажа и других героев-моряков. Вот что удалось установить автору при написании книги.

В числе других судов барон Врангель и его иностранные хозяева в ноябре 1920 года повели «Алмаз» в африканский порт Бизерту. К тому времени его команда была весьма пестрой: белогвардейские офицеры, занимавшие матросские должности, студенты и гимназисты из буржуазных семей. Ни одного матроса, участника январских боев в Одессе, на нем не было. При подходе к Босфору на корабле отказала главная машина. Своим ходом он дальше идти не мог. Из Черного моря на чужбину «Алмаз» уводили на буксире.

В Бизерте крейсер был разоружен французскими властями и приведен в состояние долговременного хранения. Случайно набранный экипаж разлагался, дисциплина падала. Через некоторое время команда была списана в лагерь для русских эмигрантов. На крейсере в качестве сторожей осталось несколько офицеров. Позже «Алмаз» разобрали на металл.

После окончания гражданской войны Павел Иванович Кондренко работал машинистом на железной дороге, секретарем партячейки, затем окончил Высшие технические курсы, получил звание инженера-механика. За внедрение передового метода эксплуатации паровозов был награжден орденом Ленина, работал начальником паровозной службы Донецкой железной дороги — крупнейшей магистрали страны. На этом посту его деятельность была прервана. Он стал жертвой злоупотребления властью в период культа личности.

Артем Трифионович Кривошеев после Одессы до окончания гражданской войны находился в Красной Армии. За героический подвиг в 12-й армии был награжден орденом Красного Знамени. Потом работал в Народном комиссариате путей сообщения под руководством Ф. Э. Дзер-

жинского, вместе с ним в 1921 году выезжал в Сибирь, чтобы организовать вывозку хлеба для голодающих Поволжья. Ряд лет состоял директором-распорядителем концессионных обществ «Руссанглолес» и «Руссголландлес», был на научной работе.

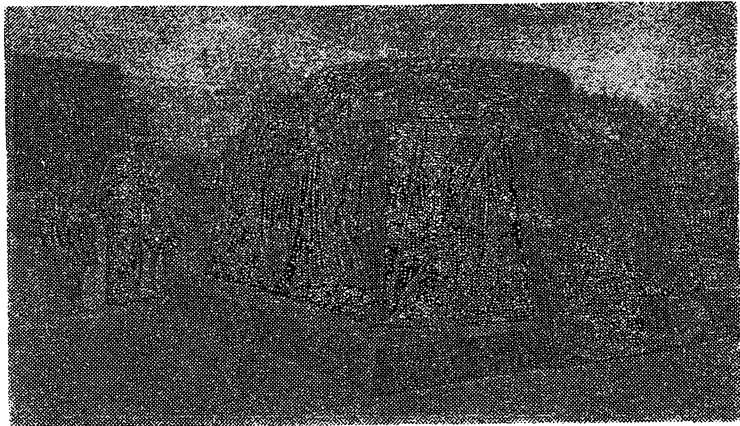
Трагически оборвалась жизнь во времена культа личности и Иосифа Герасимовича Косова. В революционном движении он участвовал с 1909 года, работал в подполье под кличкой Суворов. Впоследствии эта кличка стала его фамилией. Косов-Суворов находился на подпольной работе в Одессе и в период англо-французской интервенции, позже был комиссаром 398-го полка 45-й дивизии. Работал секретарем райкома партии г. Одессы, избирался делегатом на XV съезд ВКП(б), затем был на руководящей административной работе в морском транспорте.

Комиссар отряда моряков Карл Зедин, мужественно сражавшийся против австро-германских оккупантов, и в дальнейшем продолжал находиться в советских войсках. Он командовал Нижне-Волжской военной флотилией, был членом Реввоенсовета Балтийского флота, участвовал в боях против Колчака на Восточном фронте.

После провозглашения Латвийской Советской Республики Карл Зедин уехал в феврале 1919 года в Ригу, был комиссаром по военно-морским делам. Когда иностранные захватчики и латвийские буржуазные войска подошли в мае 1919 года к Риге, он во главе вооруженного отряда рабочих героически сражался против врага, был смертельно ранен в бою.

Заместитель председателя судебного комитета «Алмаза» Михаил Семенович Аркушенко служил в Красной Армии в должности корпусного комиссара, затем находился на руководящей работе в центральных партийных органах. В настоящее время он персональный пенсионер, проживает в Москве.

Уйдя на сухопутный фронт, матрос Яков Васильевич

Надгробие героям, павшим в борьбе за Советскую власть в Одессе, на площади имени Октябрьской революции.

Околотин командовал бронепоездом. Будучи окружен противником у ст. Сокологорское, он проявил большое мужество, храбрость и распорядительность. Бойцы под его командованием с боем пробившись из вражеского кольца и спасли бронепоезд. В боях у ст. Мелитополь они разбили бронепоезд противника «Георгий Победоносец» и уничтожили батарею врага. За подвиг в этом бою Околотин был награжден орденом Красного Знамени. Позже он командовал дивизионом истребителей Черноморского флота, был комендантом Кронштадтской крепости. После окончания гражданской войны находился на советской работе. В 1929 году погиб при автомобильной катастрофе.

Марсовый «Алмаза» Василий Федорович Бутко работал в сельском хозяйстве, с первых дней Великой Отечественной войны добровольцем ушел на фронт, участвовал в оборонительных, а потом и в наступательных боях под Москвой. В одном из сражений пал смертью героя.

Радиотелеграфист «Алмаза» Василий Воскобойник в

октябре 1916 года в числе других революционно настроенных матросов был списан с крейсера. Впоследствии он активно боролся за установление Советской власти в Одессе. Многие годы работал в сельском хозяйстве, участвовал в обороне Одессы и Севастополя в дни Великой Отечественной войны. После окончания войны работал председателем колхоза и секретарем партийной организации в Овидиопольском районе на Одессине.

Алексей Алексеевич Клименко, уйдя с «Алмаза», служил в гидроавиационном отряде. После окончания гражданской войны находился на руководящей работе в сахарной промышленности, был директором совхоза, сахарного завода. Участвовал в героической обороне Севастополя в Отечественную войну, имеет правительственные награды. Сейчас на пенсии, проживает в Одессе.

Алмазовец Сергей Ткачук, «дипломат», который помог раскрыть в Одессе в феврале 1918 года монархический заговор, по прибытии «Алмаза» в Севастополь вскоре вернулся в Одессу и участвовал в подпольной борьбе против австро-германских оккупантов. Как он погиб, следует рассказать подробнее.

На Базарной улице в доме № 46 существовал легально «Народно-социалистический театр». Устраиваемые в нем спектакли использовались для проведения собраний и совещаний подпольной партийной организации. Во главе театра находился большевик Иван Михайлович Кабанцев, а в числе работников было 9 коммунистов-подпольщиков и среди них бывший матрос Сергей Ткачук.

Однажды Кабанцеву было поручено подготовить спектакль, чтобы замаскировать проведение общегородской партийной конференции. Задача по тому времени не из легких. Надо было не только получить у властей разрешение на постановку спектакля в рабочем районе, но и постараться так все организовать, чтобы на нем не было посторонней публики.

Как раз приближалось столетие со дня рождения великого русского писателя Ивана Сергеевича Тургенева. Эту дату и решено было использовать. Удалось получить разрешение на дневной спектакль, программу которого составили по Тургеневу. Спектакль так и называли «Утро Тургенева». Актёрами выступали комсомольцы, зрителей подобрали из своих людей. Афиши вывесили всего за два часа до начала представления, да и то лишь в квартале, где находился Народный дом.

Даже погода содействовала успеху партийной конференции. Утро выдалось туманное, моросил мелкий дождь. Кто пойдёт на малоафишированный спектакль в такую погоду? На всякий случай все же были выставлены усиленные дозоры на прилегавших к Народному дому улицах. Кабанцев взял на себя роль кассира, чтобы удобнее распределять посетителей: своих — за кулисы, посторонних — в зрительный зал. Сцену и кулисы, за которыми собирались участники партийной конференции, охранял другой подпольщик.

Зрительный зал заполнило несколько десятков зрителей. Публика ждала начала, кое-кто волновался. А за кулисами в это время проводилась партконференция. Когда у входа в Народный дом появился полицейский, Сергей Ткачук заговорил с ним по-украински и вскоре увлек его в ближайший погребок. Когда все вопросы были обсуждены, подпольщики спокойно разошлись, а ожидавшей публике было объявлено, что за малым сбором спектакль отменяется.

Однако по чьему-то доносу австро-германская охранка все же узнала, что под видом спектакля проводилась конференция большевиков. Ткачука арестовали и увезли в контрразведку. Там его пытали, но ничего не добились. На второй день он был расстрелян.

Слесарь судоремонтного завода Николай Иванович Матяш, который вместе с Артемом Кривошеевым и Гри-

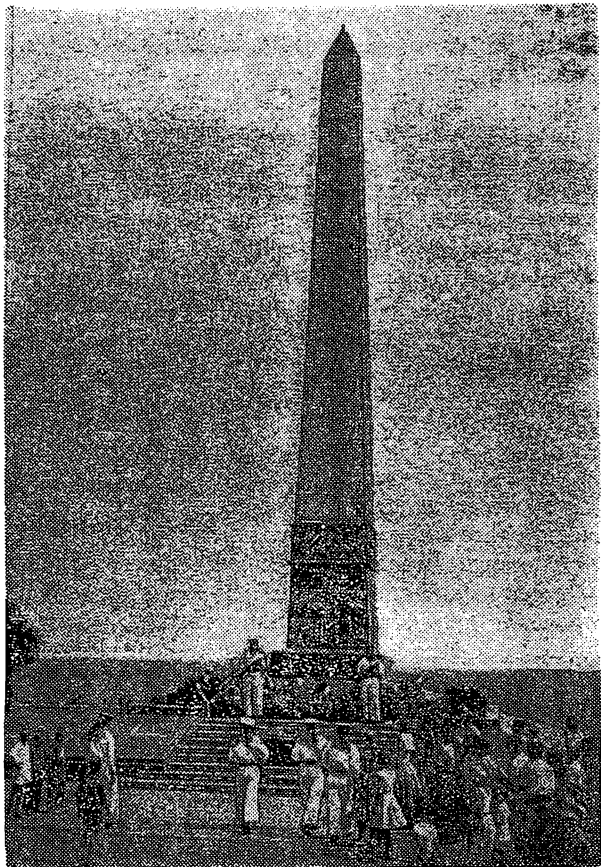
горию Скобло проводил работу по разложению гайдамацких войск, впоследствии стал рабочим писателем, опубликовал ряд сборников стихов, рассказов и повестей.

Г. Ф. Скобло после прихода австро-германских оккупантов в Одессу уехал в Самарскую губернию, сражался в 25-й стрелковой дивизии под командованием Чапаева, потом был комиссаром Нижне-Уральского полка в 4-й армии. С окончанием гражданской войны находился на советской и хозяйственной работе.

Прапорщик Георгий Софронов, командир Болградского отряда, после установления Советской власти в Одессе участвовал в боях против боярско-румынских и немецких войск. Продолжал он служить в Красной Армии и после окончания гражданской войны. В высоком звании генерал-лейтенанта Георгию Павловичу Софронову пришлось вторично защищать Одессу от немецко-фашистских захватчиков: в дни героической 73-дневной обороны Одессы он командовал славной Приморской армией. В настоящее время Г. П. Софронов находится в отставке и проживает в Москве.

Калистрат Григорьевич Саджая, комиссар Болградского отряда, в период англо-французской интервенции находился на подпольной работе в Одессе, одно время был председателем Военно-революционного комитета. После изгнания интервентов работал председателем губернской Чрезвычайной Комиссии. В последующие годы занимал ряд ответственных постов на советской работе.

По-разному сложились судьбы руководителей интернациональных отрядов, сражавшихся за власть Советов в Одессе. Серб Олеко Дундич вместе со своим отрядом вступил в Красную Армию, сражался в Первой Конной. Отличался храбростью и отвагой, за многочисленные героические подвиги был награжден орденом Красного Знамени. 8 июля 1920 года Дундич погиб в бою под Ровно. Адольф Шипек, командовавший чешским революционным отрядом,

Памятник Неизвестному матросу в парке имени Т. Г. Шевченко.

много лет служил в Красной Армии, ушел в отставку в звании генерал-майора, живет в Москве. Командир румынского интернационального отряда матрос Г. Стройчиу вернулся в 1919 году на родину. Вскоре он был арестован и предан суду. Верный сын румынского народа Георге Стройчиу был осужден за участие в революционном движении на 25 лет каторжных работ, умер в тюрьме в 1928 году.

Матросы крейсера «Алмаз» и другие участники революционных боев в Одессе в годы мирного социалистического строительства также с честью выполняли свой гражданский долг. Многие из них, получив образование при Советской власти, стали руководителями партийных и советских организаций, крупными хозяйственными и военными работниками.

* * *

12 мая 1962 года на центральном стадионе в парке культуры и отдыха имени Т. Г. Шевченко на весенний праздник искусств собрались десятки тысяч одесситов. Пришли рабочие и работницы, студенты и учащиеся ремесленных училищ, матросы и солдаты. В театрализованных сценах ожили перед глазами огромной аудитории немеркнущие, славные страницы истории. С импровизированной трибуны неслись торжественные слова о подвиге моряков «Алмаза». Они воскрешали в памяти старшего поколения бессмертную картину героического прошлого, вызывали глубокие чувства у молодежи. И когда после окончания весеннего праздника зрители расходились со стадиона, то они увидели, что у подножия памятника Неизвестному матросу, где горит вечный огонь славы, выросла целая гора пламенеющих тюльпанов и сирени.

Благодарные потомки помнят и чтут память героев-черноморцев.

УКАЗАТЕЛЬ ОСНОВНЫХ ИСТОЧНИКОВ

Глава 1

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 8, стр. 448.

² Там же, стр. 451.

Глава 2

¹ Всеподданнейший отчет по Морскому Министерству за 1906—1909 гг., стр. 264.

² ЦГАВМФ, ф. 430, оп. 1, д. 439, л. 149.

Глава 3

¹ «Красный флот», 1924, № 2, стр. 32.

² «Архів Радянської України», 1932, № 4—5, стр. 25.

³ ООПА, ф. 13, оп. 3, д. 215, л. 7.

⁴ Там же, л. 8.

Глава 4

¹ ЦГАВМФ, ф. 183, оп. 1, д. 73, л. 81.

² Там же.

³ Там же, л. 29.

⁴ ГАОО, ф. 3829, оп. 1, ц. 16, л. 21.

⁵ Там же, д. 84, л. 60.

⁶ ЦГВИА, ф. 9670, оп. 2, д. 7, л. 14.

⁷ ГАОО, ф. 3829, оп. 1, д. 16, л. 3.

⁸ «Известия Севастопольского Совета матросских депутатов», 3 ноября 1917 г.

⁹ ЦГАОР УССР, ф. 3156, оп. 2, д. 177, л. 8.

Глава 5

- ¹ Из неопубликованных воспоминаний И. Косова-Суворова.
- ² «Солдатская мысль», 1 ноября 1917 г.
- ³ Там же, 28 октября 1917 г.
- ⁴ ЦГАОР УССР, ф. 3156, оп. 2, д. 8, л. 1.
- ⁵ Там же, л. 5.
- ⁶ Из неопубликованных воспоминаний И. Косова-Суворова.
- ⁷ Там же.
- ⁸ Партийный архив Крымского обкома КП Украины, ф. 150, д. 97.
- ⁹ ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 1, д. 206, л. 13.
- ¹⁰ «Солдатская мысль», 4 ноября 1917 г.
- ¹¹ «Известия Одесского Совета», 11 ноября 1917 г.

Глава 6

- ¹ «Солдатская мысль», 28 ноября 1917 г.
- ² ЦГВИА, ф. 1837, оп. 1, д. 466, л. 140.
- ³ «Голос пролетария», 20 декабря 1917 г.
- ⁴ «Солдатская мысль», 5 декабря 1917 г.
- ⁵ ЦГАОР УССР, ф. 3156, оп. 1, д. 69, л. 94.
- ⁶ «Известия Одесского Совета», 9 декабря 1917 г.
- ⁷ ЦГВИА, ф. 9670, оп. 2, д. 42, л. 4.
- ⁸ «Солдатская мысль», 14 декабря 1917 г.

Глава 7

- ¹ Октябрь на Одессине, 1927, стр. 14.
- ² «Голос пролетария», 16 декабря 1917 г.
- ³ Там же, 17 декабря 1917 г.
- ⁴ ЦГАВМФ, ф. р-397, оп. 1, д. 280, л. 62.
- ⁵ Там же, д. 293, л. 35.
- ⁶ ЦГАОР УССР, ф. 3156, оп. 2, д. 134, л. 48.
- ⁷ Великая Октябрьская социалистическая революция на Украине, т. 3, Госполитиздат УССР, 1957, стр. 475.
- ⁸ «Одесский листок», 24 декабря 1917 г.
- ⁹ Там же.

Глава 8

- ¹ «Голос пролетария», 23 декабря 1917 г.
- ² «Голос революции», 14 января 1918 г.
- ³ ЦГАВМФ, ф. 183, оп. 1, д. 23, л. 163.

Глава 9

- ¹ «Одесские новости», 22 декабря 1917 г.
- ² «Известия Одесского Совета», 16 декабря 1917 г.

Глава 10

- ¹ ГАОО, ф. 3829, оп. 1, д. 84, л. 19.
- ² «Одесский листок», 3 января 1918 г.
- ³ ГАОО, ф. 3829, оп. 1, д. 87, л. 63—64.

Глава 11

- ¹ ЦГВИА, ф. 9670, оп. 2, д. 41, л. 15.
- ² «Шквал», 1930, № 32, стр. 4.
- ³ «Известия Одесского Совета», 9 января 1918 г.
- ⁴ Там же.
- ⁵ ЦГАВМФ, ф. 183, оп. 1, д. 22, л. 193.
- ⁶ Там же, л. 222.
- ⁷ Там же.
- ⁸ Там же, д. 18, л. 127.

Глава 12

- ¹ ГАОО, ф. 3829, оп. 1, д. 89, л. 11.
- ² «Известия Одесского Совета», 16 января 1917 г.

Глава 13

- ¹ ГАОО, ф. 3829, оп. 1, д. 89, л. 11—14.
- ² ООПА, ф. 2, оп. 2, д. 781.
- ³ «Голос пролетария», 17 января 1918 г.
- ⁴ ЦГАВМФ, ф. 183, оп. 1, д. 22, л. 232.
- ⁵ ЦГАОР УССР, ф. 3156, оп. 2, д. 227, л. 173.
- ⁶ ЦГАВМФ, ф. 183, оп. 1, д. 18, л. 101.
- ⁷ Там же, д. 22, л. 244.

Глава 14

- ¹ «Солдатская мысль», 24 марта 1917 г.
- ² Там же, 31 марта 1917 г.
- ³ ЦГАСА, ф. 245, оп. 4, д. 121.

Глава 15

- ¹ «Голос пролетария», 18 января 1918 г.
- ² ЦГАОР УССР, ф. 3156, оп. 2, д. 314, л. 171.

- ³ ЦГАВМФ, ф. 183, оп. 1, д. 29, л. 276.
- ⁴ «Одесские новости», 21 февраля 1918 г.
- ⁵ «Голос революции», 26 февраля 1918 г.
- ⁶ «Одесские новости», 3 марта 1918 г.
- ⁷ «Одесский листок», 28 января 1918 г.
- ⁸ «Голос революции», 20 февраля 1918 г.
- ⁹ «Одесские новости», 27 февраля 1918 г.

Г л а в а 16

- ¹ «Маленькие Одесские новости», 2 марта 1918 г.
- ² ГАОО, ф. 3829, оп. 1, д. 1266, л. 39.
- ³ «Одесский листок», 5 марта 1918 г.
- ⁴ Там же, 2 марта 1918 г.
- ⁵ ЦГАВМФ, ф. 183, оп. 1, д. 30, л. 90.
- ⁶ В. И. Ленин, Соч., т. 27, стр. 322.

Г л а в а 17

- ¹ «Голос пролетария», 10 марта 1918 г.
- ² ГАОО, ф. 3829, оп. 1, д. 139, л. 125.
- ³ ЦГАВМФ, ф. 183, оп. 1, д. 30, л. 91.
- ⁴ «Голос революции», 12 марта 1918 г.
- ⁵ «Голос пролетария», 10 марта 1918 г.
- ⁶ «Одесский листок», 14 марта 1918 г.
- ⁷ И. Э. Якир. Воспоминания о гражданской войне, М., 1957, стр. 17.
- ⁸ ЦГАВМФ, ф. 183, оп. 1, д. 30, 134.

Сокращения:

ЦПА ИМЛ — Центральный партийный архив Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС.

ЦГАСА — Центральный государственный архив Советской Армии.

ЦГВИА — Центральный государственный военно-исторический архив.

ЦГАВМФ — Центральный государственный архив Военно-Морского Флота.

ЦГАОР УССР — Центральный государственный архив Октябрьской революции УССР.

ГАОО — Государственный архив Одесской области.

ООПА — Одесский областной партийный архив (партархив Одесского обкома КП Украины).

НОВЫЕ НАЗВАНИЯ УЛИЦ, УПОМЯНУТЫХ В КНИГЕ

Старые названия

Александровский проспект
Александровский парк
Базарная
Ботаническая
Большая Арнаутская
Большефонтанская дорога
Воронцовский пер.
Дальницкая
Греческая
Греческая площадь
Екатерининская
Итальянский бульвар
Канатная
Куликовое поле
Коблевская
Нарышкинский спуск
Николаевский бульвар
Новорыбная
Ольгиевская
Преображенская
Привоз
Полицейская
Почтовая
Ришельевская
Сенная пл.

Новые названия

Проспект Мира
Парк им. Шевченко
Кирова
Проспект Юрия Гагарина
Чкалова
Перекопской дивизии
Краснофлотский пер.
Андрея Иванова
Карла Либкнехта
пл. Мартыновского
Карла Маркса
Спортивная
Свердлова
пл. Октябрьской революции
Подбельского
Селянский спуск
Приморский бульвар
Чижикова
академика Павлова
Советской Армии
Октябрьский рынок
Розы Люксембург
Жуковского
Ленина
Сквер 9 января.

Софиевская
Семинарский пер.
Старорезничная
Таможенная пл.
Торговая
Троицкая
Успенская
Французский бульвар
Херсонская
Церковная

Короленко
Сельскохозяйственный пер.
Куйбышева
пл. Вакуленчука
Красной гвардии
Ярославского
Чичерина
Пролетарский бульвар
Пастера
Деда Трофима

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стр.
О т а в т о р а	5
Г л а в а 1. Прорыв во Владивосток	7
Г л а в а 2. На Черном море	25
Г л а в а 3. Вместе с народом	38
Г л а в а 4. В канун Октября	58
Г л а в а 5. В центре событий	71
Г л а в а 6. Декабрьские дни	87
Г л а в а 7. Румчерод и матросы	106
Г л а в а 8. Борьба за массы	122
Г л а в а 9. Матросы заменяют офицеров	133
Г л а в а 10. Буржуазия маневрирует	143
Г л а в а 11. Накануне восстания	150
Г л а в а 12. Свершилось!	163
Г л а в а 13. Бои на улицах Одессы	170
Г л а в а 14. Интернационалисты	192
Г л а в а 15. Тревожное время	202
Г л а в а 16. «Погибнем, но победим!»	223
Г л а в а 17. Эвакуация	231
Послесловие	244
Указатель основных источников	253
Новые названия улиц, упомянутых в книге	257

Владимир Григорьевич Коновалов
ПОДВИГ «АЛМАЗА»

Редактор А. Котляр
Художественный редактор Н. Зайцев
Художник А. Мельниченко
Технический редактор Т. Молчанова
Корректор О. Сидоренко

БР 04133. Подписано к печати 30/III 1963 г. Формат бум. 70×108/32.
4 бум. л. усл.-п. л. 11,37. Уч.-изд. л. 11. Зак. 3315.
Цена 35 коп. Тираж 15 000.

Книжное издательство, Одесса, ул. Жуковского, 14.

Книжная фабрика Главполиграфиздата Министерства культуры УССР.
Одесса, Купальный пер., 5.

ОДЕССКОЕ
КНИЖНОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
1963

В. Коновалов

ПОДВИГ

«АЛМАЗ»